

№ 6(24). 2017

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо -2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Декабрь 2017 № 6 (24)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ
Дмитрий Филиппов — прозаик, публицист

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 25 декабря 2017 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение к дискуссии	
Валентин Курбатов. Неча пенять.....	4
Валерий Кириллов. Отчуждение Родины. Размышления о пагубных последствиях глобализации	8
Проза	
Сергей Кириллов. Уйдома. Повествование. <i>Отрывок</i>	19
Татьяна Грибанова. Анисовые туманы. <i>Рассказы</i>	48
Дмитрий Филиппов. Сын человеческий. <i>Рассказ</i>	54
Валентина Беляева. Чаевые. <i>Рассказ</i>	63
Александр Герасимов. Воробышки. <i>Рассказы</i>	69
Поэзия	
Владимир Савинов. Песня русская. <i>Стихи</i>	75
Сергей Филиппов. <i>Стихи</i>	78
Калининградские берега	
Леонид Мальцев. В песке забвения. <i>Рассказ</i>	80
Александр Андреев. <i>Урок дорог</i>	86
Валерий Батрушевич. <i>Стихи</i>	89
о. Игорь Дюкарев. <i>Стихи</i>	91
Берега Новороссии	
Иван Донецкий. Киса. <i>Рассказ</i>	93
Диана Кан. Донецк: хаос войны и космос гармонии. <i>Очерк</i>	97
Череповецкие берега	
Сергей Созин. Череповец литературный	102
Вениамин Гумаров. <i>Стихи</i>	105
Леонид Вересов. Архивные смальты поэтической мозаики поэта Н. Рубцова	108
Александр Кругликов. <i>Стихи</i>	114
Берега памяти	
Людмила Яцкевич. Поэт и блаженный. <i>Рассказ</i>	117
Владимир Подлuzский. Созвездие Русского Креста. <i>Эссе</i>	132
Переводы	
Миленко Ергович. Рождество в Зенице (глава из книги «Род»). <i>Перевод с хорватского</i> <i>Елены Солодовниковой</i>	138
Русский мир без границ	
Минские берега. Валентина Поликанина. «Прозревшей душой говорить»... <i>Стихи</i>	142
Пражские берега. Людмила Свирская. <i>Стихи</i>	146
Критика	
Григорий Блехман. О книге Валентины Коростелёвой «Строки и судьбы»	149
Бережок	
Альбина Королёва. Зеркало. <i>Рассказ</i>	151
Берега милосердия	
Лидия Довыденко. Берег надежды. <i>Очерк</i>	152
Нас читают, о нас думают.	
Отзывы о журнале «Берега»	156
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	158

Приглашение к дискуссии

Валентин Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов – писатель, литературный критик, член правления Союза писателей России. Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Член Академии современной русской словесности, член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. Толстого, Горького, новой Пушкинской премии за 2011 год, Патриаршей премии 2014. Член Президентского Совета по культуре. Живет в Пскове

Неча пенять...

Закончится церемония вручения премии «Ясная Поляна». Отобнимаешься с лауреатами, со своими товарищами по жюри, простишься на полгода до следующего чтения, а сердце всё не успокаивается. И то бы хотелось сказать, и об этом подумать.

Да и какая-нибудь нечаянность внезапно окликнет, и ты опять там, в отошедших заботах, в чтении и мысли...

Вот на днях вычитал в интернете о нынешних семнадцатилетних тридцатилетнего автора:

«Они очень крутые. Они умнее, быстрее и сильнее, чем мы. Зачем учить, если можно загуглить... мир-то развивается, всё движется. Больше нет субкультур плюс апгрейд русского языка. Помните: раньше были эмо, панки, готы, рэперы, тусовщики и прочие? Теперь их нет. Смартфон в рукекратно повысил скорость распространения информации, разрушил коммуникационные барьеры, сломал рамки... Они открыты к новому. Они готовы пробовать. У них нет страха – быть чужим в своей группе, потому что нет никакой группы. То же самое происходит с языком. Он быстро вобрал в себя жаргонизмы от самых разных групп: сленг, зэковские словечки, анимешные аригатусенсей, наркосленг, эмоджи вполне себе уживается с литературным русским языком. Это потрясающе. Сейчас русский язык получил второе дыхание. Он обрёл потрясающий пласт для иносказательности, у него появился мощный нарратив в среде.

...Мы получили толпу индивидуалистов, которые насквозь видят фальшь, умеют быстро находить ответы, держат мозги открытыми, обогащают русский язык и развивают. Они потихоньку убивают продюсерский контент, заменяя его на самиздат плюс органическая природа хайпа – хайп имеет органическую природу. Вы не заставите их отправлять друг другу какой-либо трек.. Вы не сможете купить их внимание больше, чем на один вечер. И они посмеются, когда посмотрят на вас и ваш продукт. Они очень быстро меняют правила игры. Там, где вчера царил порядок, завтра будет хаос. Посмотрите на тот же рэп. Старая школа до сих пор не может поверить, что они на задворках, а залы качают Pharaoh и Скриптонит. Они приходят в среду и обустроивают её под себя. Скоро они столкнутся с государственными институтами. Ох, я бы не хотел оказаться на месте этих самых институтов».

Пришлось сократить. Там ещё восторженные слова о легализации мата и владение им, что не всякий русский забор выдержит.

Какова уверенность в силе и новизне поколения! А если бы не только «загугливали», а и читали, то, может быть, наткнулись бы на Достоевского и на минуту увидели бы в себе цитату:

«Наступающая будущая Россия честных людей, которым нужна лишь одна правда... О, в них большая и нетерпимость: по неопытности они опровергают всякие условия... Характернейшая черта ещё в том, что они ужасно не спелись и пока принадлежат ко всевозможным разрядам

и убеждениям («нет никакой группы»)… Разлад в убеждениях непомерный. Но стремление к правде нерушимое… рядом со страшным разворотом я вижу и предчувствую этих грядущих людей, которым принадлежит будущность России («скоро они столкнутся с государственными институтами»).

Коли позабыть на минуту об «апгрейде» и «хайпе», то увидишь, что речь идёт об одной и в сущности вечной тенденции, не узнающей друг друга из-за перемены платья.

А революции-то не с того же ли начинались? А «оттепель»? А «перестройка»? Апгрейд-то апгрейд, да только русское сердце, как ни «гугли», всё в старую человеческую сторону поворачивает и оказывается мудрее «толпы индивидуалистов». Хотя, конечно, мир и интернет много поработали над русским сердцем и умом в последние четверть века. Разрыв сознания между отцами и детьми огромен, а между внуками и дедами вообще непереходим. И я не знаю, как другие премии, а «Ясная Поляна» эти тенденции времени очень обнаруживает. Хотя почему не знаю? Знаю! Списки-то соискателей часто дублируют друг друга. А всё чаще и премии даются одним и тем же авторам, подтверждая, что система-то координат хоть и повреждена, да всё-таки не вовсе сломана.

Однако всё отчетливее видно, что время «длинной» литературы (литературы долгого дыхания) проходит, потому что и из жизни уходит долгое дыхание и воцаряется день из тех, что «хоть день да мой». Если вспомнить доброе старое наставление Станиславского о том, что режиссёр должен умереть в актере, то легко увидеть, что и режиссёры больше не хотят умирать в актёрах, и авторы – в персонажах. Жизнь стала ненадёжна, истончилась до минуты. Из неё ушла вечность. И вот каждый хватается за мгновение – не упустить, навязать себя собеседнику и читателю возлюбленную свою жизнь – печальную и уходящую. И литература становится яркой, как цифровая фотография хорошего разрешения.

Это будет одинаково у итальянца Алессандро Барикко с его «Юной невестой» (а мы уже три года, как международная премия), где автор поселяется в книге вместе с героями и пишет их «прямо на глазах читателя» со всеми тонкостями, изысками языка и такой нечистотой подробностей, что лучше закрывай и беги исповедоваться, если посмеешь после такого чтения поднять глаза на образ. Это будет и у испанца Энрике Вилла Матаса, предупреждавшего о «конце эпохи Гутенберга» и необходимости вводить слово в действующие лица. А станет скучно с этой «всё ещё литературой», можно разогнуть «Манагару» Владимира Сорокина и приготовить вместе с автором шашлык из осетрины на первом издании «Идиота» или гриль на «Швейке» и «Старике и море».

Не помню кто, кажется, В.В. Розанов замечательно сказал, что «совершенство форм есть преимущество падающих эпох». Мысль вспомнилась, потому что смотрю вот свои заметки с заседаний жюри «Ясной Поляны» и вижу, как не устаю удивляться. Вот запись о С. Афлатуни, о его «Муравьином царе»: «Блестяще, пугающе легко, ослепительно живо, страстно, чудно – совершенная свобода дервиша, которому тысяча лет и оттого миру и его детским заботам можно только улыбнуться». И о Павле Крусанове с его «Железным паром»: «Изящно, иронично, ритмично об исчерпанности путей человечества». Тут от цитаты не удержусь: «Род человеческий, угнетённый корневым недугом, спасти нельзя. Единственный рецепт – сменить. И сделать это надо быстро. Прежде того, как человечество само сметёт себя, жизнь сделав невозможной, а планету превратив в шарообразную пустыню, летящую сквозь мрак пространства».

Отчего же тогда, если всё так изящно и крепко, так много утонченности и гибкости и вполне двадцать первый век, а всё-таки не оставляет чувство, что от века скорее отделяются, «чтобы не приставал», и нет утешения сердцу? Умно-то умно, но всё без преображающих прорывов, всё будто не обо мне, а о них. Жизнь открывается пёстрая, броская, как в супермаркете, яркая – «пикселей не сосчитать», а душа оказывается не нужной этой радужной внешности мира. Всё происходит здесь и сейчас. Душа рвется вон, а выйти некуда, потому что на улице только черновики этой литературы, её подстрочники. Ложь, конкуренция, жестокость, безнаказанность компьютерного зла. А мы – долг, обязанность, идеалы. Да пошёл ты!… Дойдет автор до мгновения, когда уже без Бога не выбраться, но тут же и защитится печальной иронией. «Подставиться» побоится…

Прочитал вот у Довлатова о Синявском, что у того всегда на вооружении «готовность к отпору и саркастическое остроумие. Без этого в эмиграции не выживешь. Загрызут». И поневоле подумал, что и дома мы теперь «в эмиграции», и надобны те же готовность к отпору, умная уклончивость и защитное остроумие. Иначе «загрызут». Как в беззащитно печальной книге Ксении Драгунской

«Колокольников-Подколокольный», где ты скоро узнаёшь свой мир, «холодный, гладкий и пустой, как холодильник – ни за что не зацепишься». И где наше сердце кричит: «Да ты лох что ли? Уйди в отказ! Пошли всё и всех!», где вчера ещё молодые герои искали свободы, от которой бы перехватило дыхание. А вот добились её и ищут, как героиня, денег на эвтаназию, чтобы проститься с «перехватывающей дыхание» свободой, потому что жить в холодильнике нельзя. И горько улыбаются над Достоевским: «Что ты понимаешь в нас, что ты видел в своем XIX-м веке? – срок твоей премудрости давно истёк».

И герой в книге умный, удачливый, хороший режиссёр, только заикнется в интервью, что, может быть, не всю бы жизнь заголять снизу в театре и в слове, так его «запинают ногами» в интернете: «ага, цензуры захотел?» А мало будет слов, так дверь подожгут, чтобы жена с ребёнком сбежали, а там и разобьют жёсткие диски со снятым, но ещё не монтированным фильмом («Желаем творческих успехов!»), пока и он не побежит вон. И не услышат «поборники свободы» грозного урока, что маятник истории неостановим, и когда однажды свобода перейдет опасный предел, то новая цензура явится с новым ожесточением, и это будет «заслугой» этих самых «свободных художников», которые закопают настоящую духовную свободу. Подлинно, как сказано у автора, «мы медленно взрослели и постарели в одночасье».

Но откуда, откуда же взялся этот злой народ, который только переменить, потому что в переработку он уже не годится? Ну, об этом тоже в книгах «Ясной». В прошлом году питерский писатель Андрей Столяров в романе «Мы, народ...» делал из героев прямых «колумнистов» жёсткой публицистической печати: «У русских всегда был некий метафизический горизонт... всегда была высокая бытийная температура. Она сплавляла нас в единую нацию, единый народ. А когда пришли времена Большого распила, цель исчезла, как марево, как дым на ветру. Что нам предложила нынешняя эпоха: «Обогащайтесь»? Но ведь это не для всех, а исключительно для себя. И государство перестало для нас быть своим. Оно бросило нас, а мы в свою очередь махнули на него рукой».

Сегодня его коллега по Питеру и прозе Александр Мелихов в «Свидании с Квазимодо» даёт слово другому «колумнисту», словно они одного издания: «Хватай, до чего дотянешься, и наслаждайся, наслаждайся! Мешает мать, брат, отец – убей мать, брата, отца... Но мы ни за что на свете не хотим поглядеться в это страшное зеркало. Мы ни за что на свете не хотим знать главное о себе – в чём мы похожи на извергов и уродов, мы выискиваем только то, в чём мы красивее».

Действительно поневоле следом за Крусановым (как сговорились питерцы!) захочешь поскорее «отменить» этот народ. Там у Крусанова герой пишет книгу об этом, чтобы положить её на стол президенту, и она «кажется на столе уместной». Вроде ирония, но когда среди героев то тут, то там «подворачиваются» Жириновский, Шойгу, проворный Чубайс и умный ВВП, то уж вроде и не шутка и не ирония.

О хищной сущности мира будут проговариваться и иностранные соискатели «Ясной». У Джонатана Коу в его «Номере 11» герои уже находят денежное выражение и тому, что не поддается счету – любви, священному трепету, ошеломлению «на всём должен быть ценник – тогда порядок». И вертятся в том же мире мерзких фейсбучных и твиттерных комментариев с матом и всеми видами унижений, как герои Ксении Драгунской. Пришло их время, и они, зная, что жизнь измельчала, умело пользуются оставшейся малостью и не тоскуют. И у нынешнего лауреата «Ясной» Марио Варгаса Льосы в «Скромном герое» старик-миллионер женится на молодой служанке, чтобы не оставить ничего нетерпеливо ожидающим его смерти сыновьям-гиенам. Человек предпочитает сегодня делать, что ему угодно, а не угадывать волю судьбы, потому что она может продиктовать человеческое, совестливое и неподъёмное.

Но – улыбнёмся – им-то «так и надо» – хищникам капиталистическим. А мы-то с чего туда же? Да с того, что теперь тоже капиталисты и тоже ищем ценника на всём. Почитайте получившего в этом году главную премию Андрея Рубанова, его роман «Патриот».

Тут и увидите параллельную вселенную крупного бизнеса и уверенных ребят, которые рванули «из с печным отоплением» прямо к звёздам гипермаркетов, банков, заказных убийств и «Беги, кролик, беги!» Всё надивиться не могут, как жили, если и штанов не было, и интернета не было, и айпадов, и «Макдональдса». «А через пятнадцать лет – мы, ещё совсем молодые ребята, тридцатилетние дураки – вдруг получили всё. Кредитные карточки, сотовые телефоны, машины с кондиционерами, дороги в десять полос. Пятьдесят каналов в телевизоре... Нам дали бесплатный билет в будущее.

Нас заморозили в одном мире и оживили в другом. Как у Герберта Уэллса, понял? Ты думаешь, мы надломленные? Да мы счастливейшие...»

Как же – поверили мы! «Печное-то отопление» оно ведь не только тело, а и душу грело. Вот и вышел из счастья-то «клуб одиноких сердец имени жёлтого дьявола, переутомлённых негодяев, бета-самцов и хищников» (это они сами себя так назовут – русские же ребята – понимают, что к чему). Про Бога-то я не зря говорил, что они останавливаются на пороге. Вон и у Ксении Драгунской для героев «Бога нет – он пропал без вести, а у его угодников непроницаемые лица налоговых инспекторов». И у Рубанова удачливые молодцы звонят по своим «мобилям» Богу, но у Него «всё телефон на автоответчике». Много их, видно, таких просителей, включающих Бога в участники операции. А вот Дьяволу герой «дозвонился» пьянством и одиночеством. Да и то не самому. А мелкому чёрту, который не посмел бы и на шаг подойти к Ивану Карамазову. И покатился вчерашний владелец «бесплатного билета в будущее» и хозяин жизни вниз да вниз от легко входящих во всякий нынешний текст, как часть «пейзажа» Чубайсов и Ксений Собчак, в полное уже отчаяние. Засобирается даже в Донбасс повоевать (тут они тоже из книги в книгу сделали Донбасс литературным «местом проверки», из места страдания «паролем современности и патриотизма»), да уж чувствуют, что слово «Родина» давно подменено словом «государство», которое для всех них, как для героя Столярова, стало чужим. И окажется вместо Донбасса в Лос Анджелесе (это как-то естественнее и вернее – мы бы в его Донбасс не поверили), чтобы утонуть в океане на серфере.

А я, грешный, радуюсь, что герой погиб, что русское отчаяние взяло верх над расчётом, что, слава Богу, живое сердце не пускает в окончательный капитализм. Отчего и «патриот»? Не оттого только, что хочет одеть своих современников в щегольские телогрейки и держит гипермаркет «Готовься к войне». Во всяком случае, когда грядущий историк 90-х и «нулевых» захочет написать портрет этого молодого хищного времени, он ещё раз напишет этот роман. А отчего Рубанов во всякой премии в финалистах и никогда в лауреатах, так оттого, что уж очень нам не хочется отражаться в таком неприятном зеркале. Но коли хотим глядеть времени и совести в глаза прямо, надо решаться.

А что же побудительный-то текст о богатстве русского языка после апгрейда? А ничего... Спасибо, что «завёл». Может быть, надо было поблистать этим новым языком в прозе соискателей? И матом не забыть щегольнуть, тем более, что четверть книг торопится предупредить с обложки, что они 18+ и содержат «нецензурную брань» (в особенности «девочки», которые могут и самым «продвинутым» в этом языке провести «мастер-класс»). Да вот не хочется. Важнее показалось увидеть, что мы «переехали в Европу» и на рынке от обложек до содержания не уступим.

А утешение и отрада, что русское сердце всё-таки не забывает себя. И, если после чтения и не впадаешь в отчаяние «при виде всего, что совершается дома» (школьный Тургенев), то потому, что спасает сегодня не «апгрейд» и не «хайп», а всё тот же помнящий себя русский язык.

Адам крестил в райском саду по поручению Господнему не одни дни (как это замечательно определил когда-то Милорад Павич), а и самые небеса, цветы, травы и всякое человеческое чувство. И, оказывается, что мы все помним это крещение. И, несмотря на все «приобретения сленга, эзковских словечек, анимешных аригатусенсей, наркосленга и эмоджи», живём и спасаемся не ими, а «великим, могучим, правдивым и свободным русским языком» (вот-вот – свободным!) и всё опережающим всех модернистов мира по полноте значения (как ни мнится им, что они могут «защитить в текст» в пять раз больше смыслов, чем, мы, грешные).

Оставим эти соревнования самоуверенной молодости, а лучше покрепче будем помнить, что настоящая свобода – это и есть русское слово, помнящее о любви и сердце. Тогда можно и в самое беспощадное зеркало глядеться без страха.

Приглашение к дискуссии

Валерий Кириллов

Валерий Яковлевич Кириллов родился 20 сентября 1946 года в Андреаполе Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского Государственного Университета им. А.А. Жданова. С 1977 года – редактор областной молодежной газеты «Смена», с 1986-го – заместитель председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию, с 1988-го – первый заместитель редактора областной газеты «Калининская правда», с 1989-го по 2001-й год редактор газеты «Калининская правда» («Тверская жизнь»). С 1988 по 2000-й год председатель правления областной журналистской организации. В 1990–1993 гг. народный депутат РФ. Член Союза писателей СССР, РФ. Автор 26 книг художественной прозы и публицистики.

Лауреат премии «Слово к народу». Заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин Андреапольского района Тверской области

Отчуждение Родины

Размышления о пагубных последствиях глобализации

Разумеется, нельзя видеть причину всего негативного, что произошло у нас за годы «демократии», лишь в институтах власти. По большому счёту, это результат подспудных процессов, развивавшихся в русском народном сознании на протяжении многих лет.

Если посмотреть вглубь, происходящее есть следствие отчуждения (столкновения) двух цивилизаций: евразийской и западноевропейской (имеющей в наши дни массу антихристианских признаков). Экономика отчуждается от Родины. Государство – от человека. Крестьянин – от земли. Город – от деревни. Культура – от нравственности. Свобода – от совести. Потребность – от нормы. Тело – от личности. Народ – от национальности... Существует немало подтверждений того, что в этом процессе влиятельная часть российской «новой элиты» находится на стороне западных «ценностей».

Народ без национальности?

Удерживать духовное и материальное пространство невозможно без дееспособного, имеющего корневую привязку, осознающего свою духовную самобытность и историческое предназначение народа. При всём том, что человек наделён сознанием, позволяющим ему осмысливать и передавать по наследству исторический опыт, обогащая его своими открытиями, он, как биологическая особь, подвержен влиянию среды своего обитания. Она может привести либо к умножению и процветанию населения, либо, наоборот, при неблагоприятных социальных, культурных, экологических и прочих условиях, поставить его на грань нравственной и физической деградации, что и произошло в современной России.

За годы «реформ» коренное население страны уменьшилось, по разным оценкам, на 8–15 миллионов человек. Абсолютно точная цифра официально не оглашается. Более конкретны цифры на региональном уровне. Так, в Тверской области с 1990 по 2012 год количество жителей сократилось на 328 тысяч человек, или на 19,7 процента. Численность молодёжи до 16 лет снизилась с 351 тысячи человек до 182 тысяч. В последние три года этот процесс замедлился, но не стоит обольщаться. Из трех десятков центральных областей России нет ни одной, где бы наблюдался прирост. Особую тревогу вызывает отток народа из сибирской и дальневосточной частей страны. В близкой перспективе тенденция вряд ли изменится. По мнению учёных, в ближайшие десять лет число женщин репродуктивного возраста уменьшилось в России с 12 до 6 миллионов. Если каждая из них ро-

дит троих детей, страна спасётся от вымирания. Рассчитывать на это не приходится. Председатель наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнов прогнозирует менее чем через десятилетие демографический провал.

Наши противники на Западе и связанная с ними либеральная «пятая колонна» внутри страны уже пытались использовать фактор недовольства русских их вымиранием для разжигания национальных противоречий. С этой целью, в частности, раздувался миф о «русском фашизме». Усилия провокаторов не принесли им желаемого результата. Русский национализм в России исторически отождествляется с государственным патриотизмом, а национальность воспринимается не столько как вопрос «крови», сколько как соответствие традиционным нравственным установкам. Именно это качество позволило русским объединить вокруг себя многие другие народы, создав великую империю, в которой у всех народов оказались равные возможности для самореализации.

Во главе русской церкви стоял мордвин Никита Минов (патриарх Никон), крупнейшим военачальником в русской армии был грузин князь Багратион, вождем Советского Союза – называвший себя «русским грузинского происхождения» Джугашвили (Сталин). Мать Александра Даля была немкой, отец – датчанином. Но, как отмечал первый биограф Даля Мельников-Печерский, сопровождавший его в поездках по деревням, крестьяне не только не видели в Дале человека нерусского, но были убеждены, что он вышел из крестьянской среды. Размышляя об этом в конце своей жизни, Даль напишет: «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски». Как русских, а не как россиян, воспринимали на Западе Маршала Советского Союза армянина И. Баграмяна, еврея чемпиона мира по шахматам М. Ботвинника, украинца летчика-космонавта СССР П. Поповича, дагестанца, автора бессмертных «Журавлей» Р. Гамзатова. Такое восприятие было естественным. Потому что была грамотная, ответственная национальная политика.

Либералы от такой политики отказались. С подачи Ельцина вошло в употребление слово «россиянин», в то время как везде на Западе нас, независимо от этнической принадлежности каждого, называют русскими. Стали раздаваться предложения изменить исторически сложившиеся названия «русская литература» и «русская история» на «российскую литературу» и «российскую историю». На этом фоне наши города оказались оккупированы иностранными названиями. Как телевидение, так и радио заполнились песнями на английском языке. «Новая элита» учит нас не только говорить, но и мыслить на языке чужой цивилизации, а для усыпления бдительности внушает мысль, что Россия – есть часть Европы. А может, наоборот: часть Европы – есть часть России? Выдающийся английский историк (и разведчик) Арнольд Тойнби считал Россию отдельной цивилизацией, что, несомненно, так и есть.

Прогибание перед западным не ново. В XVIII-м веке оно было повальным. В XIX-м несколько уменьшилось, тем не менее упомянутый выше граф С.С. Уваров издавал свои книги на французском языке. В начале XX-го века В.В. Розанов в письме Э. Ф. Голлербаху отмечал: «Россию подменили. Вставили на её место другую свечку. И она горит чужим пламенем, чужим огнём, светится нерусским светом и по-русски не согревает комнаты», а генерал М.Д. Скобелев, выступая перед сербскими студентами, говорил: «Чужеземец у нас везде. Рука его проглядывает во всём. Мы – игрушки его политики, рабы его силы». Может, за эту откровенность и лишили жизни генерала-патриота в номере московской гостиницы «Дюссо» некие тайные силы?

С небывалой силой разгулялся космополитизм и после свержения монархии. Такая политика продолжалась вплоть до середины 30-годов, когда Сталин в целях сохранения государственности принял меры по разгрому «пятой колонны» троцкистов.

Надо заметить, современные носители либерального мировоззрения мало чем отличаются от своих предшественников. Это подтверждается их высказываниями, приведенными Андреем Фёдоровым в статье «Нерусь, куда несешься ты?» в газете «Завтра».

Игорь Юргенс, профессор ВШЭ: «России мешают русские – основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет... Русские ещё очень архаичны. В российском менталитете общность выше чем личность... Большая часть (народа) находится в частичной деградации... Другая часть – общая деграция».

Артемий Троицкий, рок-журналист, музыкальный критик:

«Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего

сорта. Когда я вижу их – начиная от ментов, заканчивая депутатами, – то считаю, что они, в принципе, должны вымереть... На самом деле, этой породы мне совершенно не жалко».

Дмитрий Быков, журналист, участник проекта «Гражданин поэт»:

«Большая часть российского населения ни к чему не способна, перевоспитывать её бессмысленно, она ничего не умеет и работать не хочет. Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спиться или вымереть от старости, пичкая соответствующими зрелищами». Недавно «доброжелатель» по приглашению газеты «Караван» выступал в Твери.

Мысли «первосортных» созвучны известным рассуждениям Троцкого (Бронштейна). Гитлер, пойдя дальше Троцкого, уже не рассуждает, а даёт директиву Розенбергу о введении Генерального плана «Ост» (23 июля 1942 г): «Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают. Прививки и охрана здоровья для них излишни. Славянская плодовитость нежелательна... образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Каждый образованный человек – это наш будущий враг. Следует отбросить все сентиментальные возражения. Нужно управлять этим народом с железной решимостью...»

Русский человек перед Западом виновен уже по определению. Судя по заявлениям ряда европейских лидеров, их отношение к России мало чем отличается от расистских взглядов тех, кого советский народ разгромил в 1945-м. Есть у них общая с предшественниками черта. Они скверно учат, или вообще не учат уроки истории, иначе вняли бы предостережению Александра Блока:

Виновны ль мы – коль хрустнет ваш скелет
В тяжёлых, нежных наших лапах?

Мифы против традиции

Роль деревни в истории России неопределима. *Деревня обеспечивала страну продовольствием, её посланцы осваивали громадные территории, составляли основу русской армии.* Где у нас были наиболее многодетные семьи? В сельской местности. Сама специфика крестьянского труда побуждала к этому. Среда определяла не только образ жизни русского человека, но и его мышление. *В деревне основы, корни нашего национального самосознания, языка, традиционной культуры.* Соответственно, физический и нравственный отрыв русского человека от земли приводит к его национальному обезличиванию. В 1882 году Г.И. Успенский в очерке «Власть земли», напечатанном в журнале «Отечественные записки», отмечал: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, – добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство», – и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идёт от него. Останется один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настаёт душевная пустота, «полная воля», то есть неведомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди, куда хошь».

К этому времени было понятно: мечта интеллигенции «раскрепостить мужика» в деревне не осуществилась. Манифест Александра II от 19 февраля 1861 года был вынужденным, принимался в условиях, весьма похожих на сегодняшние, о чём можно судить по письму К.С. Аксакова императору: «Народ не имеет доверия к правительству, правительство не имеет доверенности к народу. При потере взаимной искренности и доверенности всё обняла ложь, везде обман... Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать и неизвестно, до чего дойдут». Несмотря на то, что манифест официально объявил крестьян свободными, он не вызвал радости ни у крестьян, ни у патриотической интеллигенции. Н.А. Некрасов, прочитав его, настолько опечалился, что занемог. Герценовский «Колокол» определил суть земельной реформы так: «Народ царем обманут». И это было правдой, т.к. уже на первой странице документа объявлялось, что земля составляет неотъемлемую собственность помещика. Начались крестьянские волнения. В официальном отчёте третьего отделения отмечалось, что за 1861 год произошло 1176 крестьянских бунтов.

Не привела к успеху и столыпинская реформа. Казалось бы, учитывая её уроки, бери полезное из чаяновской идеи семейно-трудового хозяйствования и создания на этой основе кооперативов, анализируй плюсы и минусы советской коллективизации и иди дальше. Но современные либералы дальше не пошли, а вернулись назад, к тому, против чего предостерегал Успенский. Для начала они обеспечили идеологическое обоснование своим желаниям вновь «раскрепостить крестьянина»,

чтобы «освободить» его в этот раз уже не из помещичьей кабалы, а из «агроулага». В сознание непросвещённого населения стали вдалбливаться лукавые мифологемы.

Миф первый: «Россия при царе-батюшке производила столь много хлеба, что кормила им полмира».

Да, хлеб экспортировался за границу, но уровень его внутреннего потребления оставался крайне низким. Известный русский экономист начала прошлого века М.И. Туган-Барановский считал, что «избытки хлеба для вывоза у нас образуются вследствие того, что мужик не доедает». (Социальные основы кооперации. М. 1998). По подсчетам специалистов, калорийность продуктового набора русского крестьянина составляла 2617 калорий, финского – 3674, итальянского – 3565, крестьянина штата Нью-Йорк – 3785. (Крестьяноведение. М. 1996).

Миф второй: «Столыпинская реформа соответствовала чаяниям крестьян».

Ничего подобного! Не от хорошей же жизни с 1908 по 1913 год в России было зарегистрировано 22 тысяч крестьянских выступлений. Уже к 1906 году большинство крестьян требовало национализации земли, а когда переселенцы в Сибири стали объединяться в общины, сам «великий реформатор», после встречи с ними, признал, что это разумно. В ходе опроса, проведённого Вольно-экономическим обществом, выяснилось, что 89 % опрошенных земледельцев отрицательно относятся к столыпинской реформе. Несмотря на то, что крестьян зачастую выгоняли из общины насильно, а земские чиновники отменяли решения сельских сходов, из общины вышло всего 22 процента крестьян. Из них основная часть разорилась, так как хозяйствовать в одиночку не смогла. Неудивительно, что, получив в 1917-м землю, крестьяне повсеместно восстановили общину. В 1927-м в РСФСР 91 процент крестьянских земель находились в общинном пользовании.

Миф третий: «Столыпинская реформа дала замечательные результаты в наращивании выпуска сельхозпродукции».

Этого не произошло. В 1906–1917 гг. урожайность зерновых культур в России поднялась, по сравнению с дореформенным периодом (1900–1905 гг.), всего на 3,4 процента, а поголовье скота в расчете на 100 жителей деревни снизилось: лошадей – на 10,5 процента, крупного рогатого скота – на 16,3, овец и коз – на 29, свиней – на 14 процентов. К 1915 году в целом по России площади, занятые под хлебами, возросли на 20 процентов, а в частнособственнических хозяйствах уменьшились на 50. (Крестьяноведение. М. 1996). Известно, как проявили себя государственные крестьяне и частники в Первую мировую войну. Частник, по сравнению с крестьянином-государственником, заламывал цену на зерно в 2,3–3 раза большую.

К перечисленным мифам добавим ещё один: «Фермер накормит Россию». Хотя известный американский учёный Джон Кристиан, в предупреждение нашим «реформаторам», заявил: «Идея фермерства родилась 200 лет назад и кончилась естественной смертью. Америку кормит не фермер, а крупноземельный кооператив».

Опасность со стороны корпораций

Осуществленное либеральными «пахарями» очередное отлучение русских крестьян от земли привело, с одной стороны, к их массовому вырождению, запустению пашни, а с другой – к образованию паразитического сословия латифундистов. Механизм прост: приобрёл несколько десятков, а то и сотен паев (средний размер пая 8–10 гектаров) по 8–10 тысяч рублей за пай, перепродал их по сто пятьдесят долларов за сотку, и ты уже рублёвый миллионер, а то и миллиардер. Кроме всего прочего, *земельная «реформа» породила в сфере землепользования несусветный беспорядок*. Одни владельцы земельных паев имитируют сельскохозяйственную деятельность, другие, пользуясь коррумпированностью чиновничества, переводят сельхозугодья в иную категорию – чаще всего под индивидуальную застройку, третьи, умирая, не оставляют наследников, четвертые дарят пай пятым, а те отбывают за границу, так что и концов не найдешь.

Продекларированное властью изъятие неиспользуемых земель не меняет существа дела. Ведь какой выход предлагается? Выставление их на аукцион, то есть очередной передел частного собственности, хотя вряд ли найдется много желающих покупать площади, за двадцать-пятнадцать лет заросшие бурьяном и мелколесьем. В лучшем случае новый собственник использует землю для кредитно-банковских манипуляций. Судя по всему, незавидная судьба ожидает и предоставление в бесплатное пользование «дальневосточного гектара». Чтобы полноценно на нём хозяйствовать,

нужна инфраструктура. Кто будет её создавать? Об этом речи нет. Впрочем, общество ещё не осознало всего коварства нового земельного законодательства. Крупный российский капитал становится глобальным, следовательно, рассматривает землю как транснациональное достояние. То есть земельный феодализм в России приобретает международный характер.

Важно, что на земельную тему заговорили представители власти. «Очень большое значение, на мой взгляд, имеет представление об общей собственности, – отмечал на заседании «Изборского клуба» губернатор Белгородской области Е. С. Савченко. – Общая собственность – это фундамент солидарности. Общей собственностью должна быть земля. *Каждому человеку, живущему в России, необходимо понимание, осознание того, что земля общая. Дана Богом для всех нас, и не должна быть чьей-то частной собственностью.* Мне кажется, ничто так не испортило наш народ, не развратило его экономически и нравственно, как закон о частной собственности на землю». Свое заявление Савченко подкрепил делом, сосредоточив в руках областной власти 60 процентов пахотной земли. Она не продаётся, а сдаётся в аренду на 49 лет. Из фонда этих земель белгородская власть продаёт по 15 соток (по текущим ценам за 25 тысяч рублей) всем желающим с обязательством построить за пять лет дом. За свой счет власть подводит к местам застройки воду и электричество.

Думается, *поспособствовать наведению порядка в землепользовании могло бы использование опыта ряда зарубежных стран.* В Германии запрещено изменение целевого назначения участков. В Дании собственник и арендатор обязаны проживать в хозяйстве. В Италии, если фермер не обеспечивает поддержания плодородия земли, использование её по назначению, вступает в действие принудительная сдача её в аренду. Радикальным шагом в России, как и предлагает Е.С. Савченко, могло бы стать обобществление земли с учётом того, что хозяйствование на ней не может быть успешным, если оно не учитывает цивилизационных особенностей русского народа, и, в первую очередь, его склонности к коллективным формам организации труда. У нас издревле артелью работали на полях, артелью ставили друг другу избы, артелью отдыхали.

Кстати Запад, науськивавший российских либералов на разрушение у нас коллективных форм хозяйствования, сам по пути ломки доставшихся от социализма сельхозкооперативов не пошёл. Больше того, сельхозкооперативы бывшей ГДР приняты странами Евросоюза за модель ведения сельского хозяйства в XXI веке. Нежелание современной российской власти опираться на особенности национального характера, непонимание ею того, что «в России – центр на периферии» (В.О. Ключевский), и что в связке «государство-народ», а государство имеет подчиненный по отношению к народу характер, лишает нашу деревню устойчивой перспективы, являясь предвестником грядущих катаклизмов.

«Из дыма вышла саранча...»

Известие о том, что в стране действует сеть «воспитателей», приобщающих подрастающее поколение к тюремной субкультуре, обеспокоило политиков, государственных деятелей. Владимир Путин заявил, что власть сделает всё для защиты молодежи от этой «культуры».

В сущности, *трудно провести грань между субкультурой и насаждаемой в России с начала 90-х, превратившейся в гигантский бизнес массовой псевдокультурой.* Это – явления одного порядка, и с ними мы сталкиваемся постоянно. Основное оружие массового поражения – телящик. Изо дня в день транслирует он склочные «паноптикумы» с подглядыванием в замочную скважину, кривляние пересмешников, бессмыслицу попсовых песенок, жестокость дебильных боевиков, грядущие катаклизмы, угадки затейников, советы экстрасенсов и актёров-стругальщиков морковки, мусор из дешёвых сенсаций... А что за «писатели» в почёте? Завсегдатай телеэкрана Дарья Донцова наштамповала массу субкультурных «произведений» с названиями «Покер с акулой», «Обед у людоеда», «Маникюр для покойника», «Канкан на поминках», «Гадюка в сиропе»... Читайте люди! Это то, что вам нужно вместо Достоевского, Пушкина, Толстого, Распутина!

Кино либералы также отформатировали в нужном им направлении. О том, какие герои, помимо Мишки Япончика, Соньки Золотая Ручка и батьки Махно, предлагаются «лузерам», говорят названия фильмов: «Нюхач», «Балабол», «Шакал», «Мусорщик», «Парфюмерша», «Бомжиха», «Челночницы». А сколько ненавистнической лжи и мерзости в «Штрафбате», «Сволочах», «Гальянке»... Однако эта продукция составляет малую толику от общего потока. В телепередаче «Право голоса» на ТВЦ завязалась дискуссия о том, как на основе культуры поспособствовать сближению народов

России и Украины. Когда коснулись кинематографа, участник дискуссии с украинской стороны В. Ковтун воскликнул: «Какое кино, господа, если у вас в России восемьдесят шесть процентов сбора в прокате дают американские фильмы?!» За кого «воюют» в России эти фильмы? За Америку, против русских.

«Страшно, что нет ничего страшного», – считал И.С. Тургенев. Новое поколение уже воспринимает демонстрируемые с телеэкрана бред и жестокость, обилие иностранных вывесок на улицах русских городов как норму, естественное условие своего существования. *Здравый смысл подменяется абсурдом. Растлители оценивают, что есть нравственно, а что – безнравственно. Фальсификаторы истории борются с её фальсификацией. Коррупционеры – с коррупцией. Профессионализм – ничто. Главное – корпоративная солидарность нацеленных на выполнение воли мировой закулисы и гарантированное этим личное благополучие дельцов.* Всё это усиливает в православном человеке эсхатологические ощущения, заставляя его вспомнить предостережение из «Апокалипсиса»: «Из дыма вышла саранча... Лица же её, как лица человеческие».

Два типа – два мировоззрения

Наряду с тягой к коллективизму, есть у русского человека и ещё одна отличительная черта – тяга к социальной справедливости. Это заложено в исповедуемой нами православной вере, что отчётливо сознавали русские традиционалисты XIX века, общественные и государственные деятели более поздних периодов российской истории.

«Новая элита» придерживается другой философии, отчего в стране сложились глубочайшие социальные противоречия. Директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН профессор В. Денисов, считает, что Россия давно перешагнула критические пороговые показатели неравенства. Он утверждает: «Для нормального функционирования государства разница в уровне доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан не должна превышать 8–10 раз. По данным Росстата, в среднем по стране этот показатель составляет 16 раз. По различным экспертным оценкам, от 25 до 40 раз. Для сравнения в СССР разрыв был 4–4,5 раза».

Стремясь нравственно узаконить позиции захватчиков государственной собственности, «новая элита» ссылается на предыдущий сословный опыт. Однако нынешнее разделение на элиту, средний класс и маргиналов не имеет ничего общего с российской традицией разделения на сословия, когда, по словам Петра Первого, все были равны перед его дубинкою. В случае нарушения этого равенства, «высший свет» заражался «элитарностью», коррупцией, отрывался от исторических корней. Тогда наступала смута. *Рассчитывать на то, что у «новой элиты» возникнет желание самоограничить свою алчность, не приходится. Она не прочь поговорить с думских трибунов о социальной справедливости, но только в том случае, когда это не касается её кошелька.*

Социальное расслоение (по определению банкира Петра Авена, на «винеров» и «лузеров»), привело к образованию в России двух типов морали. Первый – глобалистский тип меньшинства. Проживает в основном в российской столице, крупных городах, но смотрит на Запад, где у него счета в банках и секретных офшорах, виллы, яхты. Придерживаясь идеологии корыта и рассматривая Россию как территорию для стяжания, выступает за уменьшение роли государства. Английский язык ему ближе, чем русский, из своих детей он воспитывает подобных себе «этастранцев». Второй – тип большинства, для которого Россия – «Родина-мать». Это государственник, коллективист. Его патриотическая идеология принесла СССР победу в Великой Отечественной войне. Этот тип проживает преимущественно в обездоленной русской провинции.

Отсюда и разница в понимании патриотизма. Простой русский человек, при всех житейских передрягах, расценивает патриотизм как любовь к Отечеству, готовность его защищать, уважение к российским традициям, истории во всей её целостности. «Винеры», включая значительную часть бюрократии и антикультурный бомонд, смотрят на патриотизм, с одной стороны, с позиции богоборчества, вызванного влиянием антихристианского Запада, с другой – смешанного с русофобией антисоветизма, отступничества от подвига народа, разгромившего фашизм.

Выбираем уже выбранных

Русское традиционное общество всегда опиралось на коллективное (общинное, артельное) мнение, а в западноевропейском (гражданском) обществе политические выборы есть игра, шоу, торги на бирже, где, как заметил С.Г. Кара-Мурза, «партии «продают» свои программы и получают плату в виде голосов граждан». При этом явка граждан никакого значения не имеет (поэтому её порог российские либералы и отменили). Кто пришёл на российские избирательные участки в день праймериза? Бюджетники. Явились в основном по наущению административных начальников и из страха: не приду – попаду в немилость, с работы выгонят. Многие из «пожелавших» отдать свой голос за «Единую Россию» имели приблизительное представление о кандидатах. Лишь, посвященным людям было ведомо, кто в выборных списках «паровоз», кто «технический кандидат», а кто уже назначен в ходе закулисных переговоров. Осталось только закрепить это назначение бюллетенями, опущенными в урны так называемым электоратом.

Нельзя отрицать того, что у выборных органов в СССР, в отличие от нынешних, российских, было неоспоримое положительное качество – её народность. Кандидатами в депутаты выдвигались имеющие коллективное одобрение представители различных слоев населения, в том числе – рабочие, колхозники, учителя. Председателя райисполкома даже самого малого района избирали 60–80 народных депутатов, а не 14–18, как теперь на выборах главы района, из которых почти все приближенные к районному начальству предприниматели (в основном торгаша), по понятиям причинам от него зависимые. Тем самым принижается статус главы и консервируется коррупция.

Куда демократичнее, по сравнению с нынешними Законодательными собраниями, выглядели областные советы народных депутатов. Представляя все районы области, депутаты регулярно собирались на сессии для обсуждения стратегических вопросов, а практической работой занимались облисполкомы. Сейчас заксобранья – вотчина для посланцев от так называемых «элит» (кланов). Немыслимо и представить, чтобы в них появились рабочий или крестьянин. По личному опыту знаю: Съезд народных депутатов РФ в 1990 году был сформирован в результате относительно свободных выборов, а сами народные депутаты России, в отличие от депутатов Госдумы, отражали широкий спектр общественных настроений.

А ещё раньше были земства, которые тоже имели гораздо большее отношение к демократии, нежели российский парламентаризм сегодня. Земские органы власти, при непропорциональном представительстве верхов и низов, всё-таки представляли интересы последних, обладали правами и возможностями для открытия земских школ, земской медицины. Они могли облагать налогом, допустим, сплав леса, контролировать состояние сельских дорог и многое другое. Известный российский политический деятель, один из лидеров партии конституционных демократов В.А. Маклаков, находясь в эмиграции, писал, что земство «ведало те же общие нужды, что и государство; как оно, было принудительной организацией, но осуществляло принцип народоправства. Стоило постепенно развивать это начало к низу и к верху, и конституция сама собой бы пришла».

Отринув своё, *скопировав без учёта наших исторических традиций основанные на индивидуализме личности западные институты парламентаризма, мы оказались в плену собственных заблуждений.* «Демократией» в традиционном представлении этого слова тут, разумеется, и не пахнет. Предложения снизу натываются на бетонную монополию привилегированных индивидуумов, тонут в вязкой бюрократической рутине.

Не секрет, что места в партийных списках стоят денег. Судя по цифрам, которые фигурируют в политических кругах, ставки исчисляются миллионами рублей и имеют тенденцию к росту. Согласен с теми политиками и общественными деятелями, которые, высказывая мнение о дополнительных мерах по усилению борьбы с коррупцией, предлагают, чтобы Госдума установила ответственность за партийную коррупцию. Думается, эта мера могла бы распространяться и на формирование Совета Федерации. В 1993 году члены Совета Федерации избирались от своих территорий прямым голосованием избирателей, что позволило пройти в этот орган многим авторитетным личностям. Однако позже важную демократическую процедуру заменили представителями в Совете Федерации от представительных (законодательных) и исполнительных органов субъектов РФ. И что получили? Среди представляющих регионы в Совете Федерации стали появляться случайные, малоизвестные, не знакомые с особенностями регионов люди. Тем, кто за этим стоит, неплохо бы вспомнить суждения русских мыслителей, осознававших изъяны буржуазного парламентаризма. Например, И.А. Ильина:

И.А. Ильин: «Партийность дает человеку возможность, будучи **ничем**, попытаться стать многим и даже очень многим. Невежды выходят в парламентарии, партийнобилетчики – «в советники» и «директора», ловчи́лы – в министры и капиталисты. Карьера манит и осуществляется. Каждая партия приглашает «сделать свою ставку на неё» (как на скачках!) и принять участие именно в её заговоре. Но **лучшие** люди государства – умнейшие и честнейшие – отнюдь не сочувствуют таким разговорам и не желают в них участвовать».

«Выгодники» наступают

В СССР уже с начала 30-х годов разбавленная детьми рабочих и крестьян управленческая, техническая и культурная интеллигенция имела устойчивый ген созидания. Она обеспечивала государству иммунитет против революционных потрясений. У российской «новой элиты» такого гена ничтожно мало, а потому и *иммунитет страны против внутренних катаклизмов резко ослаблен*. Загнивание верхушки началось при Хрущеве и ускорилось при Брежневе, когда стало уходить поколение руководителей-фронтовиков.

Когда в 1982 году умер Л.И. Брежнев, нравственное измельчание руководящих кадров усилилось. В центральном партийном аппарате появилось немало советников, не знающих, не понимающих народных основ русской жизни, придерживающихся либерально-космополитических убеждений. Из руководящих рядов стали раздаваться голоса: вот, мол, Запад, как богато живет – не то, что мы. Порой *разложение представителей номенклатуры доходило до предательства национальных интересов, что сейчас особо не афишируется*. Видимо, причина в том, что немалая часть этих людей удачно вписались в «демократию».

Окончательная деградация властной верхушки случилось при Ельцине. С безжалостной правдивостью характеризовал её публицист-почвенник, лауреат Ленинской и Государственной премий Иван Васильев: «Чем больше я, неся в себе веру и добро, и правду и имея целью: служение добру и правде, – входил в мир чиновный, вникал в его заповеди, тем больше убеждался в его перерождении. И убеждали меня в этом вы, беспринципные «выгодники». Вас становилось гуще и гуще, вы пожирали мир веры и правды, как гусеницы капусту. Меня отвратило от вашего мира, он перестал быть для меня магнитом, он уже не притягивал интеллигентностью...»

Несменяемость власти, передача её по наследству порождают круговую поруку и консервируют коррупцию. Современный писатель Максим Калашников пишет об опасности возникновения «региональных резерваций с воюющими между собой криминальными элитами во главе», но, строго говоря, кланово-криминальная («элитная») система управления существует в России с 90-х годов прошлого века.

Клановость привела к дискредитации кадровой политики, научных диссертаций, почётных званий и наград, в целом понятия профессионализма, снизила интеллектуальный уровень власти. Между тем *интеллект руководящего звена – напрямую связан с национальной безопасностью. Игнорирующая этот фактор «новая элита» ввергла Россию в технологическое отставание от Запада и интеллектуальную зависимость от него, что угрожает её суверенитету*. Немало таких «кадров» и в Твери.

Условно говоря, тверские кланы можно разделить на два основных – «коренники» и «новые кочевники». Разделившиеся на несколько подкланов «коренники» делают бизнес («рубят «бабло») без отрыва от тверской земли, а «новые кочевники» обладают склонностью к перемене мест. «Порулят» аборигенами сначала в одном регионе, затем – в другом, третьем... Некоторые вообще не проживали в Твери, а приезжали сюда из Москвы и подмосковных дворцов, как вахтовики на золотые прииски. Думается, наиболее сильным было нашествие «кочевников» в пору губернаторства Д. Зеленина. При них население области сокращалось ежегодно в среднем на 18 тысяч человек. После ухода Зеленина с губернаторского поста часть его команды благополучно перекочевала в солнечный Крым.

Кланы постоянно в движении, они осуществляют «ротацию кадров», анализируют грозящие им опасности и соперничают между собой за доступ к бюджетным деньгам, прибыльному бизнесу, проведение своих людей в органы власти. Не первый год происходит грызня в жемчужине тверского края Осташковском районе, где находятся озеро Селигер и исток Волги. Непокойно и в поселке Максатиха, где в окно кабинета заместителя главы района влетела боевая граната. Не прекраща-

ется кадровая неразбериха в славном городе Ржеве, где главы меняются с не меньшей частотой, чем в Осташкове. Длительное время одна из влиятельных группировок настойчиво рвётся к землям Калязинского района, пытаясь, используя провокации, сместить его главу, одного из опытных руководителей муниципалитетов... Иногда соперничество кланов переходит в острую фазу с привлечением силовиков.

Кланы имеют и другие особенности, вполне заслуживающие того, чтобы стать предметом исследования социологов. Не воспротивившись хотя бы словесно открытию в Твери торговой башни под названием «Вавилон» – символа бунта против Бога, они усердно изображают свою приверженность православию, привлекают к сотрудничеству отставных силовиков. Тверские журналисты даже придумали для этих людей название «православные силовики». Но ведь силовик, идущий под начало крупного чиновника-бизнесмена, да ещё в иных случаях получающий от него солидную персональную доплату (в конверте), должен понимать: этот чиновник, скорее всего, рассчитывает на «крышевание» своей деятельности. Видимо, находились отставные силовики в окружении бывших губернаторов, передовика «Единой России» Гайзера в Коми, Хорошавина на Сахалине, Белых в Вятке, Дудки в Туле. Почему же не пресекали коррупцию на начальном её этапе, позволив образоваться криминальным кланам и разворовать миллиарды бюджетных средств?

Возможно, теперь, когда видна политическая воля российского руководства – ужесточить борьбу с коррупцией, клановая система управления хотя бы частично сдаст свои позиции. Чтобы это произошло, *следует «зачищать» не только криминальные персоны, но и целиком клановые «вертикали» и «корпорации».* Да и вообще, следует посмотреть, наконец, трезвыми глазами на то, что представляет собой «новая элита».

Власть, иди к народу!

Остро ощущавший российскую реальность философ Л.А. Тихомиров, в 1911 году написал «...когда мы возвратим к народу русскому его государство, начнём ставить русскую жизнь на её собственные основы, то наша страна снова делается могучей нравственной и материальной силой». Эти слова философа сейчас не менее актуальны.

Прежде всего, *надо восстановить свойственную русскому мироощущению святость таких понятий как Родина, Государство, Труд, Достоинство, прекратить торговать землей, ибо в представлении русского человека это означает торговать Родиной.*

Следует отказаться от партийного принципа формирования представительной власти и, опираясь на традиционный опыт, создать условия для делегирования туда выдвиженцев от различных социальных слоев общества. В органах исполнительной власти продвижение чиновника по служебной лестнице нужно поставить в прямую зависимость от достигнутого результата. Основными показателями в работе руководителей областей, муниципалитетов, поселений должны стать экономическое, культурное, социальное развитие, утверждение здорового образа жизни, рост численности детей. Тогда не будут происходить парадоксальные вещи, когда успешными руководителями признаются главы районов, занимающих лидирующее положение по вымиранию населения.

Надо перестать делать из главы района «поисковика», когда его полномочия не подкрепляются предоставлением реальной финансовой основы для развития территории, а действует принцип: привлекай инвестора, как знаешь. К тому же, условия для привлечения этого самого инвестора совершенно официально не определены. По каждому району, поселению должны быть разработаны и подкреплены финансированием государственные программы развития.

Разумно вспомнить порядок, когда официальные СМИ публиковали сведения государственных органов статистики. Доступ к ним сейчас ограничен. Важно также установить коэффициент допустимого соотношения количества чиновников и населения в областях, районах, городах, поселках и поселениях. Это позволит избежать разбухания чиновничьего аппарата. Как считает проректор РАНХиГС А. Сафронов, в «демократической» России чиновников на 20 процентов больше, чем насчитывалось их в СССР.

От названия «поселение» целесообразно отказаться. Если в Израиле оно выглядит естественным, то в России исторически имеет обозначение места, куда ссылаются люди, которым вынесено наказание. Хотя, может быть, именно это и имели в виду либеральные «инноваторы», вынесшие приговор русской деревне. Не забылось, как один из тверских вице-губернаторов назвал финансовую

поддержку села «инъекцией в протез». Вскоре после этого «доктор» перекочевал на ответственную должность в столицу.

Надо признать: «двурогая» система управления в муниципалитетах себя не оправдала. Попытки оправдать её тем, что, мол, глава района должен заниматься идеологией, а сити-менеджер – практической работой, не более чем наивны. Раздвоение нарушает управляемость и, на мой взгляд, является составным элементом сетецентрической войны против России.

Необходимо вернуться к единоначалию. Глава района должен отвечать и за идеологию, и за развитие муниципалитета. С практикой, когда он получает пост, благодаря волеизъявлению мизерного количества депутатов, должно быть покончено. Некоторые предлагают создать институт выборщиков пропорционально различным социальным слоям, однако предпочтительнее соблюсти традицию и избирать Главу голосованием всего населения.

Поскольку правовые нормы гражданского общества не соответствуют нравственным установкам русской традиции, следует вернуться к избранию судей и созданию института народных заседателей. Одновременно – отказаться от размывающих границы традиционного права чужеродных институтов коллекторов и омбудсменов...

Сейчас *высокий рейтинг Президента, обусловленный его мужественными усилиями по сохранению российской государственности, смягчает недовольство по отношению к властным структурам. Однако это не означает, что внутренний процесс не может обостриться.* Не случайно либеральные историки и политтехнологи запугивают общество советским прошлым и фрагментируют общенациональное сознание. Одни, словно бы не видя принципиальной разницы между февральской буржуазной и октябрьской социалистической революциями, предлагают считать их одной революцией и называть её русской. Вторые требуют от русских покаяния. Третьи, вроде брата известного либерала, разрушителя целостной энергетической системы страны, поражают наивностью суждений: вот, мол, пришли (словно с неба свалились) в 1917-м большевики и разрушили прекрасную империю.

При этом оставляется в стороне главное. Для совершения революции наличествовали конкретные факторы. Разве не прогнала тогдашняя элита настолько, что вынудила Николая II отречься от престола и написать в дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман...»? Разве не принадлежала огромная часть российской промышленности иностранцам? Не привёл Россию в долговую яму министр финансов Витте? Не осталась без снарядов русская армия и не голодала деревня? Не превратились в сборище демагогов, не способных предотвратить революцию, промасоненные Думы? Не витийствовала русофобская либеральная пресса? Не была заражена экуменизмом часть высоких представителей Церкви?

История карает не способных услышать предупреждающий звон её колоколов. Суровый приговор она вынесла как сторонникам российской монархии в 1917-м, так и сторонникам советской государственности в 1991-м. Пока повторения худшего не предвидится. Тем не менее, как отмечалось выше, предпосылок, способных породить эффект «домино», накопилось немало, и их нельзя игнорировать.

Православие – оберег русского человека

Если обратиться к русской истории, то даже те из мыслителей, кто вначале был очарован западной демократией, быстро в ней разочаровались. Один из «сменовеховцев» С.Л. Франк в 1924 году в книге «Крушение кумиров» отмечал: «...прогрессивное Новое время, которое обещало человечеству освобождение от «реакционной религиозной тьмы», изблещено теперь в нашем сознании как эпоха, которая через ряд внешних блестящих успехов завела человечество в какой-то тупик и совершила в его душе какое-то непоправимое опустошение и ожесточение...» Сохранение и укрепление нашей цивилизации Франк видел в православном отношении к окружающему миру.

Воистину так: *православие – вот надёжный барометр, определяющий состояние нравственного здоровья общества и власти.* Скажем, если в основу оценки будет положена заповедь: «Относись к другому человеку так, как желаешь, чтобы он относился к тебе», станет очевидным, что социальное и моральное отчуждение российской «новой элиты» от народа – факт, не требующий доказательств, а многие её деяния прямо или косвенно торят дорожку в царство антихриста. Если она желает не на словах, а на деле идти к народу, пробуждая в нём ответное доверительное движение, чтобы на-

править солидарные усилия во благо России, ей надо поступиться «европейскими ценностями». Во главу угла должны быть поставлены православная вера, русские историко-культурные традиции, собственный положительный опыт местного самоуправления.

Однако понимают это и те, кто стремится, говоря словами Л.А. Тихомирова, вместо человекобожия утвердить сатанобожие. Сегодня большая опасность таится в стремлении Ватикана и его сторонников в России подвести РПЦ под внешнее управление. Понимая, что русский народ, несмотря на усилия экуменистов, не утратил стойкости в истинной православной вере, они действуют небыстро, но последовательно. Озадачивает, что 19 апреля 2016 года на конференции в Православном Свято-Тихоновском Богословском Государственном Университете звучала тема создания «совершенно нового органа православной жизни, подобного которому не было в ранней истории». Неужели имелся в виду всеправославный наднациональный орган, чего уже длительное время добивается Ватикан? *Обновленческая позиция части российского высшего церковного сословия вносит раскол и смуту в ряды православных граждан.* И в этом кроется ещё одна причина для внутреннего противостояния.

Этим проблема не исчерпается. Вспомним слова Н.А. Бердяева из его вышедшей после Октябрьской революции 1917 года книги «Судьба России»: «Русская революция не есть феномен политический и социальный, это прежде всего феномен духовного и религиозного порядка. И нельзя излечить и возродить Россию одними политическими средствами. Необходимо обратиться к большей глубине. Но русский народ не должен оставаться в одиночестве, на которое его обрекает происшедшая катастрофа. Во всем мире, во всем христианском человечестве должно начаться объединение всех положительных духовных сил против сил антихристианских и разрушительных». Роль такого объединителя, судя по всему, сегодня призвана сыграть Россия.

Проза

Сергей Кириллов

Сергей Яковлевич Кириллов родился в большой лесной деревне Архангельской области в 1949 году. Увлечение литературой началось со школьных лет, заниматься ею всерьёз стал с 1999-го года. Написано несколько тематических сборников рассказов, есть стихи, повести, но главное – это многотомное повествование «Уйдома», посвящённое истории и судьбе русской деревни 20-го века, работа над которым продолжается уже 15 лет. Начиная с 2012-го года, первую книгу повествования в режиме «продолжение следует» публикует журнал «Двина». С 2014-го года участник различных литературных конкурсов в разных регионах и странах. В большинстве из них призёр или победитель. С 2015-го года член редакционного совета журнала «Берега».

От редакции. В дни, когда наша Родина отмечает столетие исторических событий, круто изменивших её судьбу, мы хотим вспомнить вместе с вами наше прошлое и предлагаем для чтения отрывок из первой книги Сергея Кириллова «Уйдома». В судьбе большой русской деревни, описанной автором, как в зеркале отразилась судьба всей России

Уйдома

Повествование

На крутом переломе. Книга первая. Глава двадцать седьмая

1

Стоял ясный августовский полдень, когда бывший начальник Генерального штаба российской армии генерал-майор Марушевский пересёк шведскую границу. Позади осталась далеко не гостеприимная Финляндия вместе со всей её подозрительностью, тревожностью и нервозностью, куда, однако, удалось вырваться, спасаясь от большевиков. Позади осталась опостылевшая до последней капли терпения жизнь почти на положении военнопленного, полная неопределённости и бездействия. Вдобавок, жизнь, в которой невозможно было углядеть конец этой неопределённости. Жизнь, которая мучила уже одним тем, что протекала за пределами Родины, на чужбине, в то время как там, на Родине, происходило что-то непонятное, пугающее и тревожащее этой своей непонятностью. Даже в далёкой Франции, где Владимир Владимирович оказался в составе русского экспедиционного корпуса, пришедшего на помощь союзникам в борьбе против Германии, он не чувствовал себя столь скверно. Там он исполнял свой долг перед Государем и Отчизной, которые сочли необходимым его, присягнувшего на верность императору, использовать именно так, дабы выполнить свои обязательства, данные союзникам. Там стреляли, там рвались снаряды, гуляла смерть, но там он был при деле и знал, что чем лучше и быстрее порученное ему дело будет сделано, тем скорее он возвратится на Родину. А тут? Что он делает тут?! Какой долг исполняет и перед кем? Кому служит? Нет! Всё к чёрту!! К дьяволу!!! Куда угодно, лишь бы поскорее домой! Какой угодно дорогой – хоть вокруг света – каким угодно способом, но домой, домой, домой! В самую гущу событий, в самый водоворот жизни, в самое пекло! Пусть тревоги, пусть опасности, пусть даже сама смерть поджидает там, – что ж, он – военный человек, и он к этому привык. Главное – это сейчас действовать. Не сидеть сиднем в то время, когда происходят такие грандиозные события. Когда Родина на грани катастрофы, хаоса, гибели. Чтобы не кусать локти потом, когда случится самое страшное, когда устойчивый мир рухнет окончательно, а ты при этом останешься цел и невредим. Невредим и никому

не нужен! И уже бессилён что-либо изменить. И до конца дней своих будешь проклинать минутную слабость и малодушие, удержавшие тебя в стороне от опасности, в стороне от главных событий. Нет! Домой! Только домой, как можно скорее и как можно скорее за дело, чтобы попытаться спасти пошатнувшееся положение.

Стокгольм встретил русского генерала спокойствием и размеренным хладнокровием. Ах, этот скандинавский Париж! Уж столько сказано и написано о нём в этой связи, но сколько бы ни говорено было об этой особенности шведской столицы, сколько бы ни переполнено газетных и книжных страниц, всё равно невозможно этому поверить, покуда не окажешься в этом городе сам. Да и как поверить? Как согласиться с утверждениями, что эта северная столица ничуть не уступает общепризнанному европейскому эталону красоты?! Что Стокгольм так же зелен и благоухающ, что так же богат и наряден, а его жители так же отменно галантны, вежливы и культурны, как и парижане. Как и все граждане этой северной страны вплоть до самого глухого захолустья? Ведь это же не лазурный берег, не плодородные равнины, обласканные тёплыми ветрами с Атлантики! Это же суровый северный край с его снежными зимами, колючими выюгами и голыми скалами. О, как ошибочны, порой, бывают людские стереотипы! Как заблуждаются подчас люди, находясь в плену своих же, ни на чём не основанных фантазий! Теперь отставной генерал убеждался в этом лично.

Он довольно скоро устроился в прекрасном и совсем недорогом пансионе недалеко от залива и с жадностью набросился на всё то, что называется одним ёмким словом – свобода! Свобода в выборе местонахождения, свобода в выборе времяпровождения, выборе собеседника, пищи, газет... О, да, газет – это очень важно!

Стокгольмские газеты писали совсем не то, что можно было бы узнать в прогермански настроенной Финляндии. Из них Владимир Владимирович узнал, что в России у большевиков ситуация не такая уж и катастрофическая, как можно было бы подумать, находясь под попечительством Карла Маннергейма. Что, не смотря на все попытки прекратить смуту, власть большевиков держится и находит себе немало сочувствующих даже за границей. А вот у Германии, отхватившей огромный куш от его Родины в результате Брестского мира, дела далеко не так блестящи, и Великая война, гремящая на континенте вот уже четыре года, вот-вот закончится победой союзников. И тогда с Германии, как с проигравшей стороны, можно будет спросить сполна. О, как важно было бы сейчас быть дома в этой связи! Чтобы самому во всём участвовать.

Из газет же генерал Марушевский узнал и о своём пребывании в Стокгольме. Не инкогнито, конечно, прибывал он в Швецию, но быстрыми, однако ж, оказались рыцари газетного пера! Ничего не скажешь!

И вдруг письмо!

«Милостивый государь, Владимир Владимирович!

По случаю узнал о месте Вашего нахождения и решил Вас побеспокоить. Пребывая в должности командующего войсками района, хочу уведомить Вас, что обстановка на всём севере нашей с Вами Родины очень неблагоприятная. В краю хозяйничают англичане. Они пришли сюда по нашей просьбе ради наведения порядка в нашем доме, но я не верю в их чистые намерения и бескорыстие. Сейчас вся власть в крае держится на них. Наши силы малочисленны и неорганизованны, а по этой причине мы не можем ничего англичанам противопоставить. Зная Ваше отношение к своему долгу перед Отчизной и Ваше чистое сердце её верного сына, я осмелился обратиться к Вам со столь неожиданным предложением: не соблаговолите ли Вы в самое кратчайшее время прибыть в пределы родного Отечества, дабы приложить весь Ваш громадный опыт организатора и штабиста к делу создания северного края или северной области, как угодно это будет Вам называть. Зная Ваше умение управлять войсками от самых маленьких формирований и до самых больших, не будет ли Вам угодно принять на себя всю полноту военной власти во всём крае, дабы восстановить в кратчайшие сроки пошатнувшиеся порядок и спокойствие.

С глубоким почтением генерал от кавалерии Николай Звягинов.»

«Звягинов.., Звягинов.., – завертелось в мозгу, – о, да, конечно же! Как не помнить этого блестящего командира эскадрона лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка! Сколько славных дел с ним было проделано! Отчаянный вояка! Отменный!! И ведь какой энергичный организатор! Неужто всё так скверно на Севере, что даже он решился на такое послание?»

Генерал знал уже, что главные события в России разворачиваются сейчас на Юге. Что там лучшие войска, лучшие командиры бывшей армии Его Императорского Величества, но как туда попасть? Сколько надо пересечь границ, чтоб оказаться там? Но он был готов уже даже к этому. К риску, к тяготам дороги, к лишениям, лишь бы в гущу событий.

А тут вдруг такая возможность применить себя! Да, не в гуще, да, не на главном направлении, но кто сказал, что оно не главное? Ведь если нет достаточно войск, то нет им и противодействия. А если эти войска создать? Вооружить. Обучить... Тем более, что рядом союзники, которые пришли на помощь и должны этому помочь...

«А вдруг я буду им помехой?! – неожиданно пронзило сознание. – Ведь приглашение исходит от русского генерала, а вся власть на Севере, по его же словам, принадлежит союзникам. И захотят ли они ею делиться? Нужна ли им военная организация России на Севере? Не будут ли с их стороны чинимы препятствия в деле создания новой русской армии?»

Генерал задумался. Мысль абсолютно здравая и она лишь усиливала его сомнения, мешала принятию решения, и генерал ещё больше заколебался.

«Да, на Юге решается сейчас судьба Отчизны. Там противодействия такого просто быть не может! Но как же трудно туда попасть!.. А тут, что называется, рукой подать!»

Сомнения его, однако, окончательно разрушились, когда, спустя несколько дней, им была получена телеграмма от французского посла в России г-на Нуланса, который коротко и прямо приглашал отставного генерала прибыть в Архангельск для военной работы.

Всё! Решение было принято немедленно и окончательно! Раз столь авторитетное и высокопоставленное лицо союзного государства просит о содействии, колебаниям просто не может быть места. На Север! В неизвестность, в темноту, в мороз и ветер, но в борьбу! И Владимир Владимирович, наскоро проведя самые необходимые подготовительные мероприятия в Стокгольме, пустился в не менее долгий и трудный путь через всю Швецию, Норвегию, по бушующим северным морям в Россию.

2

Архангельск встретил генерала промозглым ноябрьским вечером и сильным ветром. Улицы города были малолюдны, но пристань, куда причалил большой буксир с находившимися на нём разными военными и гражданскими чинами, как российскими, так союзными, была полна народом. Генерала ждали. Его встретил специально посланный для этой цели комендант города и тут же известил, что бывшего начальника Генерального штаба российской армии уже ждут в гарнизонном собрании все, с кем ему предстоит тесно общаться и работать в ближайшее время. Это сообщение не могло не порадовать, не придать уверенности и веры в задуманное, и генерал охотно согласился на встречу.

Но каково же было его разочарование, когда вместо бравых, великолепных и бесконечно выправленных службой офицеров императорской армии, один вид которых внушал немедленное уважение всякому, на такого офицера глянувшему, генерал увидел какую-то помятую серую массу, издёрганную и измученную революционными передрягами, лишь кое-где имевшую следы былого величия. Без погон, без знаков различия, понурых, кое-как одетых, плохо выбритых...

«И это русская армия?! – ужаснулся генерал. – Её цвет?! Как же низко пала Россия!!! Боже мой! Боже мой!...»

Он с превеликим трудом нашёл в себе силы, чтобы ответить на приветствие, кое-как произнесённое будущими подчинёнными, и в самых кратких, но решительных выражениях высказал надежду, что великая Россия возродится в самое ближайшее время. И что он, боевой русский генерал, больше никогда не увидит своих сослуживцев в столь затрапезном виде. Это – приведение себя в надлежащий офицеру порядок – и будет первым шагом на пути к цели. Его словам вняли, как-то на глазах подтянулись и преобразились все собравшиеся на встрече, и генерал сделал из этого два вывода: первый – падение России гораздо более катастрофично, нежели это казалось из-за границы, коль цвет её – офицерский корпус императорской армии так поник; и второй – здесь давно никто не говорил в решительных тонах и уж тем более не предпринимал решительных и твёрдых действий. И поле его деятельности представилось просто необозримым и совершенно невспаханым. И ещё один вывод, непреложный вывод из всего увиденного – действовать! Непременно и решительно действовать пока не поздно, чтобы поправить положение.

Но уже следующий шаг, который генерал совершил по избранному пути, повёрг его в смятение.

Визит к главе правительства края Владимир Владимирович счёл необходимым нанести сразу же, как только представится возможность, дабы обсудить с ним всю сложившуюся обстановку и поделиться первыми впечатлениями. И задуманное удалось осуществить уже на следующий день.

Николай Васильевич Чайковский – глава правительства недавно созданной Северной области – с первых же мгновений визита к нему произвёл самое благоприятное впечатление. Высокий, представительный, с открытым прямым взглядом умных серых глаз и окладистой пышной бородой с такими же усами он не стал тратить время попусту на церемонные расшаркивания и дешёвые комплименты. Коротко и, вместе с тем, с должной мерой вежливости и корректности он ответил на приветствие генерала и сразу предложил присесть на большой чёрный диван, расположенный вдоль стены. Тотчас же уселся на него сам, как бы желая этим подчеркнуть равновеликость себя и гостя в деле, ради служения которому и свела их судьба.

«Должен Вас сразу же известить, уважаемый Владимир Владимирович, – начал он почти тотчас же, как только они устроились поудобнее, – что кроме Вас я послал вызов и генералу Миллеру».

«Как – кроме меня? – не понял гость. – Разве ВЫ меня сюда вызывали?»

«Да, именно я!»

«Но я не получал Вашего вызова!»

«Жаль! Очень жаль! – сокрушённо повторил Чайковский. – Очевидно, он поступил в Стокгольм позже, уже после Вашего отъезда. Вероятно, я слишком долго надеялся на местные силы. Но, я полагаю, это не меняет сути дела, ведь Вы, в конечном итоге, здесь».

«И в чём же она – эта суть дела, позвольте полюбопытствовать?»

«В области двоевластие, – начал обрисовывать обстановку хозяин кабинета. – Сначала – после октябрьского переворота – здесь были большевики, но они тут же исчезли, как только в городе высадился десант союзников. Он помог нам организовать своё правительство, которое я, как глава его, имею честь сегодня представлять. Но, к великому нашему сожалению, мы ничего не можем сделать! За три месяца мобилизации мы едва ли набрали четыре тысячи штыков в пределах города, а это, как Вы сами понимаете, мизер даже при условии их обученности и безусловной дисциплинированности. Но ни того, ни другого нет! И это решающая причина, по которой реальная власть в городе и области принадлежит англичанам. И на сегодняшний день нет никакой возможности эту ситуацию изменить. Потому-то я и принял решение – вызвать сюда Вас».

«Но почему же и Евгения Карловича тоже?!» – недоумённо воскликнул собеседник.

«На то есть сразу несколько причин, – пояснил Чайковский. – Во-первых, я не был уверен в том, что оба приглашения в условиях нашего хаоса дойдут до адресатов. Во-вторых, я не был уверен и в том, что и Вы, и генерал Миллер дадите согласие на переезд».

«А Евгений Карлович получил Ваше приглашение?»

«Да! – коротко подтвердил Чайковский. – И даже более того: он прислал положительный ответ, хотя и предупредил, что приехать сможет не раньше января будущего года».

«И что же Вы намерены предпринимать в связи с его согласием?» – настороженно спросил генерал.

«Ничего! – снова коротко ответил собеседник. – Ровным счётом ничего».

«Но как же?.. – недоумённо развёл руками Марушевский. – Ведь я уже здесь!»

«Это ещё одна из причин, по которой я разослал свои приглашения и Вам, и генералу Миллеру», – ответил Чайковский.

«Но как, позвольте, Вас понимать?!»

«Я допускал возможность получения вами обоими моих приглашений, – начал глава правительства. – Я допускал и возможность положительного ответа на них вас обоим для чего умышленно не упоминал ни Вам, ни генералу Миллеру о двойном приглашении».

«И что же теперь?»

«Будьте терпеливы, Владимир Владимирович, выслушайте меня до конца».

Собеседник встал, сделал несколько шагов по просторному кабинету, дабы как-то разрядить возникшую напряжённость, и вдруг, не присаживаясь, заговорил, глядя прямо в глаза генералу:

«Дело, многоуважаемый Владимир Владимирович, не терпит промедления. Англичане приехали сюда с целью нам помочь; во всяком случае, именно так они декларировали свои намерения, и не желают здесь играть роль первой скрипки. И их можно понять: кому охота подставлять свои головы

под пули ради чьих-то интересов. Мы же, как я Вам уже упоминал, не можем имеющимися силами организовать здесь достойное воинское формирование и взять на себя всю полноту ответственности за судьбу области. И теперь одно из двух: либо англичанам надоест смотреть на нашу вопиющую беспомощность и они уйдут, не попрощавшись, либо они потребуют компенсации за свой вклад в деле установления порядка в крае. А что это может означать? А это, как нетрудно догадаться, может означать только одно: англичане потребуют для себя полного контроля над всем, что находится в области! Как на её поверхности, так и в её недрах. И реальные их действия показывают, что они скорее уже встали на второй путь, нежели по-прежнему пребывают в бездействии на первом! Надеюсь, Владимир Владимирович, Вы понимаете чем это может грозить России?»

Чайковский замер, вопросительно уставившись на собеседника, и несколько мгновений напряжённо молчал. Генерал не издал ни звука, и это его молчание было, пожалуй, красноречивее любых слов.

«Теперь, надеюсь, Вы поймёте меня, а, поняв, простите, что я невольно столкнул вас – двоих блистательных генералов России – лбами, будто двух баранов! – продолжил после паузы хозяин кабинета. – Интересы нашего с Вами Отечества в возникшей ситуации не терпят никаких сентенций! Что же касается естественных амбиций, которых, я полагаю, ни Вы, ни Евгений Карлович не лишены, то ради святого дела – благополучия Отчизны – каждый из вас, я надеюсь, проявит присущее офицеру русской армии благородство и поступится ими ради дела».

Чайковский снова умолк и пытливо посмотрел на гостя. Тот покачал головой, очевидно одобряя действия главы области и его доводы, и проронил всего одно слово:

«Убедительно!»

Ещё раз одобряюще покачал головой и добавил:

«Ничего не скажешь!»

«Ну, что касается последнего моего опасения, – удовлетворённо потирая руки, продолжил Николай Васильевич, – то я должен сообщить Вам, что кое-какие меры нами всё же приняты. И, скажу, не без участия союзников же».

Он хитро прищурился при этих словах и занял своё место на диване.

«И что же это за меры, позвольте полюбопытствовать?»

«Договор союзников, назовём его так, – пояснил Чайковский. – В этом документе зафиксировано положение, по которому ни одна из сторон, имеющих присутствие в области, не имеет права на экономическую разработку края без согласия других стран, присутствующих здесь же. А это согласие Франция ни англичанам, ни американцам, ни кому бы то ни было другому ни при каких обстоятельствах не даст – в этом я уверен! Иначе зачем бы Вы и Ваши подчинённые дрались с германцами на подступах к Парижу, защищая его?! И, я думаю, дрались не хуже, чем бы это пришлось, не дай Бог, делать за Петербург, не так ли?»

«Да уж.., – коротко согласился генерал. – И кому же мы обязаны столь исчерпывающим документом?»

«Французскому послу – господину Нулансу!»

«Так вот почему он прислал мне столь категорическое приглашение!!!» – воскликнул Марушевский.

«Вы его получили?»

«Да! От господина Нуланса – да, и именно после него принял окончательное решение в пользу поездки на Север».

«А разве были ещё?»

«Да, – подтвердил генерал. – Первое предложение приехать на Север я получил из Мурманска от генерала Звягинова и должен Вам признаться, что долго колебался принять ли его».

«И что же Вас смущало?»

«Неопределённость, – раздумчиво проговорил гость. – Никаких гарантий, никаких высоких полномочий приглашавшего, только его пожелания. А я уже к тому времени готовился к переезду на Юг».

Генерал замолчал и с некоторой укоризной посмотрел на собеседника.

«Понимаю, – быстро отозвался тот. – Понимаю ЧТО Вы хотите мне сказать. Но не торопитесь меня упрекать, милостивый государь, что я своими действиями сталкиваю Вас с генералом Миллером. Повторяю: я полагал и полагаю сейчас, что Вы найдёте общий язык с Евгением Карловичем, появившись он

здесь даже в ближайшее время. Дела тут хватит всем, главное его начать, начать действовать, решительно действовать! Каждый день и даже каждый час промедления только укрепляет позиции большевиков, ибо никакой народ, а российский в особенности, не терпит проявлений слабости власти и, кроме того, я уверен, наше бездействие подрывает желание союзников бескорыстно помогать нам. Какой толк от помощи, если мы не можем самостоятельно противостоять большевикам? А что будет, если красные вновь вернуться в Архангельск?! Какая начнётся резня! Это даже вообразить невозможно!»

Председатель правительства опять вскочил с дивана и быстро прошёлся по кабинету из угла в угол.

«Вы меня не совсем поняли, Николай Васильевич, – заговорил Марушевский. – Я совсем не собирался упрекать Вас в вашем решении вызвать нас обоих. Полагаю, на Вашем месте любой ответственный политик поступил бы точно так же. Я скорее готов упрекнуть Вас за то, что Вы так долго колебались в принятии такого решения, и мы упустили много драгоценного времени. Я же ведь просто томился все эти месяцы в полном бездействии, хотя мог бы уже летом послужить делу».

«О, дорогой Владимир Владимирович, не наступайте мне на больную мозоль! – воскликнул хозяин кабинета. – Думаете, я не мучился в сомнениях, не отправляя Вам приглашений ранее? Но я же связан был, по сути дела, по рукам и по ногам! Ведь союзники так нам помогли весной и летом, изгнав из края большевиков! Разве могли мы ответить им нашей нелояльностью? А как, скажите, можно было бы расценить действия по Вашему вызову сюда кроме как проявление этой самой нелояльности? Попробуйте поставить себя на место Виккорста и взглянуть на происходящее с его точки зрения: вы наводите какой ни на есть порядок в крае, высадившись сюда с десантом, а коренное население вместо того, чтобы проявить к Вам благодарность за спокойную жизнь, вдруг начинает активно вооружаться, привлекая для этого самые лучшие свои военные силы и головы! Как бы Вы на это среагировали? Не как ли на попытку воспрепятствовать Вашему присутствию здесь? Причём попытку самую решительную!»

И снова генерал ничего не сказал на доводы Председателя правительства, но снова это его молчание было красноречивее любых слов!

«Мы, конечно, сразу же начали формирование своих частей, полагаясь на свои силы, и это было в общем русле английского присутствия в крае. Ради этого, собственно, они и пришли сюда, но чтобы сразу же, чтобы на пределе активности, с привлечением самых авторитетных имён начать такое формирование – поверьте мне, это было невозможно в сложившейся ситуации. И как бы мы с Вами не жалели об ушедшем времени, вроде бы напрасно ушедшем, я полагаю, что вызвать сюда Вас и генерала Миллера возможно стало лишь сейчас и ни днём ранее! Даже англичане это поняли и приняли спокойно».

Снова воцарилась тишина в просторном кабинете, но это не была тишина бездействия. Это была тишина, в которой обдумывалось уже прозвучавшее и обдумывался взвешенный выверенный ответ.

«В Ваших доводах нет изъяна, – негромко, но от этого ещё более весомо произнёс наконец, генерал Марушевский. – Я полагаю, что области крупно повезло, что в столь тяжёлый час её истории её возглавил такой умный и, я бы сказал, прозорливый руководитель! Не посчитайте это за дешёвый комплимент, уважаемый Николай Васильевич, я искренне говорю то, что думаю!»

«Благодарю Вас, Ваше Превосходительство! – немного смутившись, и может быть именно от этого, столь официально ответил Чайковский. – Я надеялся на Ваше понимание и, слава Богу, его в полной мере ощутил».

«Ну, что Вы, дорогой Николай Васильевич! – по-прежнему не сходя с домашне-неофициального тона, мягко упрекнул собеседника генерал. – Зачем же столь официально. Мы, я полагаю, делали и собираемся делать одно общее дело».

«Но я ни на минутку не забываю о том, сколь высокий пост Вы, уважаемый Владимир Владимирович, занимали в армии Его Императорского Величества, – возвращаясь к уже установившемуся стилю общения, проговорил Чайковский. – Я полагаю в этой связи, что любое подчёркивание этого обстоятельства не будет излишним в нашей ситуации».

«Ну, хорошо, – не стал возражать генерал, – но давайте, всё же вернёмся к делу».

«А если возвращаться, то я бы хотел закончить свою мысль».

«Извольте».

«Я полагал, приглашая и Вас, и генерала Миллера, что столь матёрому строевику, как Евгений Карлович, нужен не менее матёрый начальник штаба. Такой, как Вы, Владимир Владимирович, тем

более, что Вы были не у дел, – пояснил свою мысль хозяин кабинета. – И я полагал, что в любом случае такое двойное приглашение будет только в интересах дела. Я всегда ценил в вас обоих прежде всего верность долгу, ваш высочайший патриотизм и готовность к самопожертвованию ради России! В противном случае я не стал бы здесь и разговаривать с Вами, а уж тем более приглашать Вас сюда. Вот таковы вкратце будут мои Вам личные объяснения. Угодно ли Вам будет их принять или отвергнуть – воля Ваша!»

Воцарилась тишина. Теперь уже генерал поднялся со своего места и медленно прошёлся по кабинету в глубоком раздумье. Ситуация вырисовывалась предельно отчётливо: генерал Миллер скоро прибудет в область для принятия командования войсками. Он – генерал Марушевский – лицо временное и впоследствии подчинённое. Это если принять приглашения Чайковского. Но ведь как мучительно сознавать, что ты делаешь чужую работу для кого-то и, в случае удачи, все сливки соберёт потом другой. Это если делать. А если ничего не делать, а лишь просто ждать приезда своего патрона? О, это ещё хуже, чем какое-либо действие! Ведь глава правительства прав: каждый упущенный день грозит гибелью всего дела. Генерала Миллера Марушевский хорошо знал лично и высоко ценил его деловые качества. Рад был бы и служить с ним бок о бок, но ему претила канцелярская должность, не смотря на то, что он занимал в своё время самый высокий канцелярский пост в русской армии после февраля 1917 года – начальник её Генерального штаба. А вдруг да Миллер не приедет и вовсе? Что тогда? О, сколько вопросов сразу! Сколько трудных и запутанных решений. А что если всё одним махом? Отказаться – и все дела? Дескать, приедет Миллер – он уже дал согласие – и всё сделает. А самому поехать на Юг. На любую должность. Хоть на полк... Последняя мысль поначалу показалась единственно верной, но уже в следующее мгновение Владимир Владимирович беспощадно ругал себя за малодушие, проявленное в ней.

«Ведь это же бегство! – подумал он. – Трусость! Предательство! И как я только мог до такого додуматься?! Ведь в меня же верят...»

Стоп! Тут мысли генерала резко оборвались, и он остановился посреди кабинета. Верят... Но кто? Свои! А реальная власть у кого? У англичан! А верят ли они? Нужен ли я им? Не ломает ли мой приезд их планы? Ну и что ж, что французский посол прислал приглашение... А английский? Кто здесь правит главный бал? Не будут ли англичане мешать задуманному делу? Знакомые ещё по Стокгольму сомнения вихрем пронеслись в голове, заставив проявить взвешенность и осторожность.

«За желание пригласить меня и за доверие ко мне благодарю Вас, Николай Васильевич! – говорил после раздумий генерал. – Но Ваше предложение слишком неоднозначное, и мне надо подумать. Согласны ли Вы на такой ответ?»

Чайковский выразительно развёл руками и коротко добавил к своему жесту:

«Другого не ждал».

Помолчал ещё немного и продолжил:

«Более того; был бы удивлён, если бы услышал от Вас немедленное согласие. Оно, с Вашего позволения, означало бы для меня, что Вы не вполне отдаёте себе отчёт в том, на что решаются».

И впервые за всё время их беседы широко непринуждённо улыбнулся.

«Что ж, в таком случае позвольте откланяться, Николай Васильевич! – улыбнулся в ответ и генерал. – В Вашем лице я встретил достойного собеседника и руководителя! Будьте здоровы!»

«Только не размышляйте слишком долго, – пристально посмотрел прямо ему в глаза хозяин кабинета. – Наше промедление и бездействие может очень дорого стоить для России».

«Я немедленно встречу с английским командованием, – объявил о своих намерениях генерал. – Мне очень важно лично знать его позицию и его отношение к делам края. Да и ко мне лично тоже, ведь работать-то, если что, придётся с ними».

«В таком случае позвольте пожелать Вам удачи!»

Хозяин кабинета подал руку генералу, и они расстались.

...Через два дня во всех газетах обширного северного края появился текст указа Временного правительства Северной области, который гласил, что «...бывший начальник Генерального штаба при Временном (всероссийском) правительстве генерал-майор Марушевский В.В. назначается исполняющим должность генерал-губернатора и командующего войсками Северной области с самыми широкими полномочиями». Перед словом «исполняющим» в тексте без всякого выделения стояло слово «временно».

Кабинет временного командующего войсками и морскими силами адмирала Виккорста был сравнительно небольшим, но удобным, так как всё необходимое для работы в нём имелось. Хозяин его, бесконечно тяготившийся порученными ему нелёгкими обязанностями, с радостью поднялся со своего места и шагнул навстречу генералу Марушевскому, как только тот переступил порог. Они обменялись искренними рукопожатиями, и адмирал в кратких выражениях изложил новому командующему русскими войсками военную обстановку в крае. Картина перед генералом нарисовалась при этом весьма специфическая. Ему, привыкшему командовать полками на передовой либо оперировать громадными соединениями в Генеральном штабе, было совершенно непривычно видеть, что линии фронта как таковой здесь просто не существует. Были лишь отдельные участки и направления, на которых соприкасались союзные и большевистские войска. Своих формирований на фронте фактически не было, так как все имеющиеся русские силы, защищающие интересы области, находились под английским и французским командованием. Даже форму чужую носили, а некоторые и погоны. Вся система противостояния противоборствующих сторон опиралась в основном на железную дорогу и на долины крупных рек. Только там, и то не всегда и везде, можно было как-то передвигаться, маневрировать войсками, держать оборону, атаковать и вообще хоть что-то предпринимать. Всё остальное огромное пространство области, сплошь заполненное труднопроходимыми лесами и болотами, для боевых действий было просто непригодно и никак не использовалось ни той, ни другой стороной.

Из всей вырисовавшейся картины главный интерес генерала вызвали три направления: железнодорожное, Двинское и Пинежское. Вернее даже два первых. Третье – Пинежское – и отчасти Мезенское его заинтересовали потому, что имевшиеся там крайне малочисленные силы союзников (в Мезени, кажется, так и вовсе только около 50 человек) сумели так поставить дело, что большевики увязли там наглухо, и никаких продвижений их не наблюдалось. Всё дело оказалось в том, что к концу 18-го года крепкие крестьяне Мезени и особенно Пинеги, привыкшие жить своим трудом и полагаться на себя, поняли, что вместо обещанных благ новая власть несёт им только разорение и нужду. Это если не считать просто смерть, которая замахала там своей косой, как в добрый страданный день ватага косарей. Вдобавок ко всему, уж ближе к осени, на Пинеге появился небольшой отряд американцев в составе двух-трёх рот, только подтолкнувший местных крестьян к активным действиям. И они восстали. Все, как один, восстали против новой власти. И бились насмерть за своё при любых попытках большевиков двигаться вперёд! И последние ничего не могли поделать со стихийно организовавшимися партизанами даже с применением самых жестоких карательных мер. Американцам оставалось только наблюдать за всем происходящим при минимальной помощи и участии в событиях.

Всё там, казалось бы, складывалось хорошо, надёжно, но вот беда: партизаны, насмерть стоявшие на защите своих домов и деревень, ни в какую не хотели куда-то идти и где-то воевать ещё, справедливо полагая, что лучше их самих родное гнездовище, семью и хозяйство не защитят никакие американцы.

«Ну, да ладно, – решил генерал. – Пусть хоть у себя дома держат порядок».

Второе по значимости направление новый командующий обозначил как речное. За истекший тёплый период года успехи союзников тут были наиболее значительны. Они продвинулись почти на 300 вёрст к югу и застопорились в ожидании зимы фактически посреди всего протяжения Двины. То же самое – стал на зимовку – сделал и противник, отведя свои суда вверх по течению реки, и оставив небольшое количество войск для прикрытия направления. Активных действий здесь до наступления весны и вскрытия реки можно было не предполагать.

И, наконец, первое, главное по значимости направление – так определил его генерал – железнодорожное. Оно могло напрямую вывести на Петроград, на Москву и в любой другой район России, а потому выделялось генералом как наиболее опасное. Стычки с неприятелем здесь были наиболее частые, события развивались с неутихающей активностью, и по всему было видно, что командование противника решило сконцентрировать удар всех сил в наступающей зимней кампании именно на этом участке. Силы же союзников, справедливо избравших в уходящее лето главным для себя речное направление, и оттого наиболее сконцентрированные именно там, здесь, на железнодорожном, были явно недостаточны. Всего-то лишь французский батальон и кое-что по мелочи.

«Н-да-а-а, – озабоченно подумал, увидев нарисованную на этом участке картину, генерал. – Сюда срочно нужно бросить подкрепление. Кажется, Чайковский говорил о четырёх тысячах мобилизованных в городе. Надо их незамедлительно посмотреть».

Некоторым другим направлениям, по которым развивались военные действия в области, генерал не придавал особого значения, посчитав их второстепенными, а оттого беседа его с прежним командующим войсками не затянулась. Ситуация была понятна, требовалось принятие решений.

На следующий день на заседании правительства, собранном по просьбе нового командующего, Марушевский доложил всем его членам своё видение обстановки и неотложные задачи на ближайшее будущее. С первых же минут им было жёстко заявлено требование о регистрации всех офицерских сил региона и возвращения им всех знаков различия и погон. Последнее условие было встречено собравшимися скептически и оценено в обстановке неустойчивости и брожения в солдатской массе, разложенной донельзя более всевозможными комитетами, как невозможное, но генерал был непреклонен. Он в категоричной форме настоял на нём, выдвинув как ультиматум, в случае невыполнения, свой отказ от должности. Решительность его возымела действие на собравшихся, и предложение приняли.

Далее генерал потребовал восстановления военной дисциплины на точных принципах существовавших до революции уставов. Как контрреволюционное, не вязавшееся с обстановкой всеобщего брожения и неповиновения в мобилизованных русских войсках, было воспринято требование нового командующего о восстановлении гауптвахты и значительного увеличения комендатуры города, но, поддавшись напору генерала, члены правительства приняли и это. Приняли и требование восстановления статуса ордена Святого Георгия.

«И, наконец – парад!» – закончил новый командующий список своих первоочередных требований.

Члены правительства переглянулись и недоумённо пожали плечами.

«Какой парад, позвольте Вас спросить?» – не удержался от изумления управляющий делами.

«Обыкновенный парад! – повторил своё требование генерал. – Или смотр, уж если это слово вас коробит. У вас же есть в городе отмобилизованный полк, вот я и хочу на него посмотреть».

«Но это совершенно невозможно!» – развёл руками управляющий делами.

«Отчего же, позвольте полюбопытствовать?»

«Да они и в казармах-то еле-еле удерживаются при такой грязи и питании, не говоря уже о чём-либо другом! – воскликнул управляющий. – Постоянно какие-то митинги, какие-то воззвания. С офицеров – мы свидетели – они собственноручно спарывали все их знаки различия, а особенно погоны».

«В таком случае, уважаемый Пётр Юльевич, зачем они вообще здесь? – резко остановил его генерал. – Их нужно судить! По законам военного времени! Или всем нам следует прекратить все эти ни к чему не обязывающие разговоры о военном противостоянии, как пустую болтовню, а самим сидеть, смиренно сложив руки, дожидаясь милости от союзников или большевиков, которую ни те, ни другие нам наверняка не окажут! Вы этого хотите?!»

Никто не ответил на резкий выпад командующего, потому что никто не знал как выполнить первое и как избежать второго.

«Завтра в полдень на соборной площади назначаю смотр и парад отмобилизованного полка!» – громко объявил генерал и сел, давая понять, что никаких возражений против своих планов он не потерпит.

...Ещё задолго до назначенного срока к соборной площади стал подтягиваться народ. Известие о параде войск как-то просочилось в гражданские круги, и всем хотелось посмотреть что же они нынче из себя представляют – защитники северной области. Парад принимал Главнокомандующий войсками английский генерал Айронсайд, рядом с которым на трибуне расположился и глава правительства области Н. В. Чайковский.

И чудо состоялось! То ли соскучившиеся уже по твёрдому порядку солдаты сами приняли решение не ударить в грязь лицом, то ли возымели действие внушения офицеров, сделанные накануне вечером, но, так или иначе, когда генерал Марушевский вышел к строю, сердце его ёкнуло. Он наконец-то увидел русских солдат! Да, пусть не так щегольски одетых, как англичане, да, пусть не очень сытно накормленных, как те же чужеземцы, не очень чётко приветствующих своего командующего, но это были русские солдаты, многие старой ещё закалки, проявившие её в тот день в самом лучшем виде.

И воспрянули все! И офицеры, к которым вернулось былое достоинство в виде погон и знаков различия, и члены правительства, почувствовавшие, наконец-то, твёрдую руку, и сами солдаты, и даже английский генерал Айронсайд. Увидев то, что могут представлять из себя союзники, он совершенно однозначно заявил генералу Марушевскому:

«Мы останемся здесь ровно на столько, сколько вам это будет нужно и необходимо для организации и укрепления вашей армии. Ни на день меньше, ни на день больше!»

И крепко пожал руку своему русскому коллеге.

Окрылённый первым крупным успехом генерал тут же объявил торжественный обед для всех, во время которого не почурался находиться с солдатами за одним столом, а после его окончания объявил командиру полка:

«Я не хочу обольщаться боевой готовностью всего полка, но две роты я нашёл во вполне боеспособном состоянии. А потому приказываю: через два дня отправить их на фронт! Этому требуют интересы дела, это подхлестнёт и остальных к укреплению дисциплины».

4

Весь остаток дня в казармах архангелогородского полка царило приподнятое настроение и ключом была жизнь. Не дожидаясь команды свыше, солдаты сами принялись убирать грязь, в которой действительно заросли по уши, откуда-то появилось чистое бельё, даже обычный ужин, приевшийся, казалось бы, показался необычайно вкусным.

«А новый-то, гляди-кося, не погнушался с нами за одним столом отобедать!»

«Да ведь и из одново жо котла!»

«Эт те не наши благородия, которы и подойти-то к нам брезгуют, а не то штобы вмистях поись».

«Да уж...»

«Вот погоди-ко он задаст топерь им перцу!»

«Силён бродяга, што и говорить!»

«С таким, пожалуй, я и воевать-то бы пошёл, как на пирушку, а не в драку!»

«Да уж, с настоящим командиром и смерть-то и не страшна!» – неслись одновременно со всех сторон точные солдатские оценки первых шагов нового командующего.

«Эдаково-то бы к нам да в полк!»

«А чем он те в полку-то лучше был бы?»

«Дак хоть поближе всё ж.., пошшупать бы хоть можно – настоящей ли?! Отвыкли уж от настоящих-то...»

И смех, и шутки, и полное благодушие людей, уставших от безвластия бесчисленных комитетов и всеобщего хаоса.

Во всех углах и закоулках стихийно кучкующиеся солдаты наперебой обсуждали события уходящего дня, радуясь им, гордые за себя, что не ударили лицом в грязь, возвышенные в своём звании защитника, и готовые, казалось, тут же выполнить любое приказание. Даже командир полка, которого они, в общем-то, в душе уважали за его человеческое отношение к ним, хотя и молча игнорировали, не выказывая желание подчиняться, показался им каким-то другим на вечернем построении. Более подросшим что ли за весь этот день. А, может, это и действительно было так.

«Господа солдаты! От имени командования полка выражаю вам благодарность за проявленное вами усердие и умение в сегодняшнем параде!» – чётко произнёс полковник и поднёс руку козырьку.

«Ура! Ура!! Ура!!!» – как в старые добрые времена дружно рявкнул солдатский строй, и разом помягчели человеческие лица. Ох, не даром говорят, что доброе слово и кошке приятно! Так человек-то ж ведь не кошка, ему-то и подавно!

«Военное командование области, которую вы призваны защищать, – продолжил полковник после небольшой паузы, – выражает уверенность, что вы с честью выполните свой долг перед Родиной и защитите её интересы. Этот долг предполагает сегодня активные действия с нашей стороны, ибо каждый день присутствия на земле российской английских и других солдат тяжким ярмом обязанностей ложится на наше Отечество. И может случиться так, что мы, русские люди, вообще лишимся его, попав в зависимость от иноземцев. Россия ждёт от вас решительных действий, господа! А потому слушай приказ: второму батальону с завтрашнего дня активно готовиться к выступлению и через два дня на третий выехать на железнодорожный фронт. Р-р-р-разойдись!»

Оп-па, на! Как после скобели да топором! Гладили, гладили по шерсти и, вдруг, тресь – да в ухо! Замер солдатский строй в оцепенении, не смотря на поданную команду, и лишь спустя какое-то время медленно расползся по сторонам.

«Отбой!» – последовала новая, хотя и ожидаемая по времени команда.

Умно, ничего не скажешь! Сообщить и уложить спать. Чтобы не кучковались, не заводились попусту, а там, Бог даст, вдруг всё и обойдётся. Утро вечера ведь мудренее.

И точно обошлось бы. Далеко не все солдаты поддались тлетворному влиянию всевозможных комитетов. Большинство их понимало и свою задачу, и своё предназначение. И быть бы позадуманному, но...

Уже с самого раннего утра, как только прозвучал сигнал «Подъём!», поползла середь солдатской массы ядовитая змея сомнений. Зашушукались языкастые смутьяны, и замутнели солдатские головы от их речей.

«Братцы! Што же это делается? Опять на смерть?» – полетели первые искры разгорающегося пожара.

«И куда? Против своих же мужиков?» – опалил жаром уж и огонь речей.

«Да где ж такое видано?! Чтобы свои да против своих?!»

«О-о-о-у-у-у!» – загудело в ответ поднимающееся пламя протеста в нестойких душах.

«Это контрики, братцы! Это всё контрики!» – на истерическую высоту взлетели факелом провоцирующие воззвания.

«Что им наши жизни?! Жизни наших баб аль стариков наших, которые без нас погинут?! Им лишь бы властвовать над нами! Не бывать этому!» – особенно кипятился коренастый солдатик, разрывая на себе гимнастёрку, и толпа, внимая ему, распалялась от его речей, поддерживала его всё более и более.

«Ты шибко-то не рявкал бы, Никитка, – остановил его молчаливый всегда угрюмоватый солдат в годах. – Полковник-то наш правду говорил вечор, раскинь-кося умом-то».

«Чево, чево мене раскинуть?» – с притворным непониманием спросил солдатик.

«Мозгами, говорю, раскинь», – всё также тихо проговорил угрюмоватый солдат.

«А ты, паря, чай не контра?» – наклонив голову, хитро прищурился на него Никитка.

Угрюмый солдат ничуть не смутился от явно недоброго выпада сослуживца. Он по-прежнему сидел, прислонившись спиной к стенке, словно бы угроза, исходившая от солдатика, его не касалась.

«А ты, паря, случай, не усьяк?» – спокойно спросил он, чуть приподняв голову и смерив солдатика снисходительным взглядом.

Никитка стусевался на мгновение от неожиданного вопроса и не менее неожиданного взгляда, но уже в следующую секунду вызывающе выкрикнул:

«Ну и што, што усьяк, паря?! Што от етого переменитча?»

«Да ничево, вообще-то, – спокойно проговорил сидевший. – Только я доселе не встречал средь усьяков таких-то горлопанов. Все как-то поумнее рассуждали-то».

«А што по-твоему в моих словах неумново-то, паря?» – опять закипятился солдатик.

«А чево умново? – спокойно глянув на него, ответил угрюмый. – Вот ведь ты сам жо мне, кажись, вчера говрил, што новый генерал-де с одново котла не погнушался с нами ись, а нонь чево? С друго боку што ли солнышко взошло?»

«С котла ись – не пули хлебать! – горячо возразил Никитка. – А он куды нас гонит, паря?»

«Туды, куды надо, паря!» – в тон ему ответил угрюмый.

«Э-э-э, брат, да тебя, видать, мало бадогамы их благородия лупили! Мало грязи из окопов по-вычерпывал, кровушки пролил!?. А я нахлебался! – истерично выкрикнул Никитка. – Я два раза ранетый, паря, здоровьем пошатнутый за царя, а што взамен? Што, я тебя спрашиваю?»

«Откуль мне знать чево у тебя есть», – невозмутимо проговорил угрюмый.

«Ничево!!! – выкрикнул солдатик. – Ничево у меня нету окромя рук!»

«Вот ето-то и худо! – буркнул угрюмый. – К рукам-то надо бы и голову ишо бы поиметь».

«Опять он за своё! – вскипел Никитка, и уж прокатился по толпе ропот недовольства, придавший силу его словам. – Да ты скажи нам што ты думаешь-то, паря? Што ты за человек такой, што супротив нас всех?»

«А то и думаю, што зря всё это, – просто ответил сидящий, не вставая и не меняя позы. – Коли оружье в руки взял да форму одел – изволь сполнять чево прикажут, а не рывкать!»

«И стрелять в своих жо што ли?..»

«Ну, не в своих, положим, а в чужих...»

«Это как жо тебя понимать, паря?»

«А так и понимать, што среди брата нашо, по-русски говоряшшо, немало завелось таких, которы и похуже супостата будут, понял?» – поднимаясь с места, вдруг твёрдо проговорил угрюмый. – А стань-ко рывкать супротив начальства, оно живо можот укорот тебе устроить!»

«Пусть только попробуёт! – воинственно отступил Никитка от своего оппонента. – Ты, я гляжу, вон тожо бы хотел меня унять, паря?»

«Дурак ты!» – махнул на него угрюмый и, отвернувшись, пошёл прочь.

«Братцы! Не слушай контру! – заорал солдатик. – Вместе мы – сила! Не дадим себя в обиду!»

«Не дадим!» – эхом отозвалась возбуждённая солдатская масса, и поползло, поползло среди неё глухое разъедающее недовольство и нежелание подчиняться.

И уже ничего не осталось от монолита воинского коллектива, спаянного единством цели и решительностью в наилучшем исполнении её, совсем недавно проявленную на параде. И превратился он в обыкновенное стадо, часть из которого активно огрызалась на всё и вся, а другая часть, загнанная в общий круг силою возникших обстоятельств, покорно и глухо повиновалась. Не отбиваться же в сторону, сожрут ведь.

...На столе командующего войсками резко зазвонил телефон. Генерал Марушевский взял трубку и немедленно услышал в ней взволнованный голос командира архангелогородского полка:

«Ваше превосходительство! В казарме беспорядки! Солдаты бунтуют!»

«Спокойнее, полковник, спокойнее, – осадил его генерал. – Докладывайте по существу».

«Солдаты отказываются ехать на фронт! – всё тем же взволнованным голосом заговорила трубка. – В казармах непрерывные митинги, есть уже стрельба, офицеры не могут даже приблизиться к своим подчинённым».

Командующий нахмурился.

«Что сделано для прекращения беспорядков?» – сухо спросил он через мгновение.

«Ещё ничего, – ответил полковник. – Я счёл своим долгом известить Вас немедленно».

«Еду сам! – резко бросил командующий. – Извольте оповестить об этом солдат».

Времени на раздумья не было. Судя по скудным деталям доклада и взволнованному голосу полковника – далеко не мальчика в своём деле – можно было предположить, что положение серьёзное и малейшее промедление с принятием чрезвычайных мер может обернуться катастрофой. Генерал заехал по дороге в расположение пулемётной школы и приказал её командованию немедленно организовать оцепление взбунтовавшихся казарм. Одновременно приказал выдвинуть туда бомбомётную команду с готовностью открыть огонь по бунтовщикам по первому же сигналу.

А в расположении полка уже стреляли. Бунтующие демонстративно волочили за собой винтовки, взяв их за штыки, и время от времени палили из них куда попало, сопровождая свои действия истеричными отказами повиноваться. Генерал остановил свой автомобиль в нескольких десятках шагов от казарм и решительно направился на плац.

«Ваше превосходительство, не ходите туда! Не ходите! – попытался остановить его посланный командиром полка порученец. – Они убьют Вас!»

Генерал нахмурился. Стрельба в казармах всё более усиливалась; стреляли уж и с чердака, и из окон, пули летели во все стороны, и слышно было, как некоторые из них цокают уж и по бульжнику.

«Передано ли предупреждение о том, в два часа по казармам будет открыт огонь?» – спросил генерал порученца.

«Так точно-с!»

«Передайте мой приказ: всем бунтовщикам немедленно выйти из казарм без оружия и вывести лошадей!»

«Слушаюсь, Ваше превосходительство!»

Порученец исчез из глаз, а генерал всё же пошёл к бунтовавшим казармам сам. Лишь у первого бомбёта остановился, чтобы лично проверить готовность подчинённых к исполнению его команды.

«Только не отменяйте приказ, Ваше превосходительство! – горячо заговорил встретивший его бомбомётчик. – С этим осым гнездом иначе нельзя!»

Командующий пристально посмотрел на солдата и понял – прав! Стрелки часов неумолимо приближались к двум. На казарменный плац, однако, никто не вышел.

Ровно в два часа ударил первый бомбомёт. За ним второй..., третий. Звенящим дождём посыпались стёкла из казарменных окон, и почти в то же мгновение из дверей показались люди с поднятыми руками. Они бежали со всех дыр, как муравьи перед грозой в муравейник, на середину казарменного плаца, сбиваясь в бесформенную беспомощную кучу. Ясно, что с бунтом всё было кончено! Через несколько минут куча эта сама собой рассортировалась поротно, и в расположении полка воцарилась тишина.

«Зачинщиков расстрелять! – с убийственным хладнокровием и спокойствием приказал командующий. – Не будут выдавать добровольно – вывести каждого десятого из шеренги и расстрелять на месте! Всех разоружить! Обе роты на фронт! Немедленно! Без оружия! Исполнять!!!»

5

Ох уж эта русская душа! Необъяснимая, непредсказуемая, загадочная. Какому иноземцу под силу понять её, описать, заглянуть во все потаённые её уголки? Как можно себе представить, чтобы две роты солдат, из которых только что увели на расстрел 13 однополчан-сослуживцев, повинных в организации беспорядков, пели, отправляясь в бой?! А ведь они пели!!!

Как можно поверить в то, что стоя в безоружном строю под охраной английских штыков, солдаты клялись в верности своему командующему, отдавшему приказ расстрелять их товарищей?! Клялись и называли генерала «Отец родной!», «Батюшка!». Клялись и просили только об одном: вернуть оружие и отправить в бой, чтобы кровью смыть свою вину перед Родиной. А ведь они стояли! А ведь они клялись!! И ведь они ни о чём больше не просили, кроме как о снятии с них чужеземного караула, называя его худшим из позоров! Как же, знать, обрыдло всем ненавистное уже до мозга костей безвластие, бездействие, беспомощность! И генерал Марушевский, лично обходивший строй проштрафившихся уже на станции, куда они прибыли через день, поверил в них. И не ошибся.

... «Это есть очшен карашо!» – на ломаном русском языке радостно среагировал командир укрепленного района – молодой английский полковник – на доклад командира роты о прибытии её в его распоряжение, когда, некоторое время спустя (уже после первых морозцев начавшейся северной зимы), часть архангелогородского полка была переброшена на речное направление для помощи англичанам по их же просьбе.

Они вышли из помещения, где произошла встреча, и направились на позиции.

Укрепления англичан состояли в основном из блокаузов – больших огневых точек, сделанных из крупного леса и огороженных колючей проволокой. Блокаузы эти стояли по высокому обрывистому берегу и блокировали единственную дорогу, отходившую от реки в нескольких верстах от места её впадения в главную водную артерию Севера. На другом берегу, не менее высоком и крутом, отчётливо просматривалось большое село со множеством крепких просторных домов.

«Там красные», – заговорил переводчик, поясняя взмах руки своего командира, указавшего на противоположный берег, и его непонятную речь.

«Мы не можем атаковать это село, чтобы выбить их на мороз, потому что у нас не хватает сил, а главное.., – полковник повёл рукой правее в направлении околицы, – ... а главное – вон на тех высотах установлена артиллерийская батарея большевиков и она держит под прицелом мост».

Рука полковника опустилась и, глянув по направлению, только что указанному ею, командир прибывшей роты увидел добротный деревянный мост на высоких сваях, соединявший оба берега реки.

«Задача вашей роты: подойти скрытно к батарее красных и захватить её так, чтобы она не успела разрушить мост! – коротко сформулировал переводчик задумку полковника. – Как только эта задача будет выполнена, мы тут же атакуем село в лоб через мост и, таким образом, захватим его».

«Мой солдат очшен.., как это.., мьёрзнуть в ваш снег, даже в блокауз. Нам очшен фажно захватить этот село, чтобы укрепить наш позишн, понимайт ли Ви сфой садач?» – с трудом, но лично сопроводил-таки свой план полковник, тщательно выбирая слова из незнакомого языка и глядя прямо на командира роты.

«Так точно-с!» – вытянулся тот в ответ.

«Тогда исполняйт!» – закончил англичанин повелительным тоном.

Помедлил минуту и уже через переводчика добавил:

«Мой офицер для связи пойдёт с вами».

Сгуртовавшиеся возле отведённой палатки солдаты роты напряжённо ждали. Самые нетерпеливые уже успели поразноухать что к чему и теперь с завистью поглядывали в сторону реки, на другом берегу которой явно просматривалось жильё.

«В тепло бы сейчас...», – похлопывая рукавицами проговорил кто-то.

«Да уж...», – поддержали его из толпы.

«Так тебя туда и пустили! – раздалось сразу несколько голосов. – Там, небось, и без тебя тесно».

«В тесноте-то – не в обиде...»

«С красными-то?»

«А кто те сказал, што там красные?»

«А што я сам не вижу, што ли?»

«Да откуда?»

«А ты взгляни вокруг да пораскинь мозгами: видишь – иноземцы на морозе сопли сучат, а туда не идут?»

«Ну, дак и што?»

«А то, што уж давно позалезали бы в тепло, как не мешали бы им там!» – убедительно рассуждал угрюмоватый солдат, на которого теперь, после казарменного бунта, смотрели все, как на полковника.

«И што ты думаешь?» – устались на него сослуживцы с интересом.

«А то и думаю, што не случайно пригнали нас сюда, – пояснил свои мысли угрюмый. – Думаю, што брать село заставят и немедля, пока там не прочухались».

Никто ничего не возразил на эти слова пожилого уж, в общем-то, человека настолько они были разумны и убедительны.

«Тебя бы, Васька, ротным к нам, аль хоть бы взводным с эдакой-то головой!» – воскликнул кто-то.

«У нашово ротново голова не хуже, – польщённо возразил угрюмый. – Слушать только надо да сполнять».

«Становись!» – прозвучала вдруг звонкая команда.

«Смирно!» – через несколько мгновений подхлестнула строй вторая.

К роте подошёл её командир.

«Получен приказ, – сходу объявил он подчинённым, – взять село за рекой! Задача нашей роты – захватить батарею красных. Командиры взводов, ко мне!»

Ротный умолк на несколько мгновений, посмотрел в сторону угрюмого солдата и тихо добавил:

«И вот ты...»

От строя отделилось несколько человек и, ведомые командиром роты, направились к берегу реки.

«Вот этот мост приказано нам сохранить для наступления по нему основных сил англичан, – пояснил командир роты, указывая рукой на переправу. – Он под прицелом батареи красных, и наша задача – обезвредить её. Какие будут соображения?»

Все собравшиеся озабоченно стали оглядываться по сторонам в поисках оптимального решения.

«И на хрен он им сдался этот мост, Ваше благородие?» – вдруг воскликнул стоявший на равных с командирами угрюмый солдат.

Все немедленно повернулись к нему, ожидая продолжения.

«Мороз стоит не первый день, на кой он болись мост-от? В каждом месте ведь реку-то перейдёшь и без моста».

Переглянулись офицеры, призадумались – а ведь и правда!

«Приказы надо исполнять, а не обсуждать! – строго остановил всех командир роты. – Разумное зерно тут есть, но не подавленная батарея красных может скорректировать огонь и не даст атаковать».

«Дак ведь можно и обойти, – опять попробовал своё угрюмый. – Зачем жо в лоб-то?»

«Вот это нам и придётся сделать, чтобы захватить батарею красных», – согласился командир роты.

После недолгих, но горячих обсуждений порешили: один взвод роты пойдёт кратчайшим путём на батарею справа, свяжет её боем, если что, и в это время основные силы, обойдя скрытно всё село слева, ударят по батарее с тыла, и задача будет решена.

«Времени на подготовку нет! – подытожил командир роты. – Село приказано взять завтра же, пока противник не подтянул резервы, а потому всех накормить и отдохнуть».

На другой день, ещё затемно, основные силы роты во главе с командиром направились вниз по течению реки, чтобы несколькими верстами ниже незаметно перейти её и ударить по селу слева и с тыла. Как только рассветало, первый взвод, углубившись в лес, пошёл берегом выше, намереваясь атаковать артиллерийскую батарею и село справа. Англичане в блокагах затаились в ожидании команды на атаку через реку по мосту.

Каких-то четверть часа ходу по неглубокому ещё снегу, и село вместе с засеваемыми в нём красными осталось слева и почти позади. Дальше река круто заворачивала и уходила в сторону.

«Спускаемся! – принял решение взводный. – Только быстро, чтоб никто не видел. Под низом не скапливаться; сразу бегом на тот берег и под обрыв! Ясно?»

«Так точно-с, Ваше благородие!»

«Выполнять!»

Бойцы взвода резко выскочили из леса на близкий обрывистый берег и, не останавливаясь, съехали по нему прямо на лёд. Вскочили и без звука перебежали на другую сторону реки.

Тихо. Никто не стрелял, не кричал, судя по всему, противник ничего не заметил.

«Быстро вдвоём наверх! – скомандовал взводный своим разведчикам. – Всё осмотреть, но только тихо».

Разведчики споро полезли на высокий берег и быстро скрылись из глаз. Снова полная тишина вокруг, снова томительное ожидание и вдруг, словно два шара – сверху вниз по обрыву два солдата. Запыхавшиеся, перепачканные в снегу.

«Там пулемёт, Ваш бродь.., там пулемёт!» – захлёбываясь словами, едва отдышавшись, с трудом проговорил один из них.

«Какой пулемёт?» – неожиданно вырвалось у взводного.

«Обыкновенный, Ваше благородие, из железа...»

«Может испорченный?» – высказал слабое предположение командир.

«Чем я знаю, – пожал плечами разведчик. – Исправный ли – нет ли, а народ вокруг его есть и порядочно».

«Боевое охранение!» – догадался взводный. – Это ж надо так нарваться!»

Он сплюнул досадливо, резко повернув голову в сторону, и снова пристально посмотрел на разведчиков:

«Вы хоть там не шумели?»

«Никак нет, Ваш бродь! – полушёпотом отозвался один из них. – Мы по-тихому; а как увидели пулемёт – сразу назад. Не слышали оне нас.., не должны...»

«Пойдём выше! – уловив некоторую неуверенность в словах подчинённого, объявил командир. – Сзади батареи зайдём».

«Там круто, Ваше благородие! – спокойно и веско возразил угрюмый боец. – Не подняться нам там будет да без шуму».

«Откуда знаешь?»

«Заприметил я, – пояснил боец. – Как с обрыва-то съезжать к реке мы стали – я и заприметил».

«Хм-м, – озадаченно задумался командир. – А что ты предложишь?»

«Тут нам надо подыматьча. Боле негде, – рассудительно заговорил угрюмый. – Красные тоже не дураки и батарею неспроста поставили у крутика. Небось, подумали не мене нашово, што сзаде никому тут не зайти, и, стало быть, не боязно за тыл. А там, где можно, значит – пулемёт. И ежли спустимся пониже – посекут! Тут надо, боле негде!»

Весомо прозвучало. Убедительно. И спрашивать больше не о чём.

«Тогда не мешкая! – возвысил голос взводный. – Вперёд!»

И первый ринулся к подъёму.

Они залезли на высокий берег довольно скоро и, по всему видать, незаметно для противника. Осмотревшись, прямо перед собой, саженях в ста, увидели пулемётную позицию красных, которая располагалась к ним левым боком, развернувшись фронтом по направлению на мост. Справа и слева от пулемёта заметны были укрытия расположившихся там бойцов. Видно было, что охрана тут велась не первый день, и нападение ожидалось со стороны моста. Чуть позади их, на пригорке, просматривались стволы двух орудий, возле которых то и дело мелькала прислуга. Появления неприятеля на фланге, судя по всему, никто не ждал.

«Первым делом – пулемёт! – свистящим шёпотом передал взводный свой приказ. – По моей команде – беглый огонь! И чтоб никто не уцелел! Потом уж пушки».

«Погоди, Ваше благородие, не стреляй! – вдруг просяще проговорил угрюмый боец.

«Что такое?»

«Нашумим раньше времени да и...», – говорящий осекся на полуслове, опустив глаза.

«Что ещё?» – нетерпеливо спросил взводный.

«Наши там, Ваше благородие...»

«Это красные! – резко перебил его командир. – Красные! Понял? Враги земли русской! Самые худшие её враги!»

«Мужики там, Ваше благородие, – всё так же просяще-тихо возразил боец, – можот как-то так бы...»

«Отставить! – чуть ли не криком остановил его взводный и выхватил револьвер. – По моей команде огонь!»

«Братцы! – вдруг послышалось от пулемёта. – Братцы! Не стреляйте! Мы с вами!»

И навстречу залегшему в снегу взводу бросились несколько человек с поднятыми руками.

«Куда?!?!» – раздался вслед им грозный рык.

Над снегом поднялась плотная фигура в чёрном – не то в бушлате, не то в кожанке – и зычно прокричала:

«Назад, падлы!!!»

Но бежавшие не остановились. Они неслись к обрыву реки, как обезумевшие, не прекращая умолять залегший взвод:

«Братцы! Братцы!! Не стреляйте! Мы с вами!»

Резко щёлкнуло за их спинами, словно колотушкой по стене, и один из бежавших, будто споткнувшись, со всего маху повалился в снег. Ещё щёлкнуло, – и уже второй, схватившись за бок, громко закричал и осел.

«Ах ты, сука! – неожиданно злобно процедил сквозь сжатые зубы угрюмый боец. – Своих бить?»

Он проворно припал на одно колено и, быстро изготовившись, нажал курок. Гулкий винтовочный выстрел раскатился по округе, и высунувшаяся возле пулемёта фигура в чёрном, охнув, завалилась на бок.

«Огонь!» – закричал взводный, и, выполняя его команду, бойцы открыли беглый винтовочный огонь по пулемёту и всем, кто был вокруг него.

Оборонявшиеся не успели ничего предпринять. Меткие выстрелы нападавших сразили несколько человек, остальные сдались тут же, умоляя пощадить.

«Эх, жалко, нашумели! – воскликнул угрюмый боец. – Топерь уж воевать...»

И словно подтверждая его слова, рявкнуло во всю мочь ближайшее к нападавшим орудие, раскатился по всей округе гром его выстрела, возвещая, что за село закипел нешуточный бой.

Выпущенный из орудия снаряд не долетел до середины моста, разорвался у самого берега, но всё равно прямо на настиле. Ох и ловко ж заняли позицию пушкари! Хоть в «недолёт» пали, хоть в «перелёт» – всё одно по мосту попадётся, лишь бы с направления не сбиться. В воздух мигом взлетели доски, щепки, брёвна, какие-то палки, комья и камни, от земли поднялась огромная снежная туча, на мгновение закрыв собой и реку, и берег, а когда всё это с грохотом возвратилось на землю, бойцы увидели, что мост повреждён. Но не разрушен окончательно: в настиле зияла дыра, покосились некоторые сваи, вздыбило перила, но всё это было у самого берега, по сути даже примыкая к нему, и по мосту вполне можно было бы ещё пробежать.

«По батарее противника.., – уж не таясь и не боясь, что его услышат, громко скомандовал взводный, – ...беглым.., огонь!»

И загремели опять винтовочные выстрелы его подчинённых, разя всех, кто суетился возле орудий.
«В атаку! – закричал командир, видя, что с позиции батареи не стреляют. – Вперёд!»

Бойцы взвода дружно устремились вверх по пригорку прямо к орудиям. Бежали почти не стреляя, путаясь в длинных полах шинелей, зарываясь в снег..., только вперёд! Скорей вперёд пока не опомнился противник.

На пригорке, куда они в считанные мгновения забежали, стояли только два орудия. Вокруг них валялась как попало орудийная прислуга, по большей части перебитая наповал, некоторые стонали от полученных ран, и лишь один человек со снарядом в руках стоял неподвижно возле орудийного лафета, не зная что ему делать. Расчёт его орудия был сражён, команду «Заряжай!» никто не подавал, но и положить снаряд на снег боец не решался. А может ещё не успел?..

«Бей красную сволочь!» – закричал взводный и направил на стоящего свой револьвер.

«Сто-о-о-ой!!!» – громче него заорал вдруг угрюмый боец и, с неожиданным проворством в два прыжка подскочив к своему командиру, выбил у него из руки револьвер, одновременно завалив его на землю.

«Ты что?! – заорал тот, пытаясь встать. – Да я тебя, сукиного сына...»

«Тихо, Ваше благородие! Тихо! – не позволяя взводному подняться, проговорил угрюмый. – Меня – можно! Ево.., – кивнул головой в сторону красноармейца со снарядом, – ...не дам! Это зять мой!!!»

Ещё несколько мгновений жал он взводного к земле всей массой своего тела, словно бы вдавливая в сознание того только что сказанное, давая возможность осознать услышанное и переменить решение, потом так же неожиданно, как и напал, встал и, не поворачиваясь, пошёл в сторону человека со снарядом.

«Здорово, Гришка!» – подойдя к нему вплотную, проговорил он и протянул руку к металлической болванке.

Стоящий ошалело глядел на неприятельского бойца, безропотно выпустил из рук снаряд, почувствовав, что его уже удерживают другие руки, и лишь после этого, часто-часто поморгав, будто бы во сне или сослепу, недоверчиво спросил:

«Василий?»

Постоял мгновение, наблюдая как подошедший укладывает снаряд на землю и поворачивается к нему лицом, потом вдруг выпрямил полусгорбленное от ноши тело и, не обращая внимания ни на кого больше, качнулся вперёд, широко раскинув руки.

«Василий Тимофеевич!!! – горько-прегорько выдавили уткнувшиеся в воротник чужой шинели уста. – Татя! Татюшка!!.. Как жо ето?...»

И замерли все, кто стоял вокруг! И белые, и красные, свои и чужие, а по сути своей – русские люди, разведённые жестокой судьбой по разные стороны от невидимого барьера посеянной чьей-то злой волей вражды. И прослезилась многие из них, глядя, как навзрыд заплакали, обнявшись накрепко, два взрослых мужика – ближайшая родня один другому, чуть не убившие друг друга в слепой смертельной схватке! И никто больше не стрелял!

«Как ты тут, татя?» – немного опомнившись от потрясения, воскликнул Демидов.

«А ты-то как?!» – не менее потрясённо спросил его Антипов.

«Я после ранения, вот, в артиллеристы определён.., заряжать...», – ответил Гришка.

«После ранения?» – всполошился Василий.

«Ну, да, – подтвердил Гришка. – Летось ишо ранило под Кемью».

«Шибко ли?»

«Да так-то бы навывлет пуля, но всё зажило и скоро».

«А сюды-то ты пошто?»

«Куды – сюды?» – не понял Гришка.

«Ну, в артиллеристы?»

«Дак ведь не вижу я! – воскликнул Демидов. – Сызмалетства жо не вижу, а меня с винтовкой да в пехоту! В ково я тамока попаду? А сила, слава Богу, есть, вот и послали, как поправился, сюда. А ты-то как?»

«Ох, Гришка, лучше бы ты меня не спрашивал про ето...», – горестно вздохнув, проговорил Антипов и низко опустил голову.

Стоявшие вокруг них солдаты белой армии, опомнившись мало-помалу и поняв, что бой закончен и возложенная на них задача выполнена, начали искать себе применение.

«Раненых перевязать!» – скомандовал их командир.

Заметил на себе вопросительный взгляд, решавший судьбу противников, и коротко уточнил:

«Всех!»

Двое тут же были отряжены в дозор, остальные занялись осмотром захваченного. Антипова с Демидовым никто не тронул. Они присели друг против друга на какие-то ящики, подвернувшиеся под руку, и с нетерпением уставились друг на друга.

«Ты лучше мне про Маню расскажи, – предложил Василий. – Как она там?»

«Да я и сам не знаю ведь, – сокрушённо развёл руками Гришка. – После вас-то мало нам пришлось вмистях побыть – забрали меня вместе со всема».

«А пока были?»

«А пока были – ничево, – начал Демидов, – жива-здорова...»

«Розродилась ли?»

«Да ведь не срок ишо товда, ковда меня-то брали, а топерь-то как узнаешь. Я с Палушей Майковым поклон ей посылал, как тот домой поехал, но с им боле не видались мы после тово».

«С Палушей говоришь? – встрепенулся Василий. – Пошто с Палушей-то?»

«На побывку ево отпустили на пять дён. На курсы посылали и вот по путе домой».

«О, господи! – воскликнул Антипов. – Чево ишо за курсы?»

«А это курсы красных командиров! – не без гордости за земляка торжественно пояснил Гришка и вдруг осекся, вспомнив, что перед ним сидит солдат белой армии. – Ты как в еко-то попал, татя?»

«Долго рассказывать, Гришка, коли всё, и тяжело», – вздохнул Василий.

«Ну, а всё жо...»

Антипов снова тяжело вздохнул, ничего не говоря, потом осмотрелся, словно вспомнив, почему он здесь, и, поняв, что от рассказа ему не отвертеться, начал:

«Мы сразу-то на Мурман подались с моей Лукерьей, как уехали. Там, думали, народу мало, места много – не спохватятча. Пока дотудова добрались – там вскипело: англичане появились, стрельба началась. Мы взадь – а куда? Давай, подумали, в другую, можот, сторону уедем. На Печору куда-нибудь. В Архангельск-от добрались – и застряли. Лукерья-то нашла себе работу кое-как, а вот меня забрали летось. Тожо как тебя, поди-ко, только армия другая. Я сперва-то не хотел, уж чуял сердчом, што в своих палить заставят, а попал – подумал: не отвяжутча ведь. Да и хлеба хоть кусок будёт, хоть себе, – всё ж легче выжить».

Василий умолк на мгновение и как-то тяжело натужно сглотнул, словно бы это не он поведал собеседнику свою нелёгкую исповедь, а ему самому насильно затолкали в сознание историю о чьей-то горькой доле, и он был вынужден проглотить её будто сухую хлебную корку.

«Сперва-то нас всех в городе держали, вроде как в резерве да учили всё, а тут недавно новый генерал приехал и – на фронт нас, – продолжил Антипов после паузы. – Наши-то забунтовали, было, против этово, да генерал не из паршивых нонешних попался: смутьянов сразу к стенке, ну а нас сюда. Я сперва-то подумал: не возьму грех на душу, не стану в мужиков стрелять, даром, что красные, а как севодня поглядел, как тут один какой-то в чёрном по своим да в спину, ну и закипел! Всадил ему, суке, промеж глаз, штоб знал как по мужику да из нагана!»

«Комиссар наш, – коротко пояснил Гришка. – Был... Не полковой, правда, но тожо не маленький. И, кстати, из бывших унтеров».

«Вот сука! – снова выругался Василий. – Прости ты, Господи, душу мою грешную! Совсем иуда выходит, коли так! Дважды продал!»

«У нас таких немало нынче стало, – признался Гришка. – Голову так задурят, што и отца родново за врага сочтёшь!»

«А меж има?»

«Чево меж има?» – не понял Гришка.

«Ну, я имею в виду – меж их речей чево голова твоя думает?»

«А ей думать нечево, – горестно отозвался Гришка. – Все знают, што если кто к белым перебежит, тому семье не сдобровать. Всех порешат!»

«А вон севодня сколь перебежало...»

«Дак ведь кому охота погибать-то?! – воскликнул Гришка. – А хоть и по своим жо палить? Ладно – англичане там засели, на той стороне, дак то чужие. Их, вроде как, не жалко, коль без спросу поползли к нам, ну а тут-то русские!»

«Вот то-то и оно, што русские...»

«Лукерья-то как?»

И снова замолчал Василий, уронив голову к коленям, не зная как начать и с чего начать. А ведь надо.

«Худо! – вымолвил, наконец. – Сынишку ейново мы летось схоронили. Это ишо до тово как я в солдаты попал. От горя вся счернела; и сына лишилась, да и меня забрали. Уж как я утешал ие, как говорил, што ворочусь, да вишь вот угодил-то куды нонь. И где они топеря, как они – не знаю. А Маня-то с моими малышами как?» – вдруг спохватился он.

Теперь уж Гришкина очередь подошла тяжело вздохнуть и голову опустить.

«Чево замолчал-то?» – насторожился Антипов.

«Забрали их...»

«Как забрали? – вскинулся Василий. – Куда?»

«Куда – не знаю, но сказали, што в детдом всех повезут, – пояснил Гришка. – Всех и увезли».

«И ниужоли никово не отсояли?»

«Да какое там!.. – махнул рукой Григорий. – Оне и к Мане-то моей хотели бы придратча, да уж я тут на дыбы! Жена моя законная, дескать, никаково права не имеет. Ну и что ж что Антипова дочь?.. Отступились. А маленьких – тех всех зараз и увезли».

Замолчал Гришка, переводя дух, и слышно стало в наступившей тишине, как заскрипел зубами сидящий напротив тесть. Заскрипел и незнакомым каким-то голосом проговорил:

«Ну, всё! Разошлись наши стёжки-дорожки с новой властью. Навек разошлись!..»

Поглядел Гришка на своего родственника и не узнал его. И вроде бы тот же сидит перед ним Вася Антипов, хоть и в чужой шинели: и обличье Васино, и душа, чувствуется, его же – добрая да совестливая, а вдруг как подменили человека. Глаза маленькие сделались, ноздри раздулись, и лицо-то почужело.

«Хорошо, што я тебя вот так-то встретил...», – успел ещё сказать, и тишину зимнего утра расporоли вдруг частые винтовочные выстрелы, послышавшиеся с другого края села.

«Ваше благородие, красные!» – запыхавшись, подбежал один из дозорных.

«Где?» – вскричал взводный, хватаясь за револьвер.

«Там! – махнул рукой дозорный в сторону выстрелов. – Целый отряд!»

«Это подкрепление, – тихо пояснил вдруг Гришка. – Нам вчерась вечером сказали, што-де белые ждут подкрепления и могут атаковать село. Мы оттово и ждали-то севодня, што атака будет по мосту. И подкрепление послали нам, штоб устоять».

«Взвод, к бою!» – громко скомандовал офицер.

«Не устоять вам, татя, – всё так же тихо, обращаясь к одному Василию, проговорил Гришка. – Много их, большое подкрепление – нам говорили – уходить вам надо».

«Ваше благородие, что делать будем? – обратился Антипов ко взводному. – Слышал ли?»

«Оборонять батарею до последнего! – отсекая всякие сомнения, крикнул офицер. – Докажем делом, что не зря нам доверяли. Взво-о-од! Занять оборону! Противник слева!»

Винтовочная стрельба на противоположной окраине всё усиливалась, и вдруг отдельные ружейные хлопки перекрыла длинная пулемётная очередь.

«Откуда? – пронеслось в мозгу у залегших бойцов. – Наши же с винтовками в обход пошли!»

«Два пулемёта на саях вчерась нам обещали на подмогу, – опять тихо пояснил всё Гришка лежашему рядом тестю. – Уходить вам надо, татя, уходить! Иначе погинете все!»

Последние слова его долетели уж и до лежавших за укрытиями бойцов, и один из них, не выдержав, хватил вдруг шапкой о снег и громко отчаянно выругался в адрес англичан:

«Да и где ж они, союзнички, язви их в душу?! Сичас бы самый срок ударить через мост-от!»

«Боятся, суки, выползти с укрытий-то!» – добавил кто-то.

«Нашими руками жар хотят загрести!»

«Эх, вояки..., мать их!..»

«Отставить разговоры! – крикнул взводный. – Выполнять приказ!»

И в этот момент на ближайшей окраине села показались вооружённые люди с винтовками наперевес.

«Красные! – заключил взводный, глянув на них. – По пехоте противника.., – огонь!»

И закипел бой... Бой неравный – одного взвода против втрое превосходящего противника, бой жестокий и смертельный, где на карту поставлены были с одной стороны судьба батареи, а с другой – солдатская честь сильно поредевшего взвода бойцов, которую надлежало защитить уж делом и оправдать доверие пославшего их в бой генерала. Чуть не час отстреливалась горстка храбрецов, укрывшаяся за орудиями. Экономя патроны, стреляя лишь наверняка и не подпуская нападавших близко к своей позиции. Благо, что она всё-таки ещё и возвышалась.

Но иссякали боеприпасы и таяли силы. Вот уж и половина полегла, вот уж и взводный убит, а нападающие всё лезут и лезут. И всё не смолкает и не смолкает бой на противоположной окраине села. И всё сидят, не вылезая, в укрытиях англичане.

«Погибать нам с тобой, Василий! – крикнул, оглянувшись на убитых сослуживцев, последний из уцелевших бойцов взвода. – У меня патронов боле нет и взять уж негде!»

«Эх, б...! – не выдержав, выругался Антипов, имея в виду англичан. – Ведь только бы за мост им и перебежать-то – смяли бы мы красных. Ей-богу смяли бы!»

«Уходи, татя! – в последний раз проговорил всё время лежащий рядом с Антиповым Гришка. – Нету вам суда – патроны кончились, уходить надо!»

«Эх, жизнь!.. – снова воскликнул с отчаянием Василий. – Уходим, Фролка! Какой нам прок – себя задаром в трату отдавать, и у меня уж тожо боле нечем заряжать?»

«Меня оглоушь, татя, оглоушь!» – горячо зашептал лежащий в снегу Гришка.

«Как – оглоушь?!» – оторопело уставился на него Василий.

«Прикладом!.. По башке!.. Скоряя! – быстро заговорил Демидов. – Пристрелят ведь меня, коли найдут живово тут!»

Василий обалдело привстал перед Гришкой на колени, словно бы не понимая чего добивается от него родственник или не решаясь это сделать.

«Да скоряя жо!..» – лёжа за орудийным колесом, вымолвил Гришка.

«Поберегись, Вася! – всё поняв, выскочил из-за спины Фрол. – Дай я...»

«Не убей, ради Христа! – из последних сил сопротивляясь беде, загородил Василий Гришку поднятыми вверх руками. – Зять ведь это мой!»

«Пусти!» – крикнул на него Фрол и замахнулся прикладом.

Оружие описало в воздухе широкий полукруг и с размаху опустилось на голову Гришки. Раздался глухой стук, голова Демидова дёрнулась и рухнула на снег. Глаза, как успел заметить Василий, медленно закатились вверх и тихо закрылись ослабевшими веками.

«Убил! – дико вскричал Василий. – Ты жо убил ево!!!»

Фрол быстро припал к груди лежавшего и удовлетворённо проговорил:

«Живой! Ведь я ж не шибко долбанул-то. Отлэжитча...»

И первым ринулся к обрыву.

«Уходим! – крикнул ещё раз, оглянувшись и увидев, что Василий, не меняя позы, стоит перед зятем на коленях. – Ну!»

И кубарем покатился вниз, заметив, что Антипов поднялся-таки вслед за ним.

Наверху вдруг грохнуло, с обрыва полетели комья снега, и на гребне тотчас появилось сразу несколько человек с винтовками наизготовку.

«Вон он! – полетело вдогонку убегающему через реку Фролу. – Стой, сука!»

И вслед за этим грозным предостережением с берега раздался одинокий винтовочный выстрел.

Пленных набралось человек двадцать. В основном это были англичане, захваченные красными прямо в блокгаузах, из которых чужеземцы так и не успели вылезти во время атаки противника, но было несколько человек и русских из роты Василия и Фрола, окромя их самих. Храбро дралась прощтрафившаяся в Архангельске рота. Отчаянно. Как и её первый взвод, в который входили Василий с Фролом. И, главное, грамотно и толково. Даже не смотря на явное превосходство противника в

числе. Да ведь и в позиции же: попробуй-ка атаковать в угор, когда по тебе сверху палят! И кто его знает чем кончилось бы дело, если б не те два пулемёта, которые красные подтащили всё же к месту разгоравшегося не в их пользу боя и секанули сверху по отчаянно наседавшим храбрецам.

И полегла рота. Отчаянно сопротивляясь и не отдавая завоёванных позиций ещё долгое время, не смотря на шквальный огонь противника. Но сила одолела силу. И главную роль в этом, конечно же, сыграли пулемёты. Лишь видя полную бесполезность дальнейших попыток наступать, а, больше того, и невозможность из-за понесённых потерь, не чувствуя никакой поддержки со стороны так и не вышедших из своих укрытий англичан, командир роты, тоже уже раненый к той поре, дал сигнал к отходу. Какой толк губить людей впустую в такой ситуации? Война-то ведь на этом не кончается, люди-то и дальше пригодятся.

И опять же грамотно скомандовал. Толково.

Отошла рота. Отстреливаясь, прикрываясь арьегардами, пусть и не досчитавшись до половины численного состава, полёгшего под разящим пулемётным огнём, но отошла тем же путём, что и пришла. Красные и преследовать её долго не стали, видя столь умело организованный отход. Кому охота голову под пули просто так совать? Пулемёты далеко по снегу не проволокёшь, а с одними винтовками против хорошо организованного противника много не навоюешь – враз ополвинит желающих-то.

Но подъярившись из-за многих потерь в своих рядах, распалившись боем, ударили всей силой через реку и смяли англичан. Прямо по мосту и атаковали! По тому самому, который англичане разрушенным посчитали и не пошли вперёд по этой причине. А чего там и разрушенного-то? Одна дыра всего в настиле да и та у самого берега! Да – неловко преодолеть, да – подзадержаться да по-выкручиваться пришлось, дыру эту обходя, но дальше-то нетронута! Да и по льду беги сколько хочешь. Лупанула батарея по укреплениям английским, раза два промазали пушкари по неопытности, а на третий прямёхонько попали в крайний на берегу блокауз. Только щепки во все стороны полетели! И англичане, которые внутри засели. Которые-то ключьями, а которые – что уцелели – сразу дёру дали. И другие, кто это увидел, тоже вслед за ними в лес, а кто остался – прямо красным в плен. И совсем бы плохо пришлось белым, не столько даже вокруг этого села, сколько во всём районе, потому что открылась перед красными никем не защищённая дорога на многие вёрсты, но засмеркалось не ко времени, и пришлось атакующим воротиться восвояси да в тепло. И англичане помаленьку отдышались от быстрого улепётывания. Всё и застопорилось.

...В большом просторном пятистенке, где разместился штаб полка красных, с самого раннего утра людно.

«Что думаешь делать, командир?» – наседали на невысокого мужичка в длинной шинели плотный плечистый моряк в чёрном бушлате.

«Подумать надо», – осторожно отозвался тот.

«Нечего тут думать! – резко рубанул рукой воздух командир прибывшего отряда. – Атаковать надо, пока беляки там не прочухались!»

«Атаковать – не руками махать! – спокойно возразил ему мужичок в шинели. – Обстановку надо разведать, расположение...»

«Э-э-э! – с подвывом перебил его «бушлат». – Вам волю дай – всю зиму бы провыясняли!»

«Наша задача была – удерживать район, – уж более строго попытался осадить своего оппонента мужичок в шинели, – мы и удерживали! Пытаться же атаковать противника, не имея превосходства в силе – значит погубить зазря людей!»

«И лучше сидеть по норам да с бабами на печках шашни разводить! Так что ли? – всё больше горячась, наседали моряк. – Всю революцию просрали, лапотники!»

«Ты, парень, зря пехоту не собачь! – резко повернулся вдруг мужичок в шинели к прибывшему. – Сказано, у меня приказ – оборонять район и не пускать противника к реке!»

«А у меня приказ – атаковать его и захватить дорогу вплоть до самой станции! Понятно?» – совсем раскипятился «бушлат».

«Здесь я командир полка! – отчётливо проговаривая каждое слово, произнёс мужичок в шинели. – И я отвечаю перед командованием армии за удержание этой дороги».

Он сделал многозначительную паузу и пристально посмотрел прямо в глаза напиравшему оппоненту.

«А ты, уж если очень хочешь, можешь атаковать один!» – добавил коротко и отвернулся от моряка, давая понять, что разговор окончен.

Тот тяжело вздохнул, поняв всю бессмысленность попыток уговорить командира наскоком, и после паузы предложил:

«Пленных надо допросить, уж коли так. Ты что с ними собирался делать?»

«Допросить и собирался, – спокойно ответил командир полка. – Но прежде того я собирался обратиться к ним ко всем».

«Эт-та ещё зачем? – опять закипятился командир прибывшего отряда. – Это же беляки! Контра!! Какой с ними может быть разговор?! Вышиб нужные сведения – и к стенке!»

«Это русские мужики! – всё так же спокойно возразил командир полка. – Их взяли силой под ружьё да ещё и под иноземное командование. А это старые солдаты в большинстве своём и всякое видали на веку. У меня в полку таких до половины и воюют они не хуже мобилизованных».

«Угу, – иронично покачал головой «бушлат», – с бабами в тепле да под одеялом! То-то на осень приплоду тут появится...»

«Отставить! – грозно рявкнул на это командир полка. – Не будь я наслышан про твоё геройство на Двине, сейчас же под арест пошёл бы ты за такие слова! Понял?!»

«Угу! И под один замок с беляками...»

«И под один замок с беляками! – уж распалась, закричал и командир полка. – Потому как слова твои – есть самая настоящая контрреволюция и унижающий честь бойца Красной Армии поклёп!»

Они остановились друг против друга, как два петуха, наклонив вперёд головы, и несколько мгновений часто-тяжело дышали, яростно раздувая при этом ноздри.

«Ладно, – согласился, наконец, прибывший, – твоя взяла. Действуй, как знаешь».

Они довольно скоро собрались и в сопровождении нескольких командиров штаба да конвойных отправились к овину, где под неусыпной охраной сидели пленные. Командир полка приказал построить отдельно русских, и когда приказание его было выполнено, вышел к горстке людей сам.

«Мужики! – просто начал он. – Волею судьбы и жестоких обстоятельств случилось так, что мы направили винтовки друг на друга. Но все мы – русские люди, рождённые на русской земле и вскормленные русскими матерями! И вы, и я! Так неужели же нам в такую минуту, когда чужеземный сапог опять топчет нашу Родину, не достанет ума понять, что мы должны быть вместе?! Чтобы, забыв о временном помутнении рассудка, обернуть своё оружие против истинных врагов России – её захватчиков-чужеземцев!»

Командир резко возвысил голос на последних словах и столь же резко его оборвал, выкрикнув вопрос-призыв. Медленно обвёл взглядом стоящих перед ним людей, стараясь понять дошли ли его слова до их сознания, и, помолчав, продолжил:

«Я не призываю вас сделать свой выбор немедленно. Я понимаю, что вам тоже немало говорилось о верности Присяге и прочих обязанностях русского солдата. Но императора, которому вы присягали, больше нет! Но Временное правительство, которое посылало вас на эту бойню, позорно бежало, бросив Родину на произвол судьбы! Так кому же вы служите, мужики? Чужеземцам? Но вы же не предатели! Вы же плоть от плоти кровь от крови русские! Одумайтесь! И покайтесь!»

Два последних слова были произнесены командиром наименее пафосно, значительно отделившись от остальных и, может, потому несли самый мощный заряд воздействия на сознание слушавших.

«Как командир полка Красной Армии, торжественно и принародно обещаю, что ни малейших репрессий за вашу службу в белой армии не будет. Будет только испытательный срок в бою, и в случае его прохождения вы получите полные права бойца Красной Армии без всякого их ущемления!»

Говоривший сделал ещё одну паузу, давая возможность усвоить услышанное, и тихо добавил:

«Времени у вас на раздумье сутки. Утром каждый из вас будет доставлен ко мне для окончательного ответа».

Ворота в овин едва лишь затворились, как в полумраке его вспыхнуло бурное обсуждение случившегося. Говорили все и говорили все разом, едва успевая выслушивать друг друга. Говорили горячо и искренне, сшибаясь мнениями друг с другом и споря при этом до хрипоты.

«Братцы! – слышался в полумраке чей-то едва прорезавшийся басок. – А ведь он же прав! Ведь мы же русские люди! В ково ж мы стреляем-то?»

«Охолони, парень! – перечил ему другой. – Порядку не знаешь? Честь тебе не дорога? Молод ты ишо – такое суждение иметь!»

«Какая честь? – не сдавался первый. – Какая честь, я тебя спрашиваю? Мы што, их благородия што ли – честью-то козырять?»

«Честь – она у всякого служивово должна быть, – вступил в перепалку кто-то ещё. – Хоть у генерала, а хоть и у простово солдата, потому как принимали Присягу все и перед строем! А чему клялись? А?»

«Да ни «чему», а «кому!» – «молодой басок» явно не иссякал энергией. – Правильно этот командир сказал, что нет уж тех, кому мы поклялись, одна только Родина осталась наша. А её-то мы клялись ведь защищать! А с кем нонь заодно? С англичанами? А чево им тутока надо? А? Чево припёрлись на чужбину? Не верю я, што бескорыстно оне тут!»

И уж про англичан дальше, которые, сидя тут же и поняв всё, перепуганно забились в угол тесной кучкой, ничего хорошего для себя не ожидая. И про честь опять же да про слово, которое давали генералу перед отправкой. Не хуже печки разгорелось обсуждение, до самого большого градуса накала дошло, но всё-таки мало помалу к доводам «молодого баска» все стали сходить, как к самым здоровым. Негоже это – своим да против своих. Нельзя это – чужеземцам вольно давать по родной земле гулять.

Одно ещё оставалось – генерал. Отцом ведь его звали и божились искренне, чтобы поверил. Но как он мог их на такое дело – настоящее братоубийство? И решили: не волен он собой распоряжаться был. Что и его купили англичане или уж силой может быть принудили против своих же.

«А ты, Василий, што-то всё ни слова?» – подвалил возбуждённый горячим спором Фрол к своему сослуживцу.

«Голова у меня болит, штоб с вами спорить, – попытался отмахнуться от него Антипов, – да и нога садиёт».

Ему повезло накануне, когда почти рядом с орудием, возле которого он с Гришкой оставался, разорвалась граната. Лафет и орудийный щит приняли на себя все те осколки, которые ему должны были бы достаться, и лишь один из них, рванув штанину повыше колена, задел мякоть. Ну, да оглушило хорошо.

«Нас тут вот семеро, и порешили все почти, што надо к красным, – продолжал возбуждённо Фрол. – Хоть вроде тошно на душе, но иначе-то смерть ведь! Да и, послушать если, много правды ведь в словах-то ихних. Надо всё ж попробовать, чево зря жизни-то губить».

Фрол прервался на мгновение, ожидая что ответит на это Антипов, но тот по-прежнему молчал.

«Ты-то как, Василий, на это смотришь?»

Опять молчание в ответ, и Фрол уж было хотел ещё что-то сказать, но Василий тяжело повернулся к нему лицом и коротко ответил:

«Никак!»

«Как это «никак»?» – не понял его мысли Фрол.

«Я своего врага себе уже нашёл! – с какой-то мрачной решимостью медленно проговорил Антипов. – Мне бы до него топерь добратча только ...»

7

В штабе красноармейского полка тихо. Дышит расслабляющим теплом просторная русская печка, играет солнышко на заиндевелых окошках, и лишь изредка глухо стучит обитая соломенным валиком дверь, впуская внутрь или выпуская наружу нечастого посетителя.

«Ну, ты силён, однако! – восхищённо покачивая головой, одобрительно проговорил командир прибывшего отряда командиру полка. – Даже у меня в душе чево-то ёкнуло после твоих слов! Где ж так насобачился-то?»

«Комиссар у меня большой мастер по этой части, – отозвался польщённый командир, – вот у него и научился».

«А где он сам-то?»

«Да ранило его на днях, теперь вот я один за всех остался».

«Чево ж ты времени-то дал им столько? – невольно высказался командир отряда. – Час-другой – и на допрос бы. Нам же время дорого сейчас, сам понимаешь».

«Понимаю, – согласился командир полка. – А ты видел, как они дрались? Плохие солдаты будут так драться?»

«Ну, положим, не будут. А дальше-то что?»

«А то, что коль они хорошие солдаты, легко ли с них будет узнать, что нам знать надо? А? Ты это понимаешь ли?»

«Ну, допустим, понимаю. Что с того?»

«А то, что всякую попытку на них давить сейчас нам показать нельзя – вот что! – заключил командир полка. – И сведения нам нужны, и люди тоже. Пусть думают спокойно; нам сутки ничего тут не решат, всё одно у белых неоткуда силе взяться. А вот как они её расположили, где ударить нам удобней – это мы узнать можем. Да и людей себе хоть на маленько да прибавим, если всё пройдёт удачно».

Помолчал немного, будто раздумывая – сказать или нет – и добавил:

«А морозчик тут ума в мозги за ночь добавит лучше нашего... Понял, морячок?!»

И улыбнулся вдруг совсем уж по-крестьянски хитровой улыбкой, которая сразу выдала в нём не кадрового военного, а очень сметливого мужика-хозяина. А может и бывшего унтера.

«Ну, головаст! – оценив услышанное, опять одобрительно проговорил командир отряда. – Мне говорили про тебя, что туха, мол, матюха, и покруче, мол, с тобой мне надо быть, а ты, я вижу, не так прост».

«Прост, парень, только блин на сковородке, да и то, если не первый! – улыбаясь, отпарировал командир полка. – А человек – любой – похлеще всякого блина будет, как к нему не подходи».

«А не замёрзнут они там, в овине-то?» – озабоченно проговорил, вдруг, морячок.

«Ну, какой-то мороз! – воскликнул командир полка. – Коль дерево в лесу не рвёт, да лёд в реке не колет – эт-то уж не мороз, а так – морозец! А им нашего мужика не удивишь».

«А как же англичане?»

«А эти пусть позябнут хоть бы ночку, чтоб подумать было легче, что в тепле да дома – лучше, чем в чужом снегу! Да и овин истоплен был – не околеют!»

«Ты, я гляжу, из местных тут, коль всё хорошо так замечаешь да рассуждаешь?»

«Все мы тут, считай что, из местных, – раздумчиво проговорил командир полка. – Губерния большая до войны была, и две-три сотни вёрст если между волостями есть – не в счёт. Сначала-то мы на железной дороге воевали, а потом уж нужда возникла – нас сюда; узловой этот участок на пути от Двины к дороге контролировать. Больше-то ведь тут никак не попадёшь, других-то дорог никаких нет».

Командир помолчал немного, словно бы размышляя о чём, а потом посмотрел на собеседника и спросил:

«А ты, видать по хватке, из балтийцев?»

«Из балтийцев! – довольно улыбаясь, подтвердил морячок. – Мне прошлой зимой от самого Феликса Эдмундыча мандат выдали и сюда вот с предписанием – любой ценой для Петрограда хлеб добыть. Мы и поехали с отрядом. Да тут – повыше по реке – у нас в одном селе промашка получилась; до пальбы дело дошло, ну и назначили меня с моим отрядом – контрика из местных изловить. А он не лыком шитый оказался, из-под носа у меня ушёл, ну, я и подъярился – всё хозяйство у него порушил. А меня за это чуть не к стенке!!! Понимаешь?!»

Морячок вскочил со своего места и забегал по избе из угла в угол.

«А ведь он же, контра, нашего конвойного штыком запарол! Как я мог такое стерпеть?!»

Командир полка молча слушал возбуждённый рассказ и ничего не отвечал.

«Приняли всё это во внимание кой-как и не расстреляли. Но мандат отобрали. Если, говорят, советская власть такими методами будет себе дорогу пробивать, то все от неё сразу отшатнутся, и вместо друзей себе мы только лишь врагов в народе наживём, – продолжил уже поспокойнее морячок. – Оно-то, может, и правда, но больно уж обидно было мне всё это слышать. Что я – чуть ли не враг народа трудового! А какой я враг? Какой я враг?! Да я сам – самый что ни на есть народ и есть! В оружейных мастерских слесарил до призыва, посмотрелся тоже всякого...»

Говоривший опять умолк и быстро зашагал по прерванному маршруту. Командир полка молча наблюдал за ним, терпеливо дожидаясь когда схлынет его горячность и он сможет закончить свою исповедь. А дать закончить, судя по всему, было надо; накопело, видать, у человека на душе, жжёт и не даёт покоя.

«Вообще-то может оно и к лучшему, что всё так вышло, – заговорил моряк, опять немного успокоившись. – Ну, какой с меня чекист? Там голова нужна холодная, а я?.. Послали вот на фронт да на реку ещё, как моряка, – вот это вот моё! Тут я как рыба в воде! За лето-то не раз, бывало, англичанам прикурить давали! А то, вишь – до Котласа они хотели за сезон дойти! До Вятки к Колчаку на соединение за зиму.., а вот хрен вам русский!!!»

Морячок резко крутанулся на одном месте и выразительно помахал в воздухе согнутой в локте рукой на уровне пояса.

«Да, я это про тебя слышал не раз за лето-то, – подтвердил командир полка. – И тоже предупреждён был, что горячее, мол, будет пополнение...»

«И не пополнение! – поправил морячок. – Не пополнение, а усиление! И это не одно и то же, как ты понимаешь».

«Как и ты, что командир полка здесь всё же я, – спокойно подтвердил слушавший. – И хоть ты мне не подчинён, но придан. И подчиняться должен полностью».

«Ну, будет уже про это, – немного обижаясь, воскликнул морячок, – обнюхались уж, слава Богу, чай, бок о бок в атаку шли».

«Да уж...», – многозначительно начал командир полка, но продолжить не успел. В дверь, вдруг, резко постучали, и один из часовых, обращаясь к своему командиру, доложил:

«Тут к Вам, товарищ командир, боец Шумилов добивается. Говрит, мол, что-то важное сказать имеет. Допустить?»

«Пусть войдёт!» – коротко разрешил командир полка и поднялся со своего места.

В комнату вошёл сухопарый невысокий мужичок лет 40 и, суетливо доложив, зачастил скороговоркой:

«У меня к товарищу командиру матросу сообщение, товарищ командир полка».

«Что такое?» – повернулся к вошедшему моряк в бушлате.

«Говори!» – подтолкнул бойца и командир полка.

«Значит это.., товарищи командиры.., мужичок мне знакомый середь пленных имеется, – продолжил боец. – Я давече, ковды ходили мы к овину, запримитил одново там да и кажот мне, што где-то я ево видал».

«Ты суть давай, суть!» – подтолкнул его к разговору моряк.

«Дак а я суть и даю, самую, што ни на есть, – «застрочил» опять боец. – Запримитил, это, я ево да и весь день, вот, голову ломал: ну где ж я видеть ево мог, ну, где жо – и вот вспомнил!»

«И где?» – напряжённо воскликнул моряк.

«А у нас, в Завидове! – торжественно хлопнул себя шапкой по колену говоривший. – Зимусь, ковды случилась заваруха-то в селе, он это конвойново-то штыком пырнул! Он!!!»

«Што ты говоришь!?» – не выдержав, вскочил с места моряк.

«Самую што ни на есть истину говорю, вот те крест!» – возбуждённо подтвердил боец, торопливо крестясь.

Командиры молча переглянулись меж собой и оба недоверчиво-удивлённо округлили глаза.

«А ты, часом, ничего не путаешь?» – пристально посмотрел бойцу прямо в глаза моряк в бушлате.

«Да как же ето можно! – воскликнул боец. – Да разе едакое можно перепутать? У меня память это.., крепкая! Мине ведь, главно дело, вспомнить надо было где я ево видел, а я вспомнил, вспомнил, товарищ командир! Не сумлевайтесь – он это! Он!!!»

«Брать надо контру!» – резко рубанул рукой воздух моряк.

«Куда брать-то? – спокойно осадил его командир полка. – Взят уж, если это он».

«Ну, тогда сюда немедленно и первого допросить!»

«Не кипятись! Не кипятись, браток, обожди, – продолжил успокаивать его командир полка. – Что ещё сказать имеешь, боец?» – обратился он к вошедшему.

«А ничево.., ничево боле.., – смутился тот, – всё уж и сказал, чево хотел».

«Свободен! – коротко скомандовал командир полка. – За сообщение спасибо!»

Он подождал когда за выходящим закроется дверь в избу и, обращаясь к моряку, всё тем же рассудительно спокойным тоном попенял:

«Ты не суетись, браток, не суетись. Тем более при подчинённых. Ни к чему им знать о наших

решениях до поры до времени. На то мы и командиры, чтоб сначала всё обдумать, а потом уж действовать».

«Какой-то он у тебя не настоящий, – недовольно морщась, проговорил моряк, имея в виду вышедшего из избы мужичка, – как будто и не боец вовсе».

«А.., – махнул рукой командир полка, – в хозяйстве всякие сгодятся, лишь бы службу понимал. У меня даже слепой один воюет!»

«Как – слепой?!» – не понял моряк.

«А так и слепой! – ответил командир полка. – Ну, не совсем слепой, конечно, близко-то он видит, а как дальше десяти шагов, уж всё мутнеет у него. И чем дальше – тем сильнее. А ему, представь, весной винтовку дали! И в атаку!.. И ведь хоть бы он сказал чего! Ни слова ведь ни одного пока не ранили! И воевал геройски!»

«Так уж и геройски», – недоверчиво отозвался моряк.

«Именно, что геройски! – уверенно подтвердил командир полка. – Мы тут попали летом – без меня, правда – в западню под Кемью, чуть весь полк не положили задарма под пулемётами, так этот Демидов самолично пулемёт у англичан отбил и нам прикрытие организовал! Не один, конечно, их там человек пять было всех-то, но он собственноручно пулемётчика прикладом – и на раз! Силы у него, как у медведя! Ранен, правда, был тогда, но сейчас поправился и опять в строю. Мы его к орудию заряжающим определили – золото парень!»

«Как.., как, ты говоришь, его фамилия? – вдруг заинтересовался моряк. – Демидов?»

«Ну.., да, Демидов», – недоумённо протянул командир полка.

«Коренастый такой, плотный...»

«Ну.., коренастый, – подтвердил командир, – а что? Ты его знаешь что ли?»

«Так он же зять того контрика, ежели это он! – воскликнул моряк. – Мы весной, когда его хозяйство разорили, всех робят евонных увезти с собой собрались, так этот Демидов за дочь старшую того контрика горой встал! Чуть ли не с голыми руками на моих бойцов с винтовками пойти готов был! Женой она ему оказалась, хоть и молоденькая ещё!»

«Во, во, во! – уж совсем не по-военному зачистил командир полка. – Это на него похоже! Он и на пулемёт-то, считай, с голыми руками пошёл! Что толку с его винтовки, если дальше десяти шагов он ничего не различает!?»

«Так значит это он.., – задумчиво протянул моряк. – И где же он сейчас?»

«Ранило его опять сегодня, – ответил командир полка, – вернее контузило хорошо. Возле орудия, где он остался, у самых ног его, считай, граната взорвалась и оглушило».

«Живой, значит...»

«Живой, как не живой-то, – подтвердил командир полка, – сейчас уж и в сознании...»

«А ты уверен в том, что он не контрик?»

«В нём?» – воскликнул командир полка, подаваясь навстречу собеседнику.

«Да, в нём!» – подтвердил тот.

«В нём, как в самом себе! – почти торжественно произнёс командир полка и выпрямился при этом, как если бы принимал парад.

«Ну, тебе видней, – согласился моряк. – Но я бы всё же к Демидову этому присмотрелся по-лучше из-за возникших обстоятельств. И контрика того из пленных допросил сейчас бы».

«Успеется! – как об окончательно решённом отрубил командир полка. – Сейчас нам главное – их не спугнуть. А завтра всё мы выясним, тут ждать недолго».

Ночь выдалась безлунная и тёмная. Небо ещё с вечера заволкло тяжёлыми тучами и вот-вот, казалось, из них должно было повалить. Сбившись в кучу, прижавшись друг к другу и прикрывшись соломой, пленные крепко спали. И лишь один из них, нет-нет, да и ворочался тяжело с боку на бок, не в силах уснуть. Болела голова, саднила нога, а больше всего не давали покоя мысли. Вспоминался дом, хозяйство, до срока умершая жена, с которой счастливо жили душа в душу все годы после женитьбы. Вспоминались дети, которые народились от этой складной жизни, ласковые и послушные, дочь старшая, рано решившаяся на замужество за хорошего деревенского же парня, и вдруг обрыв: выстрел.., винтовка.., штык, воткнутый в человека, а дальше всё как в

тумане. Как с большого угара, – всё мутно, зыбко, непрочно. И безопорно. Вот словно бы клочок сена вырвало порывом ветра из сенного воза, погонило по бескрайней снежной целине, и гонит..., гонит..., гонит... А может уж и пригонило? Ведь вот он – виновник всех обрушившихся на него бед, порушенного семейного мира, разорённого хозяйства, переломанной по хребту всей жизни! Вот он – ясно предстал сегодня перед глазами. И всё в том же чёрном бушлате! Ух, как бы только до него добраться! Как бы только до него добраться...

«Василий! – вдруг явственно от двери от двери горячим шёпотом. – Татя...»

«Гришка! – промелькнуло в мозгу. – Ниужоли Гришка? Живой...»

Дверь медленно неслышно отворилась, и внутри овина крадучись пробрался еле различимый во тьме человек.

«Татя!» – снова тихо прошептал он, опускаясь на колени, и всякие сомнения отлетели прочь.

«Гришка!» – приподнялся навстречу к нему Василий, и они, нащупав в темноте друг друга, крепко обнялись.

«Гришенька! – снова повторил Антипов. – Живой!...»

И безутешно беззвучно заплакал.

Гришка понял это по смокшей вдруг шее, к которой прильнула заросшая бородатая щека тестя, по глухим крупным толчкам его тела и по сильнейшим объятиям, которые, казалось, не разомкнуть. Они простояли так, на коленях обнявшись, несколько мгновений пока Василий немного успокоился, и Гришка сразу сообщил главное:

«Признали тебя, татя!.. С Завидова среди наших мужичок сыскался и признал тебя, што это ты зимусь конвойного штыком... И полномоченный тот будто бы среди наших тоже тут. Тот, што в деревню к нам с отрядом приезжал да всё хозяйство у тебя порушил».

Гришка говорил быстро, стараясь сразу высказать всю суть, чтоб оценить создавшуюся обстановку и возникшую опасность можно было немедля.

«Уходить тебе надо, татя! – тем же горячим шёпотом продолжил он после небольшой паузы. – Немедля уходить!»

«Как? – откликнулся, наконец, всё время молчавший Василий. – Куда?»

«Куда глаза глядят! – всё так же убеждённо зашептал Демидов. – Земля-то велика, и добрых людей на ней много».

«А как? – снова повторил Василий. – Ведь застрелит караульный!»

«Ольки Стукова парень в карауле счас. Это я его упросил к тебе пустить. Он свой, не выдаст, да и ты ведь свой жо. А одново тебя не сразу и спохватятча!»

«А остальные как жо?»

«А остальных, коль согласятча, завтра жо запишут в Красну Армию!»

«Нет, Гришка! – замотал головой Василий. – Некуда мне идти, парень, кровь на мне... Хоть и стрелял я мимо в эти дни, покуда воевал, но уж вчерась прицельно прямо в лоб в кожанке одному вкатал, что он своих же в спину их нагана!»

«На то война, татя! – горячо заперечил ему Гришка. – Тут либо ты, либо тебя – и ничего не сделаешь».

«Нет, Гришенька! – тихо, но твёрдо проговорил Василий. – Я уж всё решил тут для себя...»

Он как-то странно замолчал, словно не договорив, но Демидов не решился его прервать.

«Да и на вас со Стуковым беду накликают не хочу, – продолжил Василий после паузы. – Ведь расстреляют вас, коли прознают про ваш сговор, а мне это не надо. И не уйти мне – ранен я, и не хочу я, да и грех на мне...»

Как оглушённый стоял перед ним Гришка на коленях, слегка покачиваясь и не находя что сказать.

«Вот, слава Богу, хоть тебя ишо увидел да узнал, што ты – живой, – продолжил тихо Василий, – а большего уж мне не надо от судьбы. Поди, Гришенька, пока никто не видел! Поди, робя, с Богом и храни тебя Господь!»

Он нащупал в темноте Гришкины плечи и опять крепко-крепко обнял его.

«Манюшку береги, Гришенька! – добавил, отстранившись. – Пушше всех ие мне жалко, што такая-то молодинька осталась после матери да и уж взамуж. В тибя-то я надеюсь, ты-то крепкой, а она-то?.. Она-то ведь робёнок бы ишо...»

«Ну, што ты, татя, што ты! – старался успокоить тестя Гришка. – Она мне всех дороже – Машенька моя – дай Бог бы только воротитча к ней скоряя».

«Дай Бог, дай Бог», – эхом откликнулся Антипов, и снова беззвучные слезинки покатались по его щекам, смочили Гришкину шею.

«Ну, што ты, татя, – заметив это, растроганно проговорил Гришка, – даст Бог да всё и обойдётся...»

«Гришка! – донеслось снаружи. – Скоряя там! Идёт, кабыть, к нам хто-то!..»

«Пойди, Гришенька! Пойди, робя, с Богом! – заторопил Демидова Василий. – И не поминай меня лихом; пусть как даст Бог – так и будет».

«Скоряя, Гришка!» – донеслось снаружи ещё раз, и, повинувшись этому призыву, выполняя просьбу подтолкнувшего его к выходу тестя, Демидов выбрался из овина. Звякнула защёлка на дверях, и всё смолкло.

9

«Ну, что, командир, с кого начнём?» – едва поздоровавшись, спросил морячок командира полка. Он тоже встал рано и, чуть только рассветало, подался в штаб.

«С пленных, конечно, – ответил командир. – Срок, отведённый им, прошёл, пора ответ услышать».

«А я бы дак прямо с того контрика и начал! – распаляясь, перебил его моряк. – Шибко мне охота в глаза ему поглядеть, а уж потом и пулю про меж тех же глаз всадить за убиенного им часового!»

«Не торопись! – урезонил его командир полка. – Не торопись! Успеешь ещё... Сперва мы всех других послушаем, а после всех уж этого.., как ты его назвал?»

«Антипова!»

«Вот-вот, – подтвердил командир, – а после всех Антипова. А то вызовём его первым, и он, как вдруг, да всю малину нам испортит».

«Ну, поступай как знаешь, – принял его аргументы моряк. – Ты тут главный, а у меня к им веры нет!»

«Посмотрим...», – уклончиво проговорил командир.

Пленных доставляли в штаб по одному. Все они выглядели довольно подавленно и очень искренне раскаивались перед командиром полка за службу в белой армии, упрашивая его им поверить. Мало-помалу из их рассказов вырисовалась и совсем нехитрая система обороны белых на этом участке, а, вернее сказать, никакой системы, потому что всё держалось на блокаузах, и командир полка повеселел.

«Ну, вот видишь! – торжествующе обратился он к моряку. – Что я тебе вчера говорил: ночь переночевали, подумали – и наша взяла! И сведения мы теперь имеем, да и пополнение, хоть маленькое!»

«Ничего не скажу, – отозвался матрос. – Умеешь ты это дело делать, твоя правда вышла».

«А вот теперь давай и Антипова послушаем».

«Ну, за этим я, с твоего позволения, сам хочу вместе с конвойным прогуляться, чтоб самолично убедиться – он ли нет, – поднялся с места моряк. – Шибко мне невтерпёж не него поглядеть. Ведь это ж надо: из-под носа у меня зимой ушёл!»

«Иди, коли охота, – согласился командир полка. – Ещё кого возьми на всякий случай».

«Не много ль чести – какого-то контрика да целым взводом конвоировать?! – воскликнул моряк. – Я и один готов его доставить!»

«Бери, бери! – повелительно приказал командир полка. – Не хочешь усиленного конвоя – не бери, но одного – обязательно. Порядок – есть порядок».

«Ладно, будь по-твоему, – согласился моряк, – возьму двоих».

...Дошатая дверь овина снова растворилась, и повелительный окрик «Выходи!» – заставил Василия подняться и шагнуть наружу. Раненая нога саднила, и он заметно припадал на здоровую, делая первые шаги. Рядом с овином стоял часовой с винтовкой «на изготовку», совсем близко подходило ещё трое, и один из них...

«Ну, что, контра, попался?!» – подхихивавший к овину человек в чёрном бушлате довольно и злобно улыбался.

Василий попристальной вгляделся в лицо приближающемуся и весь внутренне напрягся, словно кот перед прыжком на мышь.

«Наконец-то я тебя достал! – зло процедил сквозь зубы «бушлат», подходя вплотную. – Узнаёшь меня, сука?!»

И немигающим взглядом уставился Антипову прямо в глаза.

Но, вопреки его ожиданию, пленный солдат белой армии не только не отвёл взгляд в сторону, но даже не мигнул ни разу при этом!

«У-у-у, змий! – опять зло процедил моряк в ответ на эту неожиданную стойкость. – Ну, мы сейчас с тобой поговорим! За мной!»

Он первым шагнул на тропинку, ведущую к штабу, за ним последовал конвойный, потом пленный и последним, взяв оружие «на изготовку», ещё один боец. Под ногами скрипел свежевывапавший снежок, ноздри щекотал шаловливый морозец, ни ветерка, ни шума, – ну, просто идиллия какая-то полная в природе да и только!

«Ах, только бы их не спугнуть..., только бы не спугнуть...», – заметалась в голове Василия беспокойная мысль.

У него уже созрел в голове план действий и оставалось только воплотить его в жизнь.

«У овина нельзя, – решил он, – тут они смотрят. У штаба тоже нельзя – там людно. Значит по дороге..., значит по дороге... Эх, знать бы долго ли вести-то будут...»

Он понуро шагал по узкой тропинке, подгоняемый сзади конвойным, припадая на одну ногу, всем своим видом выказывая покорность и послушание, и ни у кого из сопровождавших даже мысли не возникло о каком-то сопротивлении с его стороны. Тропинка постепенно заканчивалась, грозя вывести на довольно широкую деревенскую улицу, и Василий решил:

«Пора!»

Он намеренно замедлил шаги, ещё сильнее начав хромать при этом, и, дождавшись, когда штык заднего конвойного упрётся ему в спину вместе с подгоняемым окриком, вдруг резко развернулся на левой ноге, уводя тем самым штык в сторону. Опешивший от такого поворота конвоир не успел и глазом моргнуть, как Василий, совершив стремительный выпад вперёд, вырвал у него из рук оружие. Не ожидавший такой прыти от беспомощного, вроде бы, и раненого пленного боец потерял равновесие и, ойкнув, полетел в снег. На звук этот среагировал «бушлат» и начал поворачиваться лицом к событиям. А у него наган... Но впереди ещё один пока что не понявший ничего боец с винтовкой. Всё решали мгновения...

«Поберегись, браток!» – крикнул Василий и, не дожидаясь никаких действий впереди идущего конвоира, хватил его стволом наотмашь. Да с такой силой, что тот потерял равновесие и, нелепо взмахнув руками, тоже полетел в снег. Впереди оставался только «бушлат»... Но он уже повернулся к Василию, он уже тянул руку к кобуре с «маузером», – всё опять решали миги.

«Получай, сволочь!» – собрав всю свою злость и силу в один разящий удар, с резким выпадом вперёд всадил ему Василий штык винтовки в живот.

Матрос перегнулся чуть не надвое, свободной рукой пытаясь схватиться за оружие, но Антипов крепко держал винтовку в руках. Тогда моряк снова зашарил слабеющей уже рукой возле кобуры и, видя это, Василий вырвал из него штык, отступил на шаг и с новой силой всадил в качнувшееся вперёд тело «бушлата» своё оружие второй раз. Теперь уже прямо в грудь...

«Что ты ждёшь? – заорал сзади на своего напарника обезоруженный конвоир. – Стреляй! Стреляй!!»

Тот встрепенулся от резанувшего слух крика и, воспользовавшись тем, что Василий, не обращая на него никакого внимания, с остервенением продолжал всаживать и всаживать разящий металл в уже поверженное тело моряка, вскинул винтовку. Гулко раскатился по деревенской улице звук ружейного выстрела, и сражённый им почти в упор Василий Антипов тяжело осел и завалился на бок. Но так и не выпуская из рук винтовку.

«Та-тя-я-а-а-а!!!...» – полным горя, боли и страдания истошным голосом распороло деревенскую идиллию.

И никакого звука в ответ.

Проза

Татьяна Грибанова

Родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор поэтических книг: «Апрель», «Прощённый день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль»; книг деревенских рассказов: «Лесковка», «От Рождества до Покрова», «Не трын-трава», «Узелки на память»; лирических очерков «Колыбель моя посреди земли». Печаталась в журналах: «Берега», «Наш современник», «Родная Ладога», Роман-журнал «XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Подъём», «Простор», «Великороссь», «Наследник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Огни Кузбасса», «Лик», «Славянин», «Странник», «Эхо России», «Дон новый»; «Волга XXI век» и др; в альманахах: «Звезда полей», «Новый Енисейский литератор», «Орёл литературный»; Лауреат множества литературных премий.

Анисовые туманы

Рассказ

Светает. Обивая росу с подорожников, подхлестывая тёлочку-первогодку, отец спускается в анисовые туманы к Жёлтому. Наша очередь пасти стадо.

Выхожу на кручу. Хуторские петухи передразниваются с заречными. С низины слышится ленивое мычанье, щёлканье кнута, бабьи окрики. Окутывая заросли ивняка, молочные клубы бесшумным потоком валят по подгорью, затапливают долину.

Полусонное стадо, бороздя парное июньское утро, ныряет в кисейные омуты, уплывает в непроглядные пойменные луга.

Прозябнув, кутаюсь в мамину шальку, шмыгаю в садовую калитку, стараясь не задеть отсыревших жасминов. По пути горстями нарываю охапку клеверной отавы, несую к сараю.

Отворяю дверь, обываюсь глазами.

Посреди хлева рыжей горкой в белесых проплешинах виднеется Лыска. Вторые сутки не встаёт. Помирает. Старая совсем. Приносила ей ломоть с солью, даже не смотрит. А ведь как любила!

Ветеринар Петрович советовал прирезать. У отца руки не поднялись. Поручил за ней присматривать.

Подхожу, подкладываю поближе свежую охапку. Душа обмирает, слышу, как корова вздыхает болезной утробой. Присаживаюсь на корточки. Жалею. Глажу по худым старческим бокам, трогаю сбитый прошлой весной рог, ласкаю крупную белую звёздочку посередине курчавой морды. Приговариваю: «Кормилица ты наша!»

Лыска чуть поводит ухом, прислушивается. И вдруг – из её огромных глаз выкатываются слёзы.

Может быть, ей припомнились тающие в июньском мареве колокольчиковые поляны?

Нет сил вернуться на хуторские просторы, услышать треск невидимых кузнечиков в дремотной непролазной траве у Закамней, постоять в прохладной сине-глинистой мути, пожевать сладкие будылья тростника на болотце.

А может напоследок вздумалось Лыске хоть одним глазком, хоть на минуточку, посмотреть на хозяйку, спускающуюся к тырлу с подойником в томный июньский полдень. Мукнуть протяжно навстречу, углядев издали знакомую косынку. Обнюхать и лизнуть от радости синюю в мушках

штапельную кофточку. Пожевать духовитую, посыпанную зернистой солью, корочку, которую хозяйка припасла в фартучном кармане.

Ничего не поворотить, не возвернуть. Не рассмотреть сквозь щёлку сарая родные заливные луга, не увидеть расхворавшейся хозяйки. Не услышать ласковое, до каждого звука знакомое: «Голубушка, жаждалась, моя хорошая!». Не взбрыкнуть, пьянея от весны и свободы по подгорью, не облизать в январскую стужу в душном хлеву новорожденного телка.

Всё в прошлом.

В полумраке слышится слабый стон. Я с холодным ужасом вижу, как стекленеет взгляд и закатываются Лыскины глаза.

Кидаюсь к ней, обнимаю, долго плачу. Горько от беспомощности. До вечера не могу отойти от сарая. Тяжело и больно, словно умер кто-то очень родной.

Возвратясь с пасьбы, отец выбирает в горе большую глинистую яму, везёт на телеге корову и закапывает.

...Тёлочку переводим из клетки в хлев, на Лыскино место.

И жизнь продолжается.

Сытный месяц

Полгода, как деда Михея пристроили к Петруше. Отец пообещал: «До школы. Как учиться, сынок, пойдёшь, старого Дениске под пригляд сдашь».

Пете шесть с хвостиком, Дениска на год помладше. Дед Михей счёт летам своим не ведёт: «Чего их считать-то? Все, как есть мои». Уже года два дед живёт, не задумывается. По разуму стоит на одной ступеньке с Дениской. Видать, поэтому и интересы у них схожие. То у радиолы лишние детали обнаруживают, то из головастика, что в кадушку запустили, для селезня Гошки лягух выращивают, а то вздумают проверить, сколько стаканов сметаны в котла Пушка поместится. Мало Петруше Дениса, так ещё дед ополоумел, свалился на его голову. Глаз да глаз и за старым, и за малым. А у Пети и своих дел невпроворот И в поле смотаться надо бы, – там уборочная началась, на комбайне Петрович обещался дать порулить. И за карасями в этом году только раз пришлось вырваться. У Кольки Титова под сараем снизки сохнут, а тут из-за деда не выбрал рыбицу даже у Тимкина овражка, где месяц прикармливал. И в Савин лог бы сбегать, посмотреть, подрос ли куропачий выводок. Некогда даже к Макаровне в сад шмыгнуть. Доска в заборе с прошлого года на одном гвозде. Титок уж побывал, «пипин», говорит, поспел. Ему что, Кольке-то, у него деда на руках нет!

Облака, обложившие до свету хутор, рассасываются, солнце выплёскивается прямо над их хатой, и день разгуливается. Петруша, всучив Михею и Дениске шашки, отправляет игроков в тенёк под липки сражаться в Чапая. Приносит с веранды для Дениса панамку, для деда Михея – лёгонький картуз.

Часок-другой, пока игроки стараются обжурничать друг друга, Петя ковыряется в древнем, как дед Михей, велике. Неделю назад развалил у крыльца, а справить руки не доходят. «Соберешь тут с ними, как же!» – сердится Петя и замечает, как Денис подталкивает локтем с доски дедову шашку. Михей, поглощённый поеданием красной смородины, кисточки которой дёргает из миски, не замечает шельмовства. Напряжённо морщит и без того порожистый лоб. Картуз сдвигает на затылок. Сквозь жиденские, седые до желтизны, пуховые колечки проглядывает серый от безвременья череп. Дед скребёт на макушке и туго соображает, как это он снова умудрился продуть мальцу.

«Вся природа нашенская белогористая ды волнистая», – дед гладит Дениску, словно котёнка, по кудряшкам и высыпает остатки смородины под ноги. Тут же орёт бурластый петух, подлётывают голенастые бройлерки и мохнатыми лапами яростно разгребают обобранные кисточки, выискивая среди сора пропущенную Михеем алую ягоду.

Дед кышкает на птиц и вынимает из душегрейного кармана подавленные сливы. Потянув на себя сливовый дух, принимается угощаться. До Пети доносится причмокивание. Дед обмумливает косточки, лакомится медовой «Алёновкой».

В августе на старика, как он сам говорит, жор нападает. Крахмалистые помидоры, тающие во рту бессемянки, треснувший от перезрелости «белый налив», росный чернослив, не дают ему покоя. Днями напролёт дед пробует, жуёт, набивает карманы про запас.

Свой сад-огород он уже наизусть изучил-обнюхал, а потому с утра норовит улизнуть и подкормиться на чьём-нибудь соседском дворе. То огурцов ему за пазуху напихают, то насыпят в картуз яблоч-ранеток.

Август настолько щедр, что плоды его некуда девать. Хуторские не справляются с урожаем, и из садов от грузных ворохов тянет перепрелыми «медовками» и «пипинами». Воздух бродит винным духом прокисающих слив.

Уборочная команда под предводительством Петруши, в составе деда Михея и Дениски, нарезает за день тоненькими ломтиками несколько вёдер яблок и груш. Нанизывают на нитку и гирлянды развешивают на веранде. На железную крышу расстелили клеёнку, сушку прожаривают под палящим августовским солнцем. Тут же пристроили старое покрывало. На него высыпали накроенные тонкими лоскуточками духовитые подберёзовики и боровики.

Пете приходится поминутно забираться по лестнице на крышу, шевелить-ворошить сушку, следить за небом, чтоб не дай Бог, не намочило продукт. Донимает обнаглевшее за сытый месяц вороньё. Мало ему ворохов в садах, так нет же – поподжаристой подавай. Подскачит ворюга боком-боком, схватит жмуренный ломтик и – прочь. Уж такой, видать, норов шкодный. Прибил Петя крестовину на фронто́н. Треух дедовский нахлобучил, рубаху натянул. А птицы только насмежаются над пугалом. Облепят его и сидят-перегыркиваются.

Из сараюшки доносится чавканье и хруст сливовых косточек. Это подсвинок Бутуз лакомится. С утра Петина бригада подчистила заросли в крапиве под сливняком, насобирала две корзины перерезелок. Нахрустевшись, Бутуз успокаивается и замирает, лишь иногда доносится его мерный хрюк.

«Прожора, – замечает Петруша, – скоро закуть новую ладить придётся». И вываливает в корыто через верх ведро коричневых семенников. Сладкие мясистые перестарки-огурцы разбиваются вдребезги, пахнут свежестью и спелой бакшой. Потревоженный боров приоткрывает заплывшие глазки, но с места сдвинуться не в силах. Так и засыпает, уставившись в халявный августовский корм.

Дед, вычислив, наконец, шельмовство Дениски, ссыпает шашки. Обижается, словно ребёнок, и, поменяв бурки на войлочные боты, отправляется с ревизией вдоль хутора. «К обеду не ждите», – заявляет внукам и скрывается за калиткой. «Видно, деду опять пора подзаправиться. На тихую охоту торопится старый, – ехидничает Петруша, – своего девать некуда, так ещё со всей деревни тащит». Забросив велик, он отправляется по следу. Дед этого не терпит. Внук вынужден держаться на расстоянии и появляется в самый нужный момент, когда, изрядно напробовавшись, дед для пущего убеждения пускает слезу и вступает в рассказ о том, что грачи подёргали по весне рассаду, и семья осталась без огурцов, помидоры колорадский жук на корню порешил, а сад – на горе – прихватило на цвету заморозками. Хуторяне знают Михеевы замашки и щедро угощают деда.

Вечером он не вылезает на подгорье из лопухов. Петруше опять хлопотно. Кое-как свинтив велик, шпарит на другой конец деревни за фельдшерницей Егоровной. Та ворчит: «Как август подкатит, одно горе с вашим дедом». Назначает порошки-микстуры. Но дед их не признаёт. Ему не впервой. Ночь напролёт шуршит, будто мышь запечная, точит сушку – грушу-дичку. Кли́н клином вышибает.

А Петруша, пока дед лечится, не спит: «Хоть бы уж сентябрь поскорее... Дед отъестся... В спячку ляжет... В школу пойду...»

Рой

На веранде пахло оттопленным вишнёвым листом. Готовились варить «царское» варенье. Усевшись на маленькую скамеечку, я с утра вычищала шпилькой крыжовник.

Оставалось полведра. Вихрем ворвался племянник Илюшка. Он выл и размахивал руками. Ещё чуть-чуть и разревелся бы, но я вовремя придавила пчелу в его растрёпанной копне.

– Тётъ Тань, что творится! Улей под бузиной разроился! Папку отхватили, в сарай нырнул, теперь дотемна не вылезет.

– Поди, на кухне петрушка лежит. Пожуй да приложи.

Прямо на моих глазах у мальчишки, словно у молодого бычка, среди кудрей пробивался рог. Илюшка шмыгал носом, но крепился.

Окольными путями, сквозь заросли жасмина, на веранду вломился брат Андрей.

– Чтоб я до вечера вышел на двор! Ни за какие коврижки! Прямо озверели! Что будем делать? Сорвутся ведь!

Сызмальства не переносил он пчелиного укуса. Покрывался сливовыми плитами, подскакивала температура. Пластом лежал, еле отхаживали.

– Отца нет, ушёл к Афоне за медогонкой, – Андрей с надеждой посмотрел на меня.

Когда-то родители держали немалую пасеку. Мёд качали сорокалитровыми бидонами. Нынче лишь пара ульев погуживала под кронами сада. Понятно, почему брат тревожился: последние разроются, улетят.

– А меня, значит, не жалко, пусть съедят? – заворчала я. Вспомнила, как в детстве двоюродная сестра посадила на улей, а сама сбежала. Я ревела до тех пор, пока кто-то из взрослых не снял. Потом ночами просыпалась, кричала и отмахивалась: «Алёны! Алёны!» Так в деревне майских жуков зовут, я и приняла за них пчёл.

Ворчала, а сама торопилась в кладовку.

В полумраке дремали дымари разных калибров и возрастов. На гвоздиках под потолком порхали сетки – шляпы с вуалью.

– Как раз для дам дельце, – съязвила и сняла одну поновее, без дыр.

В углу на полке примостилась роевня. От неё шёл особый дух, который ни с чем не спутать, – дух пасеки. В мешке, сдёрнутом на шнурок, нащупала гнилушки. Отец набирал их с осени в Макеевых ракетках, зиму сушил в печурке, а с весны курил-дымарил вокруг ульев.

Старые, отслужившие век рамки, знакомый с малых лет облезлый ящик с вощиной. У стены штабельком – заготовки для нового улья. На вешалке тёмно-синий халат, пропахший дымом, прополисом, с верёвочкой в кармане вместо пояса.

Сколько себя помню, столько помню пасеку. Все почему-то считали, что я пчёл не боюсь. Как же! Не боюсь! Просто хотелось в детстве козырнуть, вот, мол, какая смелая. С годами обтерпелась, а теперь и отступать не к чему.

Начиная с июля, мёд качали несколько раз за лето. Отец вынимал кишашую пчёлами рамку, фырчал дымарём. Я принимала её и несла в беседку. Там под кустами сирени, на столе, стояла выдавшая виды медогонка. Стряхнув пару-тройку неотвязных злюк, срезала острым ножом запечатанные соты.

Смотрела на солнышко. Самый расчудесный цвет для меня был и остаётся – медовый. Домашний, родной. Не люблю, когда говорят «янтарные соты». Янтарь – камень, значит, твёрдый, холодный. А мёд – тепло, солнце.

Ставила по две рамочки в каждое крылышко медогонки, вращала ручку. Золотые капли выплёскивались на борта, медленно заполняли дно. Открывала краник. Мёд густой. Тёмно-коричневый – гречишный, бежево-песочный – с разнотравья. Рисуя какие-то старинные узоры и хитросплетения, вязкая неторопливая струйка устремлялась в эмалированное ведро.

Подставляла палец, снимала пробу. Вкуснятина! Сразу не разобрать, с каких трав-цветов взяток. Букет клевера и чабреца, душицы и донника, а то – дохнёт вдруг сурепкой.

– Таня! Что ты замешкалась? Уйдут же!

Андрей, притащив ведро с водой, связывал второпях наломанный за амбаром бурьянный веник.

Надела отцовский халат, натянула на запястья резиночки, чтоб ни одна кусака не забралась, подпоясалась потуже. Натянув ватные штаны, нахлобучила сетку, вооружилась веником, подготовилась к бою.

Брат занял место у форточки, занавешенной тюлем. Оттуда, как на ладони, видно поле битвы.

Спустилась с крыльца. Во дворе переполох, повсюду пчёлы. Полдневный зной кишел несносными созданиями. Хаос и зловещий гул.

Мимо пронёсся визжащий Дружок, нырнул с разбегу в кадушку под водосток. Летом её наполняли водой, замачивали под осенние маслята. Не раз наблюдала, как в жару щенок становился на задние лапы, передними опирался о край кадушки и лакал дождевую воду. Видать, несчастный

не мог придумать ничего лучше, как нырнуть с головой, отбиваясь от пчёл. Окунувшись несколько раз, Дружок забился в будку и, постепенно отходя, всхлипывал, словно обиженный ребёнок.

Живность попрыгала от разъярённых полчищ. Только я, будто замороженная каким-то волшебником, продвигалась по двору, стремясь попасть в самое пекло.

У картофельных гряд наткнулась на обезумевших индюков.

Каждый день с ними морока. Проныривают в известные только им щели горожи, срывают огород. И всё ради лакомства – отвратительного колорадского жука.

Не подозревая о надвигающейся пчелиной атаке, нагледя оттого, что никто не гонит прочь, забрались они в картошку. Пчёлы в диком разгуле набросились на потерявших бдительность индюшек, изжалив плесневые лысые головы.

Зарывшись в землю, подбрасывая тучи пыли, птицы отбивались от врага. Жалобно гундосил расплывшийся индюк, на распухших головах пучились бородавки.

– Инопланетян! Страшилищ увидеть не желаешь? – обернулась к брату.

– Если б вовремя не смылся, сам таким же марсианином стал. Угомони, ради Бога, эту свору. Не бойся, заходи с сирени!

Подбадриваемая его командами, решительно направилась к ульям.

В кроне налива завихрялась и кружила со страшной силой пчелиная метель.

– Во, во! Туда сбиваются! – услышала голос из форточки. – Лестницу тащи из-под сарая. Смотри, тяжёлая! Волоком, волоком!

– Может, принесёшь? – подшутила над братом.

Знаю, что не проберутся злодейки сквозь сетку и ватные штаны, а до жути неприятно. Окунула веник, яростно забрызгала по веткам, обходя яблоньку.

Пчёлы, слетевшиеся со всех углов двора, кучковались на самой верхушке.

Размахивая бурьяном, взобралась на дерево.

– Форменный ад! – донеслось сквозь свирепое жужжанье.

– Интересуешься? Можно посмотреть поближе!

– У меня и так волосы дыбом.

– И чавой-то вы тут разгалделись? – от калитки семенила тётка Ненила – старшая отцова сестра. Поставив тяжеленную плетушку под куст на лавочку, зашпешила «поздоровкаться».

– Чуюла, в Закамнях боровики должны проявиться, какой день сбираласи. Сбегала, душу отвела. Теперя насушу, Вовчику посылочку справлю. Дык и Любе тожить надо.

Тётка у нас – «ванька-встанька». Спора на руку, легка на подъём. За долгую, ухабистую жизнь ничем не хворала. Иногда лишь «вздирал коренник», мучал день – другой и занигумливал. И опять бегала тётка Ненила в свои восемьдесят от родника на Мишкин бугор с двумя полными ведёрками, не пыхалась.

С зари шмыгнет в окрестные урочища. Она будет не она, коли первая не напорет белых да подошиновиков в Савином логу.

Маленькая, тощая, в чём душа теплится. В ходаках, подвязанных у щиколоток шнурками от дедовых старых ботинок, мелькала она то на бакше с тяпкой, то на ручью с вальком, а то «причепуривалась» и отправлялась «на Слободную» к Вальке Михайловой в гости.

Разговаривала тётка на одном ей ведомом наречии. Деревня привыкла к выдумкам–причудам и почти всё понимала. Дорога у неё не извилистая, а «авилоньями», «как-нибудь» на её языке «тёх-верентёх», а вот «черт-морд» употреблялось в нескольких, порою совершенно разных значениях.

Тётка, ни чуть не страшась, подошла к яблоньке, на которой я сражалась с роем.

– Ты не мельтешь, не мельтешь. Не ровён час, распужаешь, – советовала она, отмахиваясь голыми руками от выбившихся из клуба пчёл, – щас пособлю. Накоса, – протянула пук свежего бурьяна, – одни былки от твою-то остались. Вишь, как поистрепала, не трепи зазря.

– Тётъ Нин! Ты куда без сетки-то, раздетая? Сожрут! – волновался о старушке Андрей.

– Пушай ишо угложуть! Жалы поломають! А ты не дремь тама, дымарь разводь! Ишь, рукавадетель нашелси!

Тётка «свостожила» себе веник и, встав на нижнюю ступеньку лесенки, притрухивала на гуртующихся пчёл.

Наконец, они сбились в плотный клуб на кончике ветки. Сверху облепились листьями, сразу не распознать. Висят, монотонно жужукают, затихают.

– Поди, девонька, вздохни, а я их, тѣх-вереньтѣх, попасу тута. Надо-ть им дать очахнуть.

Я оставила ведро под яблонькой. Тѣтка, словно часовой в дозоре, заходила с веником наизготове вокруг ствола.

– Пойду, роевню сготовлю, дымарь поднесу.

– Иван-то и не знать, что работницы его разбежались? Сбири, поди, чѣрт-морд!

– Илюшку за ним спроважу, – крикнула я от крыльца неугомонной старушке.

Исчезла в кладовке и не увидела, как рой сорвался с налива и начал стремительный облёт сада, взмывая и садясь там, где взбрендит, попеременно распускаясь и сбиваясь снова в клубок.

Тѣтка носилась за ним по картошнику, по огуречным грядкам, щедро присаливая прибаутками воду, которой неотступно сбрызгивала сумасшедший рой. Голыми руками, без сетки, халата и брюк мужественно сражалась с «басурманским отродьем». Наконец, вдоволь набегавшись, усадила рой на клѣн.

– Татьяна! Куды ж ты запропустилася! Принимай, чѣрт-морд, не ровѣн час сбегуть!

Я примчалась с роевней, с горем пополам огребла рой, опустила в подвал.

– Пушай охолынуть окаянные, – проворчала умаянная бабка.

Платок у бедняжки сбился, ходоки соскочили и бегали, будто щенки, следом. Шнурки, завязанные на двойной бантик, плотно удерживали их у щиколоток. Она подошла к кадушке, в которую недавно нырял Дружок, сполоснулась.

– Ну, плименница, разводи ввечеру самовар. А с Ивана причитается. Так и передай, тѣтку, мол, чуть не сглодали. Полдня авелоньями по картохам! Слава Господу, ходоки подвязала Вовчиковым вузлом, выучил в прошлом годе, заверял, вузел-то морской, не распутляется.

Поправив обувку, вскинув на плечо плетушку, тѣтка Ненила нырнула в черносливы – кратчайший лаз меж нашими дворами. Отправилась, как ни в чём не бывало, восвояси. Я кинулась дочинять крыжовник, доваривать «царское варенье».

Вечером в беседке пили чай. Старый медный самовар заварили вишнёвыми веточками. Мало-сольные огурчики обмакивали в свежем меду, похрустывали. Подшучивали над Илюшкой. Рог его исчез, но глаз заплыл. Мальчишка перевязал его чёрной лентой, надел отцовскую тельняшку и носился вокруг стола с самодельной саблей, пиратствовал.

– Нин! А ты аль поправила за день? Вчѣрась как щепка была, а нынче прямо расцвела, – подшучивал отец над сестрой.

Тѣтка сверкала щелками глаз. Руки, словно у младенца, в перевязочках. Нижняя губа отяжелела и отвисла, мешала жевать соты. Тѣтка добавляла мѣд прямо в чай, пришлёпывала распухшей губой и недоумевала:

– Ить сколь лекарства на меня срасходовали зазря, каналы!

Проза

Дмитрий Филиппов

Дмитрий Филиппов родился в 1982 году в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Работал педагогом-организатором, грузчиком, продавцом, подсобным рабочим, монтажником вентиляции. Служил в армии на территории Чеченской республики с 2006 по 2008 года. Старший сапер. В настоящий момент работаю на государственной гражданской службе начальником сектора молодежной политики Пушкинского района Санкт-Петербурга. Лауреат русско-итальянской премии «Радуга – 2015»; Лауреат премии короткого рассказа им. В.Г. Короленко (2015); Постоянный автор газет «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета»,

интернет-порталов «Свободная пресса», «Русская планета». Автор романа «Я – русский», 2015 год, сборника рассказов «На этом свете», 2017 год

Сын человеческий

Рассказ

Май случился душным. Поля и леса высыхали. Дворовые собаки, одурев от жары, забивались под плетень и весь день лежали, замерев в одной позе, тяжело дыша и высунув язык. Люди сдавленно матерились, работали, поливали чахлые огороды. Под вечер чуть отпустило.

Всю ночь Маша спала беспокойно, вздрагивала, шептала во сне бессвязное. Окна в доме были распахнуты, но раскалённый воздух не успевал остыть, и плотная, вязкая духота впитывалась в обветренную кожу. Потели спина и плечи, ночная рубашка намочка, широкий лоб блестел в свете жирной луны, как начищенный медный таз. Несколько раз она просыпалась, устало и машинально отирала пот мокрым полотенцем и засыпала снова, тяжело дыша, зачем-то прижимая руки к животу.

К утру духота спала, на короткий час в воздухе повеяло прохладой. И Маше приснился запах сына. Сладкий и кислый одновременно. Как цветной рафинад, вымоченный в козьем молоке. Она проснулась с этим запахом, закусил губу и заревела в подушку.

Детей Маша хотела страстно, жадно. Эта ноющая бабья тяга сверлила нутро и мешала дышать полной грудью. Она заглядывалась на деревенскую ребятню, и в такие моменты лицо её озаряла блаженная улыбка предвиденья, предчувствия.

Родители Маши умерли в один день. Дом их стоял на краю деревни, заваливаясь в овраг. Семья жила бедно и не могла платить пастуху, поэтому за коровой доглядывала Маша. Это её и спасло, когда рухнули подгнившие перекрытия, и дом сложился. Разобрав завалы, отца и мать долго не могли достать: так крепко вцепились они друг в друга перед смертью.

Гроб колотил старик Осип Давыдов, сосед и вдовец. Большой был гроб, один на двоих. Не желали старики разжимать пальцы. Лежали в гробу смиренные и тяжёлые, страшные и пустые, высосанные до дна. Лица их затвердели. И так тяжело, не по-родному пахло от родителей, что Маша не смогла поцеловать их, глотая комок отвращения, застыдилась своих чувств и в рёв заголосила.

Осип Давыдов взял девушку к себе. Расписался с ней законным браком, но притронуться по-мужски не смел. Да и сил в нём уже не было.

– Ты живи, дева, живи. И не бойся меня.

– Я не боюсь, Осип Макарович.

– Господь не зря нас сковырнул, значит. Что-то будет...

Встала Маша легко, с какой-то сладкой разбитостью во всём теле. Умылась. Гремя ведром, вышла на улицу. Из коровника донеслось протяжное мычание – Клякса томила от наполнившего вымя молока.

– Сейчас, сейчас, – прошептала Маша. Ещё раз втянула носом воздух, но ночной запах пропал, остался в предсонье.

Днём снова свалилась жара. Работы было много: накормить скотину, прибраться по дому, приготовить обед, полить огород, натаскать воды из колодца, постирать бельё.

Бельё Маша стирала в речке, как и все бабы. Спустившись к плёсу с полным тазом грязных рубашек, простыней и наволочек, Маша, опрокинув таз на землю, сладко потянулась и вдруг замерла от странного чувства наполненности во всём теле. Будто живительные токи побежали по венам, и не было ни жары, ни усталости – только необычайная лёгкость и гибкость в членах. Маша представила себя кошкой, греющейся на подоконнике, но готовой в любой момент ловко взорваться, и, представив, зажмурилась в предвкушении чего-то волшебного.

– Доброго дня, красавица!

Девушка вздрогнула и обернулась. На пригорке стоял крепкий, щетинистый мужик, не местный, хитро шурился на солнце и катал соломинку в углу рта.

– Доброго, – произнесла с опаской и поправила подол платья.

– Да ты не бойся, не укушу, – улыбнулся незнакомец.

– А чего мне бояться? – ответила Маша, плотнее сжимая пральник.

– Местная?

– Ну, допустим.

– Как звать?

– Как звать – свои знают, а до чужих – дела нет.

– Ишь, какая...

Мужик легко спрыгнул с пригорка и, ловко перебирая ногами, засеменял вниз, к реке. У Маши отчего-то перехватило дыхание, но не от страха – от другого, ранее не веданного чувства.

– Меня Гаврилой звать. Будем знакомы.

Маша не спешила отвечать. Откинув пральник и уперев руки в бока, внимательно рассматривала путника, его крепкую, ладную фигуру, жёсткую щетину, озорной прищур в чёрных, как ночь, глазах.

– И откуда ты взялся, Гаврила?

– Домой возвращаюсь. Нахаловку знаешь?

Маша кивнула. Нахаловка была большой деревней, километрах в тридцати от Назарьевки по дороге в райцентр. Там поселилась Машина сестра Елизавета с мужем Захаром.

– Вот там и живу. То есть жил раньше.

– Раньше?

– Десять лет не был.

– Что ж так?

– Лес валил для советской власти.

– Долго.

Мужик осклабился:

– Десять лет можно на одной ноге простоять.

Только сейчас Маша заметила выцветшие чернильные рисунки на ладонях. Гаврила перехватил её взгляд.

– Руки мои – как книга. Свои прочтут, а чужие глаза сломают.

– Загадками говоришь...

– Какие уж тут загадки.

Он сделал шаг ей навстречу, чуть ближе допустимого, но Маша не отодвинулась. Только грудь её стала вздыматься чаще, и сладкие мурашки пробежали по позвоночнику. Будь что будет, подумала. Мужик выплюнул истрёпанную соломинку, медленно протянул руку и коснулся девичьего плеча. Машу будто током ударило.

– Десять лет такой красоты не видел...

Молчала. Не могла отвести взгляда от его властных, голодных глаз.

И тогда он рванул её к себе, сжал крепко, как целый мир сжимают. И Маша оторвалась от земли и поплыла, поплыла...

Потом лежали на песке, тяжело дыша. И был стыд, и боль, и сладость в животе. В ногах валялось нестиранное бельё.

Гаврила схватил Машу за руку и зашептал жарко в самое ухо:

– Ты не думай, я не просто так. Пойдем со мной. Горя знать не будешь...

– Нельзя.

– Пойдем, пойдем...

– Замужем я. Уходи.

Маша тяжело поднялась, собрала бельё. Духота дня навалилась на неё, как наказание за грех. Гаврила натянул штаны, стряхнул с колен дорожную пыль.

– Как знаешь.

Постоял немного, выжидая, и стал подниматься по пригорку, к дороге. Обернулся напоследок и произнёс:

– Зовут-то тебя как?

Ничего не ответила, взяла из кучи мужнину рубаху и пошла к воде.

Стыд и радость замешались в девичьей душе, дни наполнились иным содержанием: страхом, тайной, предчувствием. Маша жила как во сне, не чуя под собой ни времени, ни земли, не думая о том, что будет. Щеки её горели от воспоминаний.

В июле Осип решил зарезать свинью. Маша вышла во двор и вдруг остановилась, как вкопанная, не в силах пошевелиться.

– Чего встала? – закричал муж. – Тазик тащи...

Маша подошла на ватных ногах, ничего не соображая, и подала белый эмалированный тазик.

– И ведро давай, значит.

Кровь стекала быстро.

Предсмертные спазмы скрутили тело животного, и желудок опустошился. У Маши закружилась голова. Девушку вырвало.

– Тю, – присвистнул Осип. – Иди в дом, неженка.

В этот день она слегла и провалялась неделю. Позывы рвоты накатывали волнами, и Маша не могла их сдерживать. По ночам ей снились тяжелые, муторные сны. Вот она рождает посреди поля, а вокруг вся деревня стоит, бабы, мужики, пацанва, смотрят, и никто не поможет, не подойдет. А потом приходят её покойные родители и приносят поросёнка. «Вот, – говорят, – это сынок твой» – «Как же так, мама?» – «Ну что же, бывает. Ты расти его, сиську давай. А как подрастет – зарежем» – «Что ты такое говоришь? Ведь внук твой». – «Так-то оно так, но ведь не помирать с голоду из-за этого». Маша берёт поросенка на руки, прикладывает к груди, а у того из шеи начинает хлестать кровь. Или снится ей Гаврила; идёт по дороге в Нахаловку, а она чуть сзади, окликает его, но мужик не оборачивается. И тогда Маша начинает бежать за ним, но почему-то никак не может его догнать. Выбившись из сил, она кричит ему в спину: «Меня Машей звать, Машей». Гаврила оборачивается, а вместо лица у него свиное рыло.

К концу лета живот у Маши начал расти. Первыми заметили деревенские бабы. Нюрка Грымова сначала долго косилась на её живот, что-то нашёптывая про себя, а потом в лоб спросила:

– Ты не брюхатая часом, мать?

– А тебе что за дело?

– Ох ты, бог ты, даёт Макарыч... Или это не от него? Ась? – Нюрка облокотилась на забор и плотоядно облизнула губы. – Ты скажи, наше дело бабье.

Маша вырвала из грядки плотный кругляш свеклы и со всей силы запустила в соседку. Полетела земля в разные стороны.

– Ты чего, сдурела? Или, правда, рыльце в пушку?

– Топай давай.

– Большая...

Но слух пошел. И не спрятаться было от этого слуха. Как бы хотелось Маше провалиться сквозь землю и никогда не выбираться на свет. Тоска грызла её изнутри. Но вместе с этим рождалось в ней и другое чувство: упоенность женским предназначением. Так росток пробивает камень и тянется к солнцу.

Настал день, когда она открылась мужу. Думала, будет мучительно стыдно, а произнесла вслух – и как гора с плеч. Стояла бесшабашная и спокойная. Глядела прямо. И эта прямота растрявила мужика, озлила. Осип Давыдов ударил хлётко, без замаха. Маша отлетела к печи, бухнулась на пол, как куль с мукой. Осип отвернулся и, не глядя на жену, выплюнул:

– Пошла вон, потаскуха. Чтоб духу твоего здесь не было.

Больше он ей ничего не сказал.

Маша собрала вещи и отправилась в Нахаловку, к сестре.

Тянула болью распухая от удара щека. Но всё это было неважным по сравнению с новой жизнью, зреющей у неё в животе. Маша замерла, прислушиваясь к самой себе, к ощущениям и вдруг улыбнулась: небу, цикадам, полю.

Лизавета работала в огороде. Маша вошла во двор, окликнула её. Та поднялась, тяжело и охая, вытирая потный лоб тыльной стороной ладони, так что грязные разводы от земли бороздами прочертили кожу. Лизавета с минуту смотрела на сестру и вдруг звонко расхохоталась.

– Чудны дела твои, Господи! Ты-то когда успела?

– Успела.

Только тут Маша заметила крупный, выпирающий живот сестры.

– А я-то тоже... вот-вот рожу, – продолжала сквозь смех говорить Лизавета. – Тут столько всего, Машка, столько всего... Давай проходи. Какими судьбами? Откуда? Почему одна?

Маша подошла к сестре и расплакалась.

– Эй, ты чего? Ну, будя, будя.

Лизавета с улыбкой погладила Машу по щеке и вдруг скривилась от боли, ойкнула и вцепилась сестре в плечо.

– Что такое? – испуганно спросила Маша.

– Ничего-ничего, толкается, родненький... Сейчас пройдет, давай в дом.

В сенях Лизавета прижала Машу к стене и зашептала в самое ухо:

– Захара увидишь – молчи. Он, как узнал, что я на сносях, замер, как вкопанный, а потом затрясся весь, зашипел, пена изо рта пошла. Приступ, значит, падучая у него открылась. Пока люди сбежались, пока подняли, скрутили – язык себе то ли прикусил, то ли внутрь пропихнул, а вытащить не смог... Короче, чуть не задохнулся. Язык ему вытащили наружу, а он его ну кусать, до крови... Страсть, что было. Потом побился, побился и затих. А как очнулся – речь отнялась. Ни слова теперь сказать не может, только мычит всё время.

– А ты... – начала Маша о главном, но сбилась. – От Захара ребенок?

– Конечно, от кого же ещё.

Тишина пролезла в разговор.

– Ох, – поняла Лизавета. – А Осип знает?

– Знает.

– Пойдем в дом. Всё потом, потом.

Захар вернулся вечером с работы, на приветствие Маши не ответил и вообще как будто не заметил девушки. Как и сказала сестра, он всё время молчал, лишь изредка прорывалось сдавленное мычание, как у юродивого. И глаза в этот момент делались жалостными, коровьими.

Через неделю Лизавета родила. С утра начались схватки, и Захар позвал бабку-повитуху.

Лизавета громко кричала в дальней комнате: то тонко стонала, как русалка, то рычала по-звериному, звала маму, выла. Маша сидела за столом в большой комнате и комкала скатерть дрожжащими руками. Ей было страшно. Неужели совсем скоро и она, такая живая, такая цельная, будет вот так корчиться и всем нутром рваться к небу?.. И длилось это часами. Бабка иногда выходила, набирала ковш парящего кипятка из ведра и снова уходила к Лизавете, плотно прикрыв за собой дверь. А Маше казалось, что пока дверь открыта, вот эти короткие секунды – всё будет хорошо, ничего страшного не случится. Она заглядывала в проём двери и вымученно улыбалась сестре, но та не видела её, никого не видела. Но как только бабка возвращалась и цыкала на неё и закрывала дверь – снова падал из горла в живот этот сосущий ужас.

Захар пил. Он снял с комода тяжёлый гипсовый бюст Ленина, поставил на стол и осторожно чокался с вождём. Медленно наливал водку в стакан, до краёв наливал, и так же медленно, вытянув губы вперёд, втягивал алкоголь в себя. Гулко ходил вверх-вниз пшеничный небритый кадык. Потом он

ставил стакан на стол, занюхивал куском чёрного хлеба и выдыхал сквозь зубы сивушное послевкусие. Гладил Ленина по лысине мозолистой ладонью. Волос на мужицкой голове был мягким, редким, не волос даже, а так, лебяжий пушок. Путался и топорщился. После выпитого Захар приглаживал его нетвёрдой рукой. Потом долго сидел молча, глядя прямо перед собой, буравя взглядом гипсовые очи вождя всех народов. Словно пытался вырвать у него самый важный ответ. Но гипс молчал. От этого молчания Захар темнел лицом и плотно сжимал зубы. И дрожала жилка на левой щеке.

Несколько раз приходили Захаровы старики – мать и отец. Топтались у порога, слушали крики невестки в соседней комнате и, помявшись, не сказав ни слова, уходили.

Что-то было не так. Чувство страшного и непоправимого песком набилось в рот. А потом наступила ночь.

Лизавета уже не кричала – ритмично хрипела сквозь зубы. Посеревший и страшный сидел Захар. Руки его дрожали. Лунный свет подсвечивал гипсовую лысину Ленина.

Вышла бабка.

– Худо всё. Младенчик поперёк идет, пуповину на себя намотал. Молитесь.

Снова набрала кипятку и ушла.

А Маша прислушалась к себе и вдруг поняла, что страх ушёл. Она знала, что делать.

Открыла дверь и вошла. Лизавета лежала на кровати, овальным яйцом горбился живот. Недобро зыркнула бабка.

– Уйди.

– Отдохни, бабушка.

– Что?

– Отдохни, я сказала.

Голос был спокойным и твердым, и бабка, не перечая, встала и проскользнула к двери.

– Сами нонче в ответе, – прошамкала напоследок.

Маша присела на край кровати, погладила сестру по вспотевшему, вымученному лицу. Та слабо повернула голову. Узнала, но улыбнуться не было сил. Лицо уже наполовину ушло в землю, откуда нет возврата.

– Всё будет хорошо, милая. Теперь всё будет хорошо.

Приложила губы к вздувшемуся, с синими прожилками вен животу. Ощутила тяжёлый солоноватый вкус. И начала зацеловывать сестрин живот, нежно и аккуратно, чуть касаясь, щечоча губами.

– Помнишь, ты с Генкой на речке миловалась, а я подглядывала за вами, а потом мамке всё рассказала, а та тебя мокрой тряпкой по двору гоняла, а я сидела на завалинке и хохотала, дурёха, а ты потом на меня долго обиду таила, не разговаривала, а я потом Генке записки от тебя носила, а он приходил под окна и на гармони наигрывал, а потом война началась, и Генка на фронт ушёл, а ты ждала, а он вернулся без ноги и с какой-то девкой, стали жить, а ты плакала по ночам, сохла по нему, а я залезала к тебе под одеяло, и мы лежали так, обнявшись, всю ночь, до рассвета... – не говорила – заговаривала Маша, зашёптывала, заколдовывала страшный, натянувшийся живот. И этот шёпот пробуждал древние, спящие в природе силы, выманивал их из бани, из чердака, из леса, из полей. И силы, вынырнув из вековой дремоты, слетались к дому и кружили, кружили вокруг...

Начал толкаться ребёнок в животе. Лизавета вновь закричала, но уже другим, обновлённым голосом, выцарапывая саму себя из ямы, а Маша, сама проваливаясь в какую-то дрему, вдруг сжала сестрин живот двумя руками, направляя плод, подталкивая. Давила – и сама не ведала, откуда проснулось в ней это знание. Показалась головка ребенка. Лизавета вцепилась кривыми пальцами в простынь и вдруг посмотрела в глаза сестре долгим, ошарашенным взглядом. И были в нём и удивление, и надежда, и благодарность. И любовь.

– Тужься, родненькая, тужься, последний разок...

Заскочила бабка в комнату, всплеснула руками.

И тогда Лизавета заорала из последних сил, как орут идущие грудью на пулемёты, и младенец вышел из неё на свет, таща за собой склизкую пуповину. Бабка ловко приняла его, щёлкнули ножницы, а Лиза, освобожденная, заревела от счастья, от того, что осталась живой.

Не выдержав, забежал Захар. Пьяным, мучительным взглядом смотрел на жену. Колдовала бабка с ребёнком, шлёпала его, вертела, но мальчик молчал. И все видели, что это мальчик, Лиза видела, закусив губу. И ждали, ждали...

Вдруг Захар замычал:

– В-в-в-вы-ы-ы-ы... А-а-в-в-в-в-а-а-а... В-в-в-а-а-а-н-н-я-я-я-а-а... Ва-а-ня... В-а-а-а-а-н-я-а-а-а!
И сын заплакал нестерпимым, режущим первым плачем.

Маша легла на сестру поперёк её живота, вытянула руки и устало закрыла глаза. Хотелось спать.

Гостила она у Лизаветы три месяца, до середины ноября. Уже осенняя хлябь застывала по ночам, земля превращалась в холодный пластилин. Выпал первый снег. Машин живот округлился, налился соком, сама она раздобрела.

Как-то раз в начале осени увидела Маша Гаврилу. Пошла с Лизаветой на базар и на краю его, за овощными рядами, услышала знакомый голос.

– Рыба! Накося выкуси!

Он сидел с мужиками за длинным столом и играл в домино. Вокруг толпилась ребятня. На краю стола стояли бутылки, стаканы и нехитрая закуска на засаленной газете: хлеб, картошка, лепестки лука. Гаврила был всё тот же: кепка, щетина с проседью, спичка в углу рта. Только глаза больные и поплывшие, как у загнанного зверя. Он обернулся, скользнул по Маше глазами, но не узнал её.

– Ты чего? – спросила Лизавета. – Лешего увидела?

– Почти.

– Пойдем, Ванька скоро проснется.

Они уходили прочь, и вдруг звонко, с разухабистой удалью пропел Гаврила им вслед:

– Горе-баба: дала коню – и конь сдох...

Маша не обернулась.

В конце ноября ранним морозным утром около дома остановилась старенькая полуторка. Из машины выпрыгнул Осип Давыдов и, закулив папиросу, спокойным, уверенным шагом направился к дому.

– Собирайся, – сказал он Маше. – Погостила – и будет. Домой пора.

Так Маша вернулась домой.

Муж её поменялся за три месяца. Стал спокойнее, яснее. Так после причастия люди изнутри светятся. Ни разу он не попрекнул жену. Только по возвращении случился у них разговор.

– Ты ушла, а меня тоска за грудки схватила. Недели две маялся, потом в лес по грибы пошёл. Царь-гриб нашёл, огромный, шляпа – в мой обхват. А рядом с ним на полянке с десяток малышей. Жмутся, значит, к родителю. Я белый-то сорвал, а малышей не стал трогать. Думаю, пусть подрастут, через пару дней загляну. А потом прихожу – нет грибов. И следов никаких. Думал, померещилось, так ведь царь-гриб есть, в банки закатал. Что это было? До сих пор не пойму.

Маша слушала, потупив взор, не перебивала. А Осип продолжал:

– Но вот тогда и стало мне ясно, что не виноватая ты. Никто не виноват. Я старик, а молодость... Её в тисках не удержишь. Травинка – и та камень бьёт. А тут, значит, человек живой. Со своим представлением.

Осип замолчал, проглатывая главные слова, но они уже рвались из груди – не удержать.

– Что ударил тебя – не жалею. Заслужила. Но боле бить не буду. Ребенку имя своё дам, моим будет. Но и ты не гуляй. Как помру – живи своим умом, а пока, значит, моим умом жить будем.

– Люди шептать начнут... – еле слышно проговорила Маша.

– Пущай болтают. Собака лает – ветер носит.

– Прости меня, Осип Макарович.

– Пустое. Так и решим, значит.

Деревня безмолвствовала. Маше казалось, что все смотрят на неё, смеются и шепчутся за глаза. Но люди посудачили и забыли.

В феврале объявили всесоюзную перепись. Надо было ехать в Житницк – райцентр в пятидесяти километрах.

Добирались на рейсовом автобусе. Новый ЗИС ходил по маршруту один раз в день. В Назарьевку он приезжал к восьми часам вечера.

В тот день ударили морозы, и с обеда началась метель. Осип с Машей вышли на дорогу и стали ждать. Автобус опаздывал на час. От ветра было не спрятаться. Он бил со всех сторон, заметая ледяную крошку под шапку, под воротник.

- Уйдем, – просила Маша.
- Надо ехать.

И они ждали. Маша перестала чувствовать пальцы ног. Осип подпрыгивал, стараясь согреться. Наконец, из-за поворота моргнули два жёлтых зрачка, и красно-жёлтый автобус, похожий на булку хлеба, натужно тарахтя двигателем, остановился. Маша с трудом ступила на высокую подножку, придерживая огромный, выпирающий живот.

В салоне было не намного теплее, чем снаружи, пахло бензином и выхлопными газами. Автобус был почти пустой – два мужика клевали носом на задних сиденьях. Сильно трясло на ухабах.

В Житнице их ждали друзья Осипа. Всё должны были сделать одним днём и сразу уехать домой.

Маша прислонилась лбом к замёрзшему стеклу. За окном ревели мгла. Почему-то подумала о Гавриле: где он сейчас?

Через час что-то застучало под днищем, и автобус, кряхтя и постанывая, замедлил ход, а через минуту и вовсе остановился. Зло матерясь, из кабины вышел водитель и нырнул в ночную мглу, мигая фонариком. Мужики на задних сиденьях озабоченно оборачивались, глядя в овальные окна, пытаясь угадать, с чем колдует водитель. Из раскрытой двери потянуло холодом.

Наконец, водитель вернулся в салон. Сел в кресло и не спеша закурил вонючую папиросу.

- Всё, приехали.
- Что случилось-то? – спросил один из мужиков.
- Генератор накрылся.
- И что? Ты по-русски скажи, мы поедем?
- Всё, говорю, приехали.

После этих слов что-то треснуло у Маши в животе, как будто бельевая веревка лопнула, и полились тёплые воды.

- Ой, мамочки...

Лицо стало кривым и испуганным.

- Мама, мамочка...

- Эй-эй, ты чего? – испугался Осип, стал трясти её за плечи. – Ты погоди, погоди...

Мужики молчали, оценивая ситуацию. Водитель продолжал курить, глубоко затягиваясь, не отрывая взгляда от испуганного девичьего лица.

- Я мокрая, – удивленно произнесла Маша.

Водитель щелчком выбросил окурочок в ночь и сплюнул под ноги.

- Идти надо. Километров семь осталось.

Мужики не двигались. Глядели на Машу.

- А дойдем? – спросил Осип.
- Куда мы, на хрен, денемся.

Он грубо улыбнулся: не губами, а всем скуластым трудовым лицом, и добавил, обращаясь к Маше:

- А ты терпи, краля. Как хочешь, терпи. Хоть обратно запихивай.

Пятеро вышли в ночь, четверо мужчин и одна женщина. Водитель шёл впереди, освещая тусклым фонариком заметённую дорогу. Сухо шуршал снег под ногами. Свистела метель. Пятеро шли сквозь мглу, и только свет фонаря был для них путеводной звездой, хрупкой ниточкой между жизнью и смертью.

Шли медленно, Маша опиралась одной рукой на плечо мужа, другой поддерживала дрожащий живот. Страха не было. Надо было идти, и она шла.

Страх пришёл позже, когда что-то стремительно сжалось и разжалось внизу живота. Она охнула, остановилась.

- Что?
- Не знаю...

И снова сжалось и разжалось, и ещё раз, и ещё... Маша заплакала.

- Не могу больше...

Подожёл водитель, мигая фонариком, осветил ей в лицо.

- Не надо...

И тогда он ожёг фонариком себя и заговорил, перекрикивая вьюгу:

– Слушай меня, баба. Я – Саня Мелихов. Я три раза в атаку ходил, два раза был ранен. Под лопаткой осколок сидит. У меня две звезды на груди. Я тебя вытащу.

Лицо у него было худое, вытянутое. Чёрный треух надвинут на затылок. Глубоко впавшие синие глаза глядели твёрдо и горячо. Тонкие губы плотно сжаты. Шрамик на левой щеке. Борозды морщин. Маша поверила этому человеку. Сказала только:

– Я идти не могу. Схватывает...

– Решим... Эй, братва, – окликнул он мужиков, – давай-ка, взяли за руки, за ноги.

Никто не посмел перечить.

Так и шли. Маша обнимала плечи мужа и Сани Мелихова; двое других обхватили её за колени, упирая свободную руку в мягкий женский зад. Несли сквозь вьюгу и темноту. И лишь тускнеющий свет фонаря освещал дорогу.

Воды выходили по чуть-чуть. Во время ходьбы Маша не чувствовала холода, но когда её понесли, железная стылость схватила и больше не отпускала; она чувствовала, как замерзает...

Ещё она чувствовала, как устают руки мужчин, наполняются ватой и дрожат, как всё чаще подбрасывают её ноги, чтобы перехватиться поудобнее. Схватки пошли чаще и сильнее.

Мужчины шли молча, не тратя сил на пустой трёп. А Маша глубоко дышала ртом, постанывала. И вдруг она поняла, что умрёт этой ночью. Не будет города, не будет ребёнка. Она просто замёрзнет в этой мгле. И как только она это поняла, как только почувствовала кожей и кровью неотвратимое, ребёнок дернулся и пошёл.

– Мамочки... мамочки...

Все поняли.

– Ходу, мужики, – выплюнул водитель. – Ходу, немного осталось...

И они побежали маленькими шажками, матерясь сквозь зубы.

Фонарь тускнел на глазах. Мелкий снег бился в рот, уши, глаза. И когда казалось, что всё бесполезно, что нужно бросить эту бабу посреди дороги и спастись самим, – мелькнул огонёк. А когда совсем выбежали за поворот – огонёк засветил ярко и надёжно, как звезда.

Темп не сбавили, слов не говорили. Берегли дыхание. Но у каждого потеплело на сердце.

В нос ударил запах мёрзлого сена и навоза. Светилось окно в сторожке.

Саня Мелихов забарабанил кулаками в дверь.

– Открывай! Открывай, сукин сын!

– Кто такие? – раздался за дверью старческий голос.

– Люди. Баба у нас рождает...

– Так вам в город надо.

– Она на крыльце сейчас родит, открой! – и вдогонку взмолился: – Ну, открой же, отец! Ну...

Маша застонала. А потом звякнула щеколда после долгой – в вечность – паузы. На пороге стоял заспанный дед.

Этот миг застыл в морозном вьюжном воздухе. Дед в сторожке. Со спины бьёт свет электрической лампочки. Маша закусывает губу. Вопревшие мужики глядят с ненавистью.

– Сюда несите, – дед показывает на обтянутый мешковиной матрац на полу. – Кровати нет. Не положена.

Машу аккуратно кладут и отходят на полшага назад. Руки вдруг становятся лёгкими и воздушными.

– Кипяток нужен, – говорит водитель.

– Сделаем.

Сторож ставит на раскаленную буржуйку ведро воды.

Пахнет скотиной от всех углов.

Маша не может говорить, смотрит затравленно по сторонам. Пытается поймать взгляд мужа, но Осип отводит глаза. Не верит, что всё закончится благополучно. И тогда Саня Мелихов опускается перед ней на колени, задирает юбку и стаскивает намокшие, отяжелевшие рейтузы..

– Ну-ка, отвернулись все, – рычит.

Все послушно отворачиваются, только Осип стоит и смотрит, как замороженный, не в силах пошевелиться.

Кипяток греется долго. В это время Маша кричит, тужится. Ребёнок постепенно выходит на свет. Сторож достаёт из тумбочки ополовиненную бутылку самогона, протягивает Мелихову. Тот щедро ополаскивает руки. Разливается сладкий сивушный запах.

Ребёнок выходит медленно. Показывается головка.

Маша кричит, её крик рвёт тесное пространство сторожки, устремляется в ночь, в непроглядную тьму. Мужики стоят и смотрят. Дёргается веко у Осипа. Мелихов бережно принимает головку ребёнка просамогоненными руками.

Время и не застыло, и не замерло – завязло в крике, в свете запылённой лампочки, в молчании мужчин. Прошмыгнула мышь под столом.

Маша рвётся от крика, грудь её раскаляется булькающим воздухом. Больно. Невыносимо больно.словно весь белый свет болит у неё в животе.

И вдруг всем становится понятно, что всё будет хорошо. С Машей, с ребёнком, с миром. Мелихов произносит:

– Ножницы. Или нож. Накалите.

Дед роется в тумбочке и достаёт огромные ножницы. Кладёт на буржуйку.

Младенец лежит у Мелихова на ладони, шевелятся пальчики.

Маша облепчённо дышит.

– Режь, – говорит Мелихов Осипу.

Тот в полусне берёт ножницы, но обжигается, отдёргивает руку. И тогда сторож протягивает засаленное полотенце. Осип зажимает полотенцем кольца ножниц и перерезает пуповину.

Маша вновь кричит, а потом начинает смеяться. Её не остановить, она хохочет, заливается. Мелихов держит младенца и тоже начинает похохатывать. И уже все хохочут, трясутся от смеха.

Младенец не кричит. Только открывает рот, ищет маму. И Маша протягивает к нему руки. Мелихов передает ребёнка матери, и все видят, что это мальчик.

– Можно и покурить, – говорит Мелихов.

Мужчины выходят на улицу.

Тишина.

Стихла метель.

Закуривают.

– Спасибо, – говорит Осип Давыдов.

– Спасибо не булькает, – отвечает Саня Мелихов и улыбается.

– За мной не заржавеет.

– Чудо сегодня случилось. А раз чудо – держи!

Он снимает с запястья часы и протягивает Осипу.

– Пацану отдашь, когда вырастет. Немецкие. Трофейные. Я – Саня Мелихов.

Один из попутчиков лезет за пазуху, достаёт бутылочку, протягивает:

– «Тройной», одеколон. Раз такое дело... Андрюха меня зовут.

Последний снимает цепочку с шеи и без слов протягивает Осипу.

– Я же... Я... Этот ребёнок...

Осип давится словами. Сглатывает. В руках подарок.

– Иди к жене, к сыну, – улыбается Мелихов.

– Да пойду, пойду.

– Иди.

Осип заходит в сторожку, аккуратно прикрывает за собой дверь.

Три волхва курят морозной ночью.

Смерти больше нет.

Проза

Валентина Беляева

Валентина Ивановна Беляева – автор книг публицистики, пяти поэтических сборников, а также книг для детей «Лики радужных дождей». Печаталась в Антологии сетевой поэзии, в газете «День литературы», в литературно-художественных журналах «Новый енисейский литератор», «Дальний восток», «Невский альманах», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Подъём», «Родная Ладога», «Берега», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», альманахе «Академия поэзии». Лауреат газеты «Российский писатель» 2015 г. и литературного конкурса «Кольцовский край» 2016 г. Член СПР. Живёт в Воронеже

Чаевые

Рассказ

1

По заснеженной улице большого города прогуливалась хрупкая женщина неопределённых лет. Мужчина, с которым она познакомилась сегодня в местном университете на конференции по теме русской словесности, запаздывал, но женщину это особо не огорчало: она с удовольствием разглядывала незнакомый город. По окончании докладов женщина как-то очень уж легко согласилась на предложение коллеги по совещанию вместе пообедать, а потом он к тому же ещё и пообещал ей показать его родной город, а затем и проводить до гостиницы. Место встречи – кафе с несколько банальным, хотя и романтичным названием «Колокольчик» находилось в нескольких шагах.

Неподалёку в мусорном баке сосредоточенно копался какой-то «бомж» неопределённого возраста, одетый как бы даже с некоторой претензией на стильность: в некогда модной потёртой американской куртке «Аляска», явно большой ему по размеру, в финской рыбацкой шапке с козырьком и потрёпанных замшевых ботинках почему-то разного цвета.

«Вот они – лики времени», – грустно подумалось женщине.

Картина была более чем безотрадной. Тяжёлый целлофановый пакет в руках уличного жителя казался ему подарком неожиданным и щедрым, впрочем, как, наверное, и каждый день. Нередко обращаясь к находке как к живому существу, «бомж» предавался картинам фантазий, наделял их одушевлёнными образами, облекал в поэтические сюжеты и таким безбидным способом убивал изнуряющий тело и душу избыток свободного времени.

Присев на бордюр тротуара, бездомный выложил содержимое пакета, затем сложил всё обратно, бросил в ящик и начал мыть руки снегом.

Женщине стало не по себе: окружающее пространство стремительно меркло.

«Я не могу этого видеть. Он голоден. Мне безумно жаль его. Куплю для него торт. И именно «Наполеон». Мне никто этого не запретит».

К счастью, в торговом павильончике рядом продавались свежайшие торты, в том числе и «Наполеон». Женщине показалось странным, что её покупка в руке чем-то волновала её и словно приближала к какой-то истине, печальной и неоднозначной.

– Здравствуйте.

Женщина впервые в жизни заговорила с человеком, домом которого была земная твердь под распахнутым небом. Бедолага, не в силах скрыть смущения, с достоинством поднялся.

– Здравствуйте.

– Я хочу угостить Вас. Это торт, «Наполеон».

– Честно сказать, я не знаю, что Вам ответить... Пожалуй, такое со мной впервые и, поверьте, мне очень неловко, и как быть в такой ситуации...

К немалому удивлению женщины у «бомжа» оказалась поставленная грамотная речь. Это было настолько ошеломляюще, что она даже расстроилась: ничего подобного не ожидала.

Протянув уличному скитальцу пакет с тортом, женщина увидела вспыхнувшие неподдельной радостью его ясные глаза.

– Откуда Вы знаете?!

– Что – откуда знаю?

– Ну, что у меня День рождения! Мне сегодня пятьдесят четыре года. И теперь я, обыкновенный русский «бомж», отмечу его как все нормальные люди – с любимым лакомством. Искренне благодарен Вам, сударыня, я тронут. Сегодня мне что-то совсем не везёт, никакой пищи ни уму, ни плоти. И вот тут так внезапно и волнующе такая роскошь.

– Мне странно слышать Вашу речь.

– О Господи, что же мне с ней делать, горемычной, но другой не обучен, вот и вынужден позориться.

Лёгкая улыбка на лице бездомного была располагающей, глаза – настолько осмысленными, что женщине тут же захотелось узнать: что могло заставить этого определённо хорошо образованного человека, несомненно, личность, опуститься до такой жизни.

– Я знаю, что Вы хотите спросить. «Почему я здесь». Это сложный вопрос, почти диалектический, но и стереотипный до отвращения. Девяностые годы – этим всё сказано. Квартиру вынудили продать за бесценок, дом снесли, на его месте теперь нелепая стеклянная громадина.

– Вы что-нибудь знаете о теперешних событиях в стране?

– Представьте, подозреваю, что побольше Вас, хотя бы потому, что располагаю временем неограниченным до безобразия. Если хотите, могу изложить свои соображения по поводу возрождения идей национализма на Украине.

«Вот это сюжет. Кому расскажи...»

Недоумение на лице женщины было столь ошеломляющим, что «бомж» поспешил впечатление сгладить.

– А Вы думаете – в мусорке одни объедки? Там столько прессы. А если посетить свалку за городом! О-о-о, это же кладезь! Недавно нашёл самого Державина!

– А Вы пытались построить жизнь по-иному?

– Докторскую защитить просто не успел. Да это и не имело значения. НИИ ядерной физики распустили в четыре недели. Работу ни каменщика, ни охранника не осилил: оказалось, ну, совсем не моё. Конечно, можно спросить: «А эта помойка – твоё?» Отвечу: после всего, что случилось со страной – моё. В моём портрете – теперешний и, увы, состоявшийся во всём его многообразии – облик огромной страны. Ей нечего меня стыдиться, я – это она и есть. Так что Фемида тут стыдливо умолчит.

Завершив таким оригинальным поворотом свой коротенький монолог, человек улыбнулся и стал разворачивать пакет с тортом.

Ошеломлённая женщина стояла молча, не зная, что ещё можно было сказать. В её глазах явно и зримо стоял символ эпохи...

Это была жизнь...

2

Мужчина – плотного телосложения верзила с покрасневшим лицом – без шапки, в куртке-пуховике, выдавших виды джинсах стоял рядом и презрительным взглядом попеременно смотрел на странных собеседников.

«О-о-о! Какой пикантный факт! Поэтесса прониклась сочувствием к соотечественнику, для которого адаптироваться в социуме оказалось не под силу».

– Интересно, где он взял такую роскошь, не в мусорке же. Надеюсь, это не твой подарок?

Женщине стало неловко: «бомж» всё слышал.

«Что за бестактность, неужели не понимает. И, похоже, «заложил за воротник». Поздравляю! Я – и рядом нетрезвый мужлан. Почему мужлан? Потому что...»

– Ну, что, обедаем?

Мужчина и женщина зашли в кафе. Уже за столиком женщине вдруг вспомнилось, что мужчина, как только поздоровался, сразу же объявил, что не женат, другими словами – разведён и потому интерес к слабому полу возобновил с новой силой. Затем не стеснясь взял её правую руку, словно хотел ей самой напомнить, что обручального кольца на пальце нет, поднёс к губам, поцеловал и улыбаясь произнёс: «Ну, вот, что и требовалось. Я рад».

– А здесь ничего. Тепло, уютно. Можем обсудить моё предложение. Я вполне успел его обдумать.

«Да-а. На «ты» договорились ещё утром, но теперь это мне слышится неестественно и странно. А признака хорошего тона – извиниться за опоздание, открыть дверь перед женщиной, пропустить вперёд, помочь снять верхнюю одежду и повесить на вешалку – усвоить за жизнь так и не удосужился. Почему он так смотрит? Но самое возмутительное, что это взгляд победителя, этакого властелина-воителя с жезлом в руке».

Какое-то неосознанное тупое безразличие вперемешку с неприятным чувством сожаления о потерянном времени вползло в душу женщин

3

Мужчина оглядел молодую дородную официантку бесстрастно-оценивающим взглядом, интереса не выказал и погрузился в предчувствие приближающегося удовольствия.

– О-о, хочу мяса, жирного и много, а ещё картошку, тоже много. И водку. Девушка, пятьсот водки.

Не прошло и минуты, как в изящном графинчике на столике покачивалась вожденная влага в паре со стеклянным бокалом.

– Во! То, что нужно. Так, мясо с картошкой, и побольше-побольше, какой-нибудь салатик с колбаской, огурчиком солёным и прочим, в общем, не Вам объяснять. И укропчиком свеженьким посыпьте. И уж не экономьте, пожалуйста, майонез. В общем, типа «оливье», не Вам объяснять.

Снисходительно улыбаясь, мужчина смотрит на официантку, но та, тоже улыбаясь и ничему не удивляясь, всё понимает.

Женщине всё больше становится неуютно. Она рассеянно делает заказ первого попавшегося на глаза блюда в меню. Вспомнив, что надо бы согреться, добавляет:

– Да, и ещё чай, пожалуйста, сейчас, зелёный, если есть.

– Есть, не беспокойтесь.

«Разочарована? А что, ждала чего-то иного? Нет, не ждала. Так в чём дело? Неосмотрительно согласилась на это приглашение? Ну и терпи теперь. Впредь наука. Фу, какая пошлость. И это – я?!»

Женщина вдруг облегчённо вспомнила, что ничто не вечно, пройдёт и это, просто надо набраться терпения.

«Когда же он успел? Половины водки нет...»

«Странное безразличие. Не ожидал. Скорее всего – защитная реакция. В ней определённо есть что-то, чему и названия-то нет, такой сексуально-штучный шарм. Может, наконец, и пристанище замаячило. Почему нет? Что шляться, уж сколько лет... А может, прямым текстом и без затей? Чего корячиться. Девочка, что ли».

4

– А ты знаешь, мои возможности те же, что и тридцать лет назад.

Минуту помолчав, добавляет:

– Близится вечер.

Мужчина внимательно смотрит на женщину и силится понять – доходит ли до неё смысл его речей. Но водка своё дело делает, и язык начинает свободную жизнь. В воздухе висит совершенно невероятное изречение. Женщина цепенеет от его шокирующе низменной откровенности и отказывается воспринимать представшую реальность.

«Этого не может быть... Потому что никогда... Какая гениальная фраза... Да и вообще Чехов... Но при чём тут... Вот он, перед тобой – Чехов! Посмотри на него, этого урода! Но я не могу не ощущать своего унижения... Это – мне??? По какому праву... Неотёсанный мужлан, недоумок, от-

брос... Какое простейшее бревно... До какой степени извращённое самосознание... Но... Как могло случиться, что всё это со мной... Как легко оказывается себя казнить! Могла ли знать! Может, всё-таки слышалось? Нет. Зачем себе лгать. Не слышалось».

Мужчина пытается разгадать, что же спутница думает о том, что он только что сказал. Но та словно окаменела.

Через какое-то время без всяких изысков и предисловий воздух рассекает новая фраза, невысказанная как первобытным бесстыдством, так и отвратительно распахнутой простотой.

«Этого не может быть!! Какой разложившийся тип... выродок... какая мерзкая образина... до какой степени нравственная ущербность... до какой стадии инфантильная психика... откуда могло взяться это безмозглое чудовище... А может, и психбольной. И я сижу рядом... Неужели это возможно...»

Чувства отчаяния и брезгливости, отвращения и ужаса вползли в душу женщины, теснили разум и становились полноправными властителями всего её существа. Всё окружающее казалось ей эфемерной и пошлой панорамой: женщина начинала ощущать себя мнимым жалким ничтожеством, безнадежно заблудшим где-то среди неправдоподобных жизненных перипетий...

5

«Но ведь ей и не нужно ничего говорить. Это должен делать я», – молниеносно увязло где-то в мозговых извилинах захмелевшего мужчины. Откинувшись на спинку диванчика, прищурив глазки, практически полужёжа, он услаждался ещё и предчувствием приближающегося события, которое просто обязано было стать ступенью к его новой жизни – лёгкой, беззаботной и красивой.

– Ну, значит, и решили, я рад.

Женщина вздрогнула. Она вспоминает, что должна быть сильной, хотя прекрасно знает, насколько слаба и ранима. В этом одновременно и вина, и заслуга человека, с которым прожила немалую жизнь и который не так давно оставил этот мир.

«Никогда. Никогда больше это человекообразное не окажется на моих глазах... Не может быть, что всё это – со мной...»

Мужчина по-прежнему недвижно полулежал, словно ничего и не произошло:

«Да-а. Какие порой неожиданные повороты преподносит жизнь... И вот, это явление из Воронежа. В ней есть что-то дикое, непокорённое. Потому и влечёт похлеще какой изошрённой стервы».

Оживившись, мужчина взмахивает рукой, подзывая официантку.

– Пива мне, пожалуйста, и побольше.

«Да-а. Но и со дня сотворения бела света женщина зависит от мужчины. Да и какой интерес её преследовать, если она с растопыренными пальчиками ласково заглядывает тебе в глаза. Что ещё так зажигает, как азарт охотника!»

– Почему ты всё время молчишь? Я слышал тебя, говорить ты умеешь. Я думаю, мы встретились неслучайно. Мне одному уже надоело. В двухкомнатной хрущёвке осталась бывшая жена. Хорошо, комнатку в университетском общежитии друг помог выбить. Я хочу жениться на тебе. Более того, не против штампа в паспорте. Готов переехать к тебе. Почему нет? Меня ничто не удерживает. Я впервые встречаю такую, как ты. Ну, скажи же что-нибудь, наконец.

«Что за бред... Какая обезоруживающая наивность... Смешно? Да куда уж больше... Этот урод делает мне предложение руки и сердца??? Какая достойная партия! Какая потрясающая перспектива!»

Но... неужели во мне есть что-то такое, от чего всё это возможно?... За кого же он принимает меня...»

Тем временем заказанный обед – на столе. В глазах мужчины – это не только еда, это возвышающий человека символ.

6

Внезапно «Колокольчик» овеяло холодом: в дверь с большим букетом белых роз вваливается шумная компания из трёх пар мужчин и женщин в возрасте «за», вознамерившихся, по всей види-

мости, отметить день рождения кого-то из них. Оказавшись джентльменом, один из новых гостей поприветствовал дверь, чтоб пропустить следом симпатичную женщину средних лет, а также её немного отставшую подругу – яркую, даже красивую женщину, с тяжёлой сумкой в руке и отчётливо просматриваемой фиолетовой отметиной на лбу, свидетельствующей о неутешительных обстоятельствах в семейной жизни.

Официантка, несмотря на тяжёлый поднос в руках, движется легко и непринуждённо. Ловко расставляет тарелки с заказанными блюдами.

– О-о, отбивная! Хорошая! А из какой части свиньи? Узнайте, пожалуйста, мне это важно. А вы её отбили молоточком, как положено? Перчиком посыпали, не сэкономили?

– И отбили, и посыпали, не беспокойтесь.

– Вы поучитесь у меня готовить отбивную, её надо обвалить в смеси разных специй и выдержать. Так, как я готовлю, никто не умеет.

Затем он с жадностью набрасывается на еду и едва членораздельно произносит:

– А ведь масла нет в картошке, сэкономить решили, но этот номер не пройдёт. Мясо вкусное, но я готовлю лучше, надо их поучить. И пиво ничего.

– Девушка, где вы там, ещё пива!

Официантка, едва сдерживая улыбку, приносит второй бокал.

– Девушка! А ещё принесите масла, в вашей картошке его нет.

Но девушка не лыком шита: не таких видала. Оборачиваясь, кидает:

– Есть. Пюре с маслом.

– Это вам так хотелось бы думать, но меня не проведёте, я масло чую за версту. Так что несите кусок масла.

«Как же избавиться от этого так называемого коллеги. Сказать, что неважно себя чувствую и хочу быть уж как-нибудь сама? На улице заметно темнеет, надо что-то решать».

В углу кафе, весело и церемонно перецеловавшись друг с другом, с шутливыми возгласами и смехом успев изложить безотлагательную информацию, возбуждённые люди рассаживались парами. Немного успокоившись и разглядывая картинки меню, погрузились в недолгую тишину, чтоб вновь радостно возвестить окружающий мир о том, что несуществующего счастья – не бывает, что – вот оно, тут, рядом, живое и дышит.

Женщина впервые за этот день непроизвольно улыбнулась. Как естественны и прекрасны были эти люди! Как приятно было смотреть на них...

Какая-то тоненькая ниточка тепла сладко затрепетала где-то в груди женщины. Она была слишком хрупкой. Но цены её мгновеньям не было...

«Как всё многогранно и неоднозначно...»

В другом углу что-то горячо обсуждали две только что вошедшие посетительницы, очевидно, давние подруги, обе в вязаных свитерах. Похоже, они оказались здесь случайно.

Женщина невольно переводит взгляд на соседнее общество.

– Дорогой мой, хоть у тебя и праздник, а я всё равно ребятам сейчас тако-о-ое про тебя расскажу!

Взорвавшийся хохот потряс стены «Колокольчика».

Это была жизнь...

Женщина снова невольно улыбнулась, глядя как компания дружно, словно по команде, принялась за шипящие сковородочки на деревянных подставках.

Тем временем в противоположном углу кафе тоже волновалась жизнь. Её не особо тревожила её распахнувшаяся тайна, она перешла те границы, где уже смысла в ней не было, где отчаянно и больно сбрасывала свой покров, как дерево обессилевшую от холода, дождя и ветра листву, и не боялась быть голой, как оно же.

– Нет, ты только вдумайся! Это же уму непостижимо! Какая башка в состоянии такое перевернуть! Ты можешь представить, что я пережила? Что б ты сделала? Разве не швырнула бы по лестнице поганой метлой вместе со шмотками?

– Ты так рассказываешь, будто память твою отшибло, первый раз, что ли. Ну, не подарок, с самого начала было ясно. Надо было ещё тогда.

– Представь, такое – первый. А двадцать пять лет куда деть? Нет, что б ты сделала?

– Что б я сделала? Да просто сказала бы: не хочу больше тебя видеть, уходи куда хочешь. Какой толк воздух сотрясать, всё равно, что костёр керосином.

– Да! Позабавила бы душу благородством? А кому из них оно нужно, твоё благородство? Ты приличного за жизнь хоть раз где видала? Твой-то намного лучше? Ты хоть раз уговорила его галстук надеть? Думаешь, не помню, как ты купила дорожный итальянский галстук и жаждала видеть его на нём? Думаешь, не помню, как он сказал тебе: окстись, тётя, я что, мудило – с удавкой на шее?

– Ты так говоришь, будто твой носит галстук. Мой-то тут при чём. Мы же о твоём. А моего пьянка губит, а так... Страшнее, что и сын... И получается, ты на больной мозоль. А галстук для меня предмет особый. Он воспитывает. Галстук мужскую особь делает мужчиной.

– Что, по-твоему, сунь мужик голову в петлю из красивой тряпки, и уже интеллигент? Не смеши.

– Ну, что ж так примитивно, ты не понимаешь, галстук – мужика ко многому обязывает. И, если нормальный, он это чувствует. Кстати, ты закончила программу расчёта с поставщиками?

– Да мне не до неё.

– Ну, и что ты решила?

– Что решила? А что можно решить. Да разве – не идиотка?! Сама себя ненавижу. Возьмись за сумку. Вот тебе и решение. Подними, подними, попробуй! И всё для этого козломордого скота!

Женщина вздрогнула и начала уговаривать себя, что ослышалась.

Это тоже была жизнь.

7

Тем временем небольшой блокнотный переплётник с длинной узкой полоской бумаги – на столе. «Я справлюсь с этим. Я не позволю себе превратиться в пустую оболочку. Просто случай. О Господи, что это такое, что он делает...».

Женщина вдруг явственно почувствовала себя в первом ряду театрального партера.

Мужчина долго шарит по карманам пиджака. Спohватившись, кидается к сумке и тоже что-то ищет. Словно опомнившись, встаёт, проверяет карманы куртки и возвращается за столик. Тут его осеняет:

– Девушка! Девушка! Принесите ещё пива!

Официантка со снисходительной улыбкой приносит пиво и дополнительный счёт.

Мужчина долго и с удовольствием пьёт. Через какое-то время, презирая не столько своего случайного знакомого, сколько себя, женщина, взглянув на сумму в счёте, достаёт деньги и кладёт на стол с учётом чаевых для официантки.

Мужчина мгновенно застывает от увиденного: свершившийся факт приглашал его задержаться на пиру, как ему чудилось, преподнесённом самой судьбой.

– Оооо!!!

Он судорожно хватается за деньги, словно боясь, что кто-то отнимет, и размахивает ими как флагом на демонстрации незадолго до перестройки. «Колокольчик» сотрясается от неслыханного доселе вопля:

– Девушка!!! Девушка!!! Возьмите!!! И тут ещё на одно пиво!!!

Женщина, уже ничему не удивляясь, не спеша оделась и невольно взглянула в окно.

Знакомый «бомж» под тусклым фонарём, присев на корточки, обмазывал остатками крема на картонке от торта мордочку такой же, как и сам, бездомной собачонки...

Женщина глядела на эту чистейшую человечность и была уже не в силах сдерживать себя: из глаз, миг за мигом всё чаще, прозрачными капельками падали сомнение и обида, смятение и тревога, отчаяние и бесприютность. Они были такими измученными, они пытались освободиться, они рвались на волю, на воздух, чтоб раствориться в нём и навсегда исчезнуть... А следом, не мешая друг другу, сплошными солёными ручейками катились горечь и унижение, страдание и жалость, тоска и надежда... Всё то, о чём так ёмко, безжалостно и жестоко расскажет человеческая БОЛЬ...

Проза

Александр Герасимов

Родился 25 октября 1955 года в селе Иннокентьевка на Амуре. На Дальнем Востоке работал сельским учителем, журналистом газет и телевидения, генеральным директором региональной теле-радиокомпании. Заслуженный работник культуры РФ, награждён орденом преподобного Сергия Радонежского русской православной церкви. Автор рассказов и пьес (публикации в альманахах и литжурналах России, Австралии, Канады, постановки в театрах Абакана, Астрахани, Владивостока, Луганска, Тынды, Челябинска и др.) С 2011 года живет в Калининграде

Воробушки

Рассказ

В детстве я слышал, как просыпаются воробьи. Их гнездо было за верхним наличником окна. Воробушки чувствовали приближение рассвета: копошились, сонно чивкали. На восходе, даже раньше, боясь пропустить первые лучи, выпархивали из тесного укрытия на край наличника и, шумно встрепенувшись, чистили пёрышки. А как только из горизонтов чуточку пробивалось солнце, начинали скакать, громко чирикать. Вот всем бы просыпаться с воробьиным восторгом!

Под окном рос куст черёмухи, посаженный мамой. Воробьи всего двора слетались на него, прыгали по веткам, задирались, ссорились, разлетались, тут же возвращались. Мне казалось, что они нас развлекают, это у них понарошку. На самом деле очень дружны: если воробушек увидит угощение – хлебные крошки, зёрнышки, – подлетит, бочком-бочком подскочит, клюнет разочек и тут же сорвётся за товарищами, – уже в шумной компании приступит к трапезе. Конечно, когда гоняется за порхающей капустницей, подмогу не зовёт. Но и не себе он ловит, а птенчикам. Бабочек, червячков, гусениц воробьи выискивают исключительно для своих детишек-воробушек. А кормить ещё голеньких начинают зелёной сладкой тлём: с листьев собирают её в липкие пучочки и к гнездам спешат. Только и успевают от зари и до зари без продыхов и остановок крутиться взад-вперёд туда-сюда: голодных желторотиков в гнезде бывает с десяток. И как только сил не лишаются да на крыльях держатся? Мы бы от изнурения умотались, упали наземь и лапки отбросили.

При неустанной колготне-заботе растут воробьята быстро. И уже через две недели после вылупления покидают гнезда для первых полётов. Короткокрылые почти бесхвостые птенцы перелетают на ветки, потом на землю. Прыгают рядом со старшими, но не самостоятельны: клювики восковые и всё ещё жёлтые, – мамы с папами продолжают потчевать своих взъерошенных чад, а те размерами кажутся больше родителей.

Если присмотреться, различать птичек не сложно. Птенцы посветлее: пушистые без пёстреньких перьев. У взрослой воробухи серые голова и шейка, над глазом бледно-жёлтая полоска. А у воробья на горлышке и груди большое чёрное пятно, темя тёмное.

Хлопотливые и удивительно смелые создания. Не раз видел, как стайкой и в одиночку отважно защищают своих деток от нападения сорок и ворон. Не думая о себе, в безрассудном отчаянии набрасываются даже на свирепеющих в охоте кошек.

Спросите, к чему мой незатейливый рассказ? Так ли необходимо отличать воробья от воробухи? Вы при случае о том малышам расскажите, уверяю, им занятно будет. Да и не только малым занимательно.

Давайте найдём часок, присядем на лавочку, покрошим перед собою из батона. Не важно в какое время года. Солнечно будет или хмарно, затишно или ветрено, – прилетят воробушки. Впорхнут, подскочат бочком, в глаза глянут: с добрым ли намереньем? Ухватят кусочек, отпрыгнут, отлетят

в сторонку. Потом вновь вернуться, уже и поближе к нашим ногам. Они недоверчивы, жизнью тёртые, но хорошего человека распознают, могут и с ладони поклевать. Рискнём, проверим себя. Только, если не случится, на воробушков не будем обижаться, лучше задумаемся – что в нас не так.

Воробы, воробейчики, воробушки... Всегда рядом с нами:

за наличником окна маминого дома...
у пасхальных куличей на погосте...

Медовые края

Мёд с одной ложечки не опробуешь. Вот когда, отведав черпачком, засомневаешься вначале, снова наберёшь, потом, хмыкнув, – ещё... Да захочется отчаянно загребать из мисочки, чувствуя, что остановиться невозможно, – тогда точно мёд распробован. Такой медочек можно есть по утрам большой ложкой, как кашу. Он настоящий, – энергии, здоровья и отличного настроения на весь день наберёшься.

По мне, так лучшие мёды – таёжные приамурские. Не стану умалять алтайские, башкирские, кубанские, но наши – превосходнее.

От Байкала до срединного Амура – самые безоблачные и погожие земли России. Нигде более по огромной нашей стране не найти столько солнечных дней в году. Солнца так много, даже, кажется, избыточно. Оттого и цветы чуть иные, их запахи... А цветы всё – медоносы. От них и солнечных лучей берут пчёлки нектар, ароматы и бог знает что ещё для оттенков вкуса и полезности несравненных мёдов.

Но и в обширнейшем солнечном крае, что я описал, есть заповедный уголок, где и цветы лучшие из лучших и – мёды

Хинганский горный хребет сдержал здесь натиск Великого оледенения, защитил от сокрушения уголок лесов, сопок, степей, озёр и болот. На болотах гнездятся японские и даурские журавли. На реликтовых озёрах можно встретить тропическую кожистую черепаху, цветут огромные лотосы. Буйству растительного мира тайги позавидуют ботанические сады.

Моя родина. Явился на свет в доме на высоком берегу Амура, где впадает в него таёжная река Архара.

А у моей мамы, Натальи Васильевны Валяевой, в паспорте было записано – «место рождения: Долгое озеро». Не село, не селенье какое, просто – озеро, словно она русалка.

В мамином паспорте не метрическая ошибка – топоним. На крайнем юго-востоке Амурской области, о котором сейчас и рассказываю, есть знаменитое у орнитологов и биоэкологов – Долгое озеро. Сейчас это центр Хинганского государственного природного заповедника. В тридцатые годы дом, где родилась мама, был единственным на берегу озера, других не было.

Сказочно красивые места. Заметил, как многие мои земляки, покинувшие Амур, готовы рассказывать об очаровании и благодати нашей тайги, наших степей вплоть до Второго Пришествия, бесконечно. Оказалось, что правда – издалека виднее.

Вот представьте ту же степь... Любили когда-то русские классики повествовать о переливах печальных ковылей: тоска, неизбывная любовь к родным просторам. Но ведь вовсе не такая моя приамурская степь. Она яркая, радостная, изменчивая. Удивительнейшие метаморфозы: то залита пламенем цветов купальницы, то до самых горизонтов – светится жёлтым золотом лилий-саранок, сверкает островками белых маков, снежных пионов – марьяных кореньев, заплетается лиловой виной – мышинным горошком, то внезапно взрывается таким феерическим разноцветьем и радужным многоголосьем, что даже художники Левитан и Пластов задумались бы, узрев, – а хватит ли их талантов передать это на холстах!

А сейчас о главном. О главном из наших мёдов, который превыше всех. Не просто номер один, а по убеждению моих амурчан – лучший в мире. Называют его – «серпуховый».

Переписываюсь со старым товарищем Виктором – в Орле сейчас живёт. Проверяя себя, попросил вспомнить этот мёд. Отвечает: «Цвет назвал бы – болотно-зелёный. Даже не дегустатор выделит основной вкус сладостно-горьковатым. Сердцевинный медонос – серпуха, но всегда казалось, что в аромате участвует тысяча трав. Воображению представлялось, что пчёлы собирали в недоступных

человеку местах, в борьбе со шмелями и паутиной таёжных пауков размером с ладонь. Всё это называется – в отрогах Малого Хингана». Красиво ответил.

Свежесть и первозданность девственного края в нашем мёде «серпуховый».

Крупные плотные корзинки с короной – изящно распушенным фиалковым, либо лилово-пунцовым венцом, так выглядят цветы серпухи венценосной. Она и в иных местах растёт, но у нас какая-то особенная. По таёжным опушкам, берёзовым околкам, лесостепью серпуха расцветает ближе к августу. Собранный с неё мёд качают к поздней осени, когда уже запечатан будет пчёлами в сотах, вызреет. Мёд чистый, не перегретый знойными летними погодами, он и храниться может очень долго.

Совершенным, исключительным в колорите вкуса назову и наш мёд липовый. В Приамурье липы пахнут не так, как в европейской России, – много ярче, божественным ароматом заворачивают. Липа Таке, липа амурская, липа маньчжурская – родом из моих краёв. Оттого липовый мёд свой особый, как нигде. В семидесятые прошлого века, в пору июльского цветения лип, пасечников с ульями пчелиных семей вертолётами забрасывали в глубины бездорожной тайги, настоящая охота шла за драгоценным мёдом.

Элитный, заготовленный «Пчелопромом», в первозданном виде до магазинов не доходил, разве что разбодяженный. Уплывал по спецраспределителям чиновникам, на подарки в столицу и в заграницу.

Настоящий мёд можно купить только у пасечников. А чтобы быть уверенным, что не разбавлен падевым, сладкой водицей, крахмалом и ещё невесть чем, отправляться надо в места, где заготавливают, хорошо бы на пасеку, да подгадать время, когда на медогонках откачивают пчелиные соты. И главное правило: хороший мёд – у хороших людей.

В деревнях и таёжных посёлках моей родины до сих пор живут общины староверов. Сам я из казачьей Иннокентьевки, а мой приятель Олег (учились на историческом отделении) – из старообрядческой Грибовки, это километрах в шестидесяти. Как-то, лет двадцать тому, уже по морозам ездили в гости к его родителям. Помню, въехали в Грибовку: над заснеженной деревней – зимняя радуга. Улицы широкие, перед каждым домом – высокие сосны. Надо же, подумал, в тайге живут и таёжные сосны под окнами высадили!

Дед Иван, отец Олега, по старости уже слепым был, но – крепкий, в доме его слушались безропотно. Хлебосольный стол, еда простая: отварная картошка, квашеная капуста, пилушки, грузди с рыжиками, бочковые помидоры с огурчиками, малосольные ленки из реченьки Архары, что сразу за огородами (ленков этих – бочки в сенах). И стояли на столе отборные мёды: янтарные, белые, тёмные, прозрачные...

В Грибовке почти все – пасечники. Омшаники с ульями в тайге, – у одних поближе к дому, у других на дальних заимках.

Родитель товарища сам мёдом не занимался. Отправились мы по деревне выискивать, чтобы я домой отвёз. Немало лет прошло, как уехал однокашник из Грибовки, а всё про всех знал. Вышагиваем вдоль размашистых дворов, про хозяев рассказывает. У этих, мол, пасека невдалеке от гречишных полей, не таёжный мёд. А у тех – на лугах, на разнотравье, хороший мёд – цветочный, но брать не будем. Здесь липовый, но та ещё липа – смешали с падевым. И этот двор стороной пройдем, к рапсам улики свозили, не нужен нам рапсовый. Короче, идём-идём, а он всё бракует да бракует. Я уже надежду потерял, что сыщем что-то, такой проводник привередливый.

Подходим к очередному подворью. Дом – хоромы из свежетёсаных брёвен, с проблесками смолы, прощелины паклей и мхами аккуратно проконопачены, видно, что недавно выстроили. На светлой веранде хозяин с хозяйкой бадьи с мёдом перекачивают, а сорокалитровых фляг тех, бог ты мой, – не пересчитать! Сами – люди молодые, розовощёкие. С ходу стали нам на бидоны указывать и свои мёды, разных сборов, нахваливать. Олег всё внимательно выслушал, потом говорит: «Брать не будем». Хозяева не обиделись, спустились в глубины подполья, вытянули на свет тяжеленную флягу. Половничком аккуратно, боясь капельку пролить, наполнили нам банки. И среди хороших настоящих мёдов у хороших хозяев есть, как оказалось, заветные баклаги с самым хорошим мёдом.

Столица приамурского Эдема – посёлок Архара, – по имени реки. Районный центр. Узловая станция Транссиба. Все пассажирские – пригородные, скорые, экспрессы – останавливаются пере-

вести дух. Помощники машинистов, исполненные достоинства, – в галунах, шевронах и форменных фуражках, проходят вдоль составов, постукивают молоточками на длинных ручках, вслушиваются. А железнодорожные философы – проводники и пробуждённые-ожившие многоцветные толпы странников, сойдя из вагонов, улыбаются, жмурятся от нестерпимо яркого солнца, спешат к столам-прилавкам рыночка, окошкам ларьков и киосков. Покупают лапотных размеров пирожки, шерошистые кедровые шишки, протекающие соками кулёчки лесных ягод, и – знаменитый мёд. Многие, не удерживаясь, тут же на перроне через щёлочки ртов втягивают в себя приторные солнечные нектары, смакуют, восторгаются, облизывают липкие пальцы и губы.

А ещё берут местное пиво. Когда-то знатоки считали лучшим в мире, по крайней мере, по всей Сибири и нашему Дальнему Востоку – терпкое тёмное пиво «Таёжное». Давно сгорела старая пивоварня, и рецепт прежнего напитка утерян, но осталась людская молва.

Я сам там был, мёд и пиво пил...

Оторопь *

Через заросли красно-бурых кустарников, тоненьких блестящих осинок-берёзок мы вошли в зимний лес. То была опушка, воротничок леса. Но здесь деревья степенные высокоствольные. Остановитесь, прислушайтесь к своему дыханию. Воздух свежий, студёный. Чистым снегом пахнет. Хорошо!

Славный снег выпал, мягкий, пушистый. И целёхонькие снежинки россыпями бриллиантов светятся, сверкают, искрятся; несмелый ветерок, шёпотом гуляющий среди деревьев, их легче пуха подхватывает и бережно опускает. А бывают снежинки как крупка. Они белыми рыхлыми градинками выпадают, как сахарная пудра, как мерцающие звёздочки, как мохнатые пёрышки, такими художники на картинах любят изображать, но эти – самые красивые, ажурные, лучистые – из детства, тогда, упав на ладошку, они казались огромными и сказочными, но, к великому огорчению, тихо истаивали и растворялись.

Солнечно, но оттепелей и сильных ветров не было, оттого не взялись снега корочкою наста. В сугробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жёстким, клёклым, волглым – не счесть, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а ещё – слепящие метели и хлёткие метелицы, разгульные вьюги, тоскливые завирухи, заверти, замети, позёмки... Ух, попал я в снежные передряги – как-нибудь расскажу, если не очень торопитесь.

Сегодня снег радостный. Праздник, а не снег.

Дробинки следов видите? Эту строчку мышонком оставил. Пробежал немного, припорошенные сухие былинки понюхал, развернулся, чиркнул тонким хвостиком пышный снежок, зашпешил дальше и нырнул в рыхлую норку. Сейчас он под снегом – в придавленных опавших листьях у него лабиринты проходов и уютное круглое гнёздышко, высланное мягкими сухими травинками и пушинками увядших цветов. С одним таким мышонком я дружил.

Много лет назад работал на таёжном Севере учителем. Там настоящая тайга начиналась сразу за домами посёлка лесорубов. После школы, а иногда и до уроков, я ходил в таинственные чащи. Ступал по мягкому толстенному, годами нараставшему ковру осыпавшейся лиственничной хвои – идёшь, затаив дыхание, потому что шагов своих не слышишь. Бродил дивным таёжным ручьём, вода в нём чистая-чистая, и гладкие камешки на дне словно колышутся, пытаются обогнать один другого.

А однажды я заблудился. Когда неблизко уходил, старался придерживаться чуть приметной тропинки, набитой охотниками к дальним озёрам и зимовью. Но тут увлёкся табунком рябчиков, всё время отлетавших от меня, стал за ними продираться через цепкие кусты, обходить завалы рухнувших деревьев, вывернутых корней и заплутал. Был конец октября. Небо мерклое. Меленькие снежинки мельтешат. Знобко мне стало. Решил в посёлок возвращаться. Пытаюсь на тропку выйти, да найти не могу. Стараюсь одного направления держаться, пробиваюсь сквозь дебри, а вновь свои же рыхловатые следки на снежной порошнице вижу, – оказалось, что круги наворачиваю. Всполошился. Неужто в тайге ночевать придётся? С собою даже спичек не взял, обут в ледяные сапоги,

ноги стынут. Назавтра у меня – день рождения, двадцать пятое. Вот попал... А может, попытаться выйти по своим следам, – рассуждаю, – пока их ещё не совсем присыпало. Разворачиваюсь и по едва различимым отпечаткам резиновых сапог начинаю распутывать собственные блукания. Долго ли коротко, а вышел-таки на знакомую тропиночку. И едва успел, потому как запорхали большие лохматые снежинки, и натопанное мною скрылось, исчезло в белом саване. От сумятицы и беготни распалился, вымотался. Сел, привалился спиной к лиственнице, ладони в рыхлый снежок опустил, а там кустики брусники, а на них твёрдые шарики. Коченелыми пальцами веточки прочёсываю и мёрзлые ягодки с чистым снегом в рот отправляю. И так мне хорошо стало! С кем бы радостью поделиться?

Тут-то он и появился. Лесной мышонок. Тёмный на снегу, кругленький. Нашупал в кармане батончик с изюмом, в школе купленный, отламываю кусочек, протягиваю зверушке. Подумав, тот подбегает, осторожно нюхает, доверчиво берёт угощение в маленькие лапки и быстренько уносит под ворох опавших листьев. Покрутившись, пошуршав в своей крохотной берложке, возвращается. Немного погодя от моего батончика ничего не осталось. Из смурого ненастливого неба лохматый снег полетел охапками. Я попрощался с маленьким приятелем и поспешил домой. Снегопад усиливался, густел, а когда я подходил к посёлку, стал таким плотным, что вытянутой руки невозможно увидеть.

Ночью я сочинял письмо девушке Люсе о первом снеге и забавном мышонке. Любимая связала и подарила мне красивый шерстяной пуловер солнечного цвета, он меня грел, в печке потрескивали, шипели и пищали сырые поленья, пахло смолой, а снег за мокрым окном всё падал и падал. Но утро было восхитительно погожее, лучезарное. С хорошим настроением отведя уроки, купил два батончика с изюмом и заторопился в заснеженные кущи. Рыхлый снег был по колени, но я бороздил его не хуже вездехода. Смог найти вчерашнюю лиственницу. Под нею на первоснежье увидел бисерные тропочки моего дружка. Через малое время он и сам объявился, узнал меня, подбежал и привстал на задние лапки. Один батончик я покрошил ему, другой съел сам. Так и отметили мой двадцать второй день рождения. Мышонок был внимательным и отзывчивым собеседником.

Я ещё с неделю приходил к маленькому другу, приносил лакомство. Конечно, я считал себя серьёзным взрослым человеком, в тайгу ходил вовсе не для этих встреч. В руках у меня были то ружьё – мечтал добыть царственного глухаря – то спиннинг с удочкой – на благородного тайменя. Но в трофеях случались только рябчики да хариусы. Потом повалили непросветные дремучие снега. А когда погода наладилась, раза три пытался найти ту лиственницу и не отыскал. Огорчался, успокаивал себя, что в норке под пухлой снежной периной крохотному мышонку должно быть тепло, а запаса моих гостинцев хватит надолго.

Давно была та история.

Девушка Люся стала моей женой – получив в подарок вязаный ею пуловер, посчитал, что обязан жениться.

Я уже не пишу простодушных писем. Некому. Но иногда сочиняю наивные рассказы. Будто бы с кем-то беседую. Как с тем чутким мышонком в тихой тайге на снегу под высокой лиственницей, сбросившей до весны свою мягкую хвою.

Ну вот, опять вы куда-то спешите. Понимаю. Не до беспечных прогулок. Дела. Да и эка невидаль – лесные мышки. А они, между прочим, в отличие от полёвок и серых домашних, замечательны незаурядной сообразительностью и бесподобным проворством, даже по деревьям умеют лазать.

* Это слово, как известно, имеет много значений, в том числе: замешательство, растерянность, недоумение, изумление.

Хочу успеть тебе сказать

Иннокентию Герасимову

Помнишь, когда ты был маленьким, ещё не разговаривал, но уже научился ходить, летом в выходные на большой белой машине мы часто ездили за город, где у тихой речки Безымянки прижимался к сопке деревянный дом, двухэтажный, с балконами. Рядом с домом мы стелили оранжевую

циновку, ставили корзину с едой и питьём, разбрасывали привезённые игрушки. Я надувал голубой клеёнчатый бассейн и длинным шлангом наливал в него холодную воду из гудящей мотором скважины. Пока вода согревалась, мы играли на циновке, гуляли по двору. Там росли ярко-жёлтые одуванчики, они стояли на длинных ножках-трубочках и поворачивали головки к солнцу. Отцветая, одуванчики не вянули сникая, сжимались в бутоны, а потом случалось чудо: они вновь распускались, превращаясь в пушистые белоснежные шарики. Мы их осторожно срывали, на изломе трубочек выступал млечный сок. Мы дули на круглые шапочки одуванчиков и наблюдали, как круговерть белых с маленькими семенами парашютиков поднимается в воздух. Когда пушинки попадали мне в лицо, ты громко смеялся, потому что я морщился и тёр нос.

Однажды я взял тебя на руки, и мы стали подниматься в сопку. Я с опаской ступал по промытым дождями узластым корням, ты сидел высоко-высоко на шее, в восторге и страхе цепко держался за мой лоб, давил пальчиками на глаза.

И вот мы в солнечном лесу. Млеют золотые сосны, и весь лес замер в янтарных бликах. Перед нами тропинка мягкая и тихая. По ней можно идти босиком. Даже твоими маленькими ножками. Сквозь тёплый ковёр опавшей хвои выглядывают осторожные тёмные маслята, и нежные сыроежки – желтые, розовые, фиолетовые, – рассыпались повсюду. Звенит из приникшей травы стрёкот кузнечиков, при нашем приближении они таятся, умолкают, потом веером выпрыгивают из-под самых ног, с треском расправляют дрожащие с алым огненным подбоем крылья и летят далеко-далеко, дугою. Сначала ты пугаешься, потом смеёшься, пытаешься кузнечиков поймать, да разве за ними угонишься... Вот ты заметил огромного чёрного муравья, с изумлением смотришь на его невозмутимый бег, поднимаешь с земли щепочку, преграждаешь ею дорогу. Муравей, вмиг проскочив препятствие, взбирается на маленькую ручку и кусает тебя за пальчик, согнувшись в злой жёсткий комок. Здесь уже пугаюсь я. Слава Богу, что мама и бабушка не видели! Стряхнув обидчика, мы продолжаем поход. Ты не плачешь, и мне кажется, что ты почувствовал в случившейся драме мою вину. Твои большие глаза потемнели, розовые прозрачные на солнце ушки стали пунцовыми. Но горе твоё пока недолгое.

Как хорошо нам идти по сказочной жёлтой тропинке! Крошечная ладошка маленького человека в ладони большого и сильного. Мир для тебя наполнен новыми звуками, яркими красками, новыми запахами. К благоуханиям нагретой смолы и хвои, медовых цветов, к влажному запаху грибов тихими волнами приплывает аромат лесной земляники, но ягод не видать, – прячутся где-то.

– А пойдём искать сладкие ягодки, – предлагаю я.

Ты удивлённо смотришь мне в глаза. Ты всё понимаешь и ответить можешь взглядом.

Мы выходим к солнечной полянке и идём на земляничные духи. Приседаем на корточки, раздвигаем покрытые мелким лёгким пушком тёмно-зелёные листья, изнанка их серебристо-сизая, а под ними на тонких плодоножках клонятся к земле красные с золотыми крапинками ягодки. Их было немного, но как они пахли! Сердинки сорванных ягод нежные, розовато-белые. Встречались и ягодки бледные, твёрдые, ещё неспелые, такие мы не рвали. А были и тёмные, мягкие, уже переревшие, от них твои пальчики, губы, щёки и кончик носа стали вишнёвыми. Ох, должно и наругают нас домашние за поедание немойтой ягоды, да разве удержишься тут.

Попирав, мы возвращаемся. Нас уже потеряли. В маленьком кулачке ты держишь три ягодки, ты нёс их очень бережно. Раскрыл ладошку, угощаешь маму и бабушку, и почему-то меня, – ягодки помялись и протекли рубиновым соком. Твоя мама – моя дочь – смотрит на меня укоризненно и сердито, а бабушка – моя жена – вовсе не ругается. «Добрый мальчик!» – говорит, улыбаясь, а в глазах её слёзы.

А потом ты весело плескался в нагретом на солнце надувном бассейне.

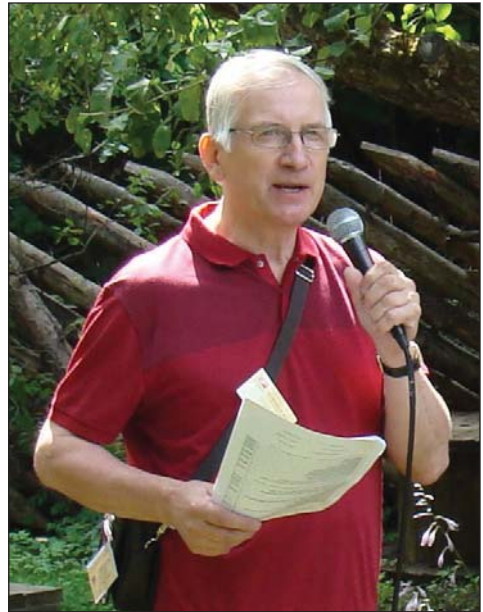
Ты вырастешь большой сильный и, возможно, когда-нибудь это вспомнишь. Хочу, чтобы вспомнил. Тёплый маленький бассейн, красные ягодки, белоснежные шапочки отцветших одуванчиков: ты смеялся и дул мне в лицо их лёгкие парашютики, – когда сейчас вспоминаю я, то морщусь от щекотки нос, – правда.

Поэзия

Владимир Савинов

Савинов Владимир Борисович родился 1 апреля 1952 года в Парголовском районе города Ленинграда в семье офицера и учительницы. Детство и юность прошли в разных военных городках Ленинградской, Псковской, Мурманской областей, Эстонии и Карелии. Окончил среднюю школу в приволжском городе Кинешма Ивановской области, а затем Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), инженер по компьютерным технологиям. С июля 1975 года живет и работает в Пскове. Писатель, публицист. Много пишет стихотворений для детей. С начала 2000-х годов вошёл в состав Объединения псковских писателей, когда были опубликованы в печатных изданиях его поэтические произведения. Лауреат премии Администрации Псковской области по литературе 2010 года за иллюстрированную книгу детских стихотворений «Книжка из музыкалки». Лауреат I-го международного конкурса лирико-патриотической поэзии «Я не мыслю себя без России» в Санкт-Петербурге, посвящённого 90-летию поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева, 2014 год; победитель II-го Международного конкурса поэзии «Ничего душе не надо, кроме Родины и неба» (Санкт-Петербург, 2015 г.); победитель международного конкурса поэзии «Мгинские мосты без границ» (пос. Мга Ленинградской области, 2016 г.).

Песня русская

МОЛИТВА МОЯ

(по мотивам молитвы оптинских старцев)

Что мне преподнесёт грядущий день,
О, Господи, дай встретить без волненья,
В спокойствии вершить приготовленья
Всхождения на новую ступень.

На каждый час, на жизни каждый миг
Предамся воле я Твоей всецело,
Поддержки ждут мои душа и тело,
Чтоб истины светильник не поник.

Ты вразуми, о, Господи, меня
Принять известье каждое достойно!
Душа тверда – и тем она спокойна:
На всё святая воля есть Твоя!

Тебе все мысли, чувства отдаю.
В делах внезапных я к Тебе взываю,
Ниспосланного свыше ожидаю,
В премудрость свято верую Твою.

Семьи моей заботы помоги
Вершить разумно, каждому – с участием,
Не огорчая взглядом, словом, властью;
От недомолвок нас обереги.

Дай, Боже, мне, когда ночная мгла
Зарю погасит, день закроет очи,
Усталость побороть в теченье ночи,
Чтоб утром сила свежей вновь была.

Молю Тебя, прости и укажи
Надежды и терпения дороги.
По ним пойду, пока шагают ноги,
Отринув все мирские миражи.

В сомнениях, прошу, руководи,
О, Господи, на это уповаю.
И всем, молясь за них, я всё прощаю
И вижу свет спасенья впереди.
Аминь!

ПЕСНЯ РУССКАЯ

Песня русская, родная,
Песня псковская, тверская,
Песня из донских степей,
Ставропольских ковылей...

Сколько лет звучала ярко –
Так, что сердцу было жарко,
А теперь всё реже, реже.
Люди те же, да не те же...

Что-то песня не поётся
У архангелогородца,
Что-то песню не поёт,
Тот, кто в Вологде живёт...

И Сибирь молчит чего-то,
Видно петь ей не охота.
И станичники молчат,
Не порадуют девчат...

Редко-редко где прорвётся,
Где уже совсем неймётся,
Запоёт «свою» село –
Песню русскую – назло!

В пику песне чужеродной
Зазвучит напев народный,
Силу песня наберёт,
Заволнует, уведёт...

И отратно, и сердечно –
Слушать можно бесконечно,
То смеяться и шутить,
То от грусти слёзы лить.

Русский хор! Живи вовеки!
Как текут в России реки,
Волга, Лена, Обь, Иртыш.
Вместе с песней устоишь!

Сноп златой, где ржи колосья,
Не сломать, не разорвать.
Так твоё многоголосье
Будет за душу нас брать.

Вместе с песней прежней, новой
Лучше видится основа,
Вечный Дух родной Руси!
Пойте ж! Господи, спаси...

ВОЗДВИЖЕНИЕ

Пыль горячей волной ноги лижет мне,
Зной полудня, что плавленный воск.
Я сегодня иду во Воздвижение
Среди жаждущих влаги берёз.

Помолиться в заволжье не ближе –
Зов души, обретающей храм.
Хворь и немощь врачует Воздвижение,
Где сам воздух – целебный бальзам.

Мерить шагом тропы забулыженье –
Вожделенный паломника труд,
Столь твои откровенья, Воздвижение,
Чудотворною силой влекут.

И теперь узнавание книжное
Наполняет восторгом мой взгляд:
На излучине Волги Воздвижение,
Легкокрылые чайки парят.

Травы летние скошены-стрижены,
Зной ссушил их, ни капли из туч.
Но святой под горою Воздвижения,
Не скудея, бьёт Коленькин ключ.

Все слова и бессловия сближены,
Мне мирское сейчас ни к чему.
Здесь водою целебной в Воздвижении
Я умоюсь с молитвой к Нему.

*Август 2010. Ивановская область,
Заволжский район, село Воздвижение,
деревня Ерёмينو*

10-ЛЕТИЮ ПОДВИГА 6-Й РОТЫ ПСКОВСКИХ ДЕСАНТНИКОВ

Я просыпаюсь с пламенем в глазах:
Мне снова снились огненные маки,
Растущие на выжженных камнях
Свидетели психической атаки.

На склонах самой страшной высоты,
Что вспорота разрывами снарядов,
Являются мне алые цветы,
А среди них все девяносто взглядов.

– Ну, вот и славно, – говорю, – сынки:
Опять вы вместе, как тогда, до боя.
И до чего ж вы молоды, крепки,
Хоть каждому давай «Звезду Героя...»

Нет, нет – не слёзы это, милуй Бог!
Наверное, туман ползёт в ущелье...
Я вам слова какие-то берёг,
И попросить хотел у вас прощенья,

Да только вам оно уж ни к чему –
И даже тем из вас, кто жив поныне...
Позвольте, помолюсь тогда Ему,
Как молится в душе отец о сыне...

О, Господи! Даруй им небеса!
И память светлую им сотвори навечно!
И пусть мне снятся маки, а слеза
И горькой будет пусть, и быстротечной...

31 ОКТЯБРЯ 2015. РЕЙС 9268

*Памяти россиян, погибших
в авиакатастрофе 31.10.2015*

Сияющая высь
Безмерная, немая,
Внизу впился в песок
Акулий зуб Синая.
Меж ними взлёт. Идут
Минуты и... мгновенье –
Разрыв, разлом, обрыв!
Падение. Паденье!

Был долгожданный рай,
Что северу неведом,
И счастье через край!
И вот за ними следом
Всего лишь перелёт,
Немного ожиданья...
Но вдруг разлом, обрыв!
И шок непониманья...

В тот миг, оцепенев,
Не веря смыслу слов,
Застыли Петербург,
И Новгород, и Псков...
Такое никогда
В кошмарных снах не снилось,
Внезапная беда
Всей бездною открылась.

Легко ли говорить,
Покуда слёзы душат,
Легко ли осознать,
Как вверх взлетели души,
Когда осела пыль
В безмолвии пустыни,

И жить теперь без НИХ
Нам предстоит отныне.

Сиротский наш поклон
И судорожность жеста,
И взгляды в пустоту,
Ненахождение места...
Сколь времени Господь
Смириться даст с потерей?
Синай... акулий зуб.
Не верим мы, не верим!

ПСКОВО-ПЕЧОРСКИЙ СВЯТО-УСПЕНСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Аки ров, глубокий в долине той Каменец-ручей.
Как стоит во рву чудо-чудное – монастырь святой.
Что букет цветов, храмы дивные изукрашены,
В вазе крепости серокаменной построены.

В день молитвенный об Успении Богородицы
Трав-цветов не счесть, что ковром вокруг
расстилаются.
Крестный ход идёт с пенопьями да хоругвями,
Да с иконою Чудотворною Божьей Матери.

Утром солнечным, тихим вечером затуманенным
Песня звонкая колокольная начинается,
Расплывается над соборами да над стенами –
Преклонить зовёт буйну голову пред святынями.

Дар бесценнейший наших Пращуров во наследие –
Как объять его человеческим слабым разумом?
Лишь душе одной, коль достойна есть –
в сострадании,
Да в смирении – чудеса сии приоткроются.

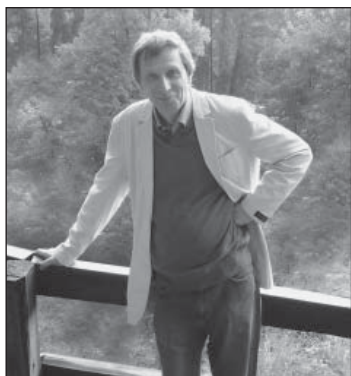
Ввысь взвѣётся взор, устремится слух
в поднебесие:
Над обителью, где под благовест – хор Архангелов;
Михаил с мечом среди Воинства – Предводителем,
Распростёр крыла – охранители Православия.

Жизнь-судьбинушка, ты куда б меня не закинула,
Где б воды ни пил родниковой я аль колодезной,
Не забыть вовек вкус воды святой Каменца-ручья:
Словно горлица, здесь душа моя обретается.

Вот он, жребий мой, будто ясен луч из-за облачка:
В дни гнетущие, аль обратно им, светлым
праздником
Воспевать, любя существом своим, Имя Господа,
Русь родимую, сыновей её, славных воинов.

Поэзия

Сергей Филиппов

* * *

Был сад и поздняя весна,
Вторая половина мая.
И серебристая сосна
На солнце, словно золотая.

Вдоль сада высился забор,
Чуть ниже протекала речка,
Казалось, счастье с этих пор
Со мной останется навечно.

И нет нигде ни бурь, ни гроз,
Ни нищеты, ни униженья,
Ни боли и ни чьих-то слёз,
Ни старости, ни отторженья.

* * *

Люблю холодной осени красу,
Деревья с оголёнными ветвями,
Последнюю опавшую листву,
Что сладостно шуршит под сапогами.
Люблю последний почерневший снег,
Что прячется в оврагах и ложбинах,
Где солнца нет, тепла почти что нет
И в мае, но который, всё едино,
Растает через пару-тройку дней,
Сойдёт везде. Но больше всех люблю я
Надёжных, повидавших жизнь людей,
Готовых, не страшась и не пасуя,
За ближних головою лезть в петлю,
Кто полон к ним любви и состраданья...
Зато, кого я точно не люблю,
Так это молодых и слишком ранних.

Филиппов Сергей Владимирович родился в 1953 году. Печатался в журналах: «Великороссь», «Дальний Восток», «Южная Звезда», «Сибирские огни», «Дарьял», «Ковчег», «Огни над Бией», «Зарубежные задворки», «Белый ворон», «Чайка», «Жемчужина», «Нёман», «Подъём», «Земляки», «Арина», «Северо-Муйские огни», «Голос эпохи», «Невский альманах» и др.

XXI ВЕК

Век нищеты и век свободы,
Век необузданных страстей,
Перемешавший все народы
И разделивший всех людей.

Век скоростной, век экстремальный,
Век жёсткий, грубый, непростой,
Век «звёздных войн» и войн локальных,
Грозящих третьей мировой.

Век, содержащий в «чёрном теле»
Всех, кто бесправен и не смел,
Век ложных ценностей и целей,
Скандальных тем и громких дел.

В какой бы их не подносили
Обёртке, с каждым днем ясней
Вся пагубность его усилий,
Вся гибельность его идей.

КОРОБЕЙНИКИ

Нет ни ситца, ни сатина,
Ни льняного полотна.
Потребителя корзина,
Как коробочка, полна

Сплошь каким-то суррогатом,
От одежды до вина,
И с таким сертификатом,
Где печать едва видна.

Не творец-производитель,
Не рабочий человек,
Всех важнее – потребитель
В потребительский наш век.

Все идёт в употребленье,
 Вся, простить прошу, «фигня»
 Ради удовлетворенья
 Спроса на потребу дня.

Все торгуют, не стесняясь
 На бессовестный обман,
 Потребителя стараясь
 Каждый раз загнать в капкан.

Захлестнула всех стихия.
 Где вы, честные купцы?
 Коробейники лихие,
 Удалые молодцы?

Брось родимая сторонка
 Торговаться, перестань.
 Значит, дрянь у них душока,
 И товар их тоже дрянь.

Плачь Россия, наблюдая,
 Как мельчает человек,
 Безоглядно потребляя
 В потребительский наш век.

ПУБЛИЧНЫЕ ЛЮДИ

Публичные люди. Их знают отлично.
 А скромные люди не любят публичность.
 Публичные люди всегда на виду:
 И в прошлом, и в этом, и в новом году.
 А скромные люди почти незаметны,
 Они все неброско и просто одеты.
 Публичные люди все громко кричат,
 А скромные люди обычно молчат.

Публичные люди ведут себя нагло,
 Им всё всегда надо, всего всегда мало.
 А скромные люди довольны вполне,
 Что живы, здоровы и хлеб на столе.

Публичные люди всегда прагматичны,
 Надменны, тщеславны и харизматичны.
 А, если другими словами сказать,
 Умеют всех прочих людей подавлять.

Публичные люди-любители позы,
 Но бровью не двинут без собственной пользы.
 А скромные люди, в отличие от них,
 Заботятся больше всего о других.
 Публичные люди толкают локтями,
 Ругают друг друга дурными словами.
 А скромные люди спокойно живут
 И в гости друг к другу на праздник идут.

Ведут себя скромные люди прилично,
 Что точно не скажешь о многих публичных,
 Привыкших орать и кричать где попало,
 Замешанных в самых различных скандалах,
 Поставивших этот процесс на поток.
 За счёт обвинений, скандалов и склок
 Себе заработав такую известность,
 Что их караулит бульварная пресса.

Мне часто приходится слышать: «Бедняга,
 Простой и обычный, и скромный трудяга.
 Какая обида. Какая печаль.
 Поверьте, нам так его искренне жаль.
 Но, если подумать, признаемся честно,
 Какой-то он тихий и неинтересный.
 И сразу становится вам, господа,
 Понятно, что это, отнюдь, не «звезда».

Я, может, чего-нибудь не понимаю,
 Но токарь, строитель, водитель трамвая,
 Для общества выше должны быть, чем лгун
 И наглый, циничный, публичный болтун.
 Кто в нашей несчастной стране, между делом,
 Всем вправил мозги так легко и умело?
 И что бы, задумайтесь, стало бы с ней
 Без скромный, простых, непубличных людей?

Калининградские берега

Леонид Мальцев

Леонид Алексеевич Мальцев родился 23 декабря 1972 г. в Калининграде. В 1995 г. окончил Калининградский государственный университет по специальности «русская филология». Работает на филологическом факультете того же университета (ныне БФУ им. Канта) в должности профессора. Доктор филологических наук с 2010 года. Автор более 130 научных трудов по истории польской литературы и по проблемам польско-русских литературных связей. Участник и организатор научных конференций и семинаров. В центре исследовательских интересов – творческие связи Пушкина и Мицкевича, восприятие творчества Достоевского в польской литературе, актуальные проблемы польской культуры XX века.

В песке забвения

Рассказ

Ясный солнечный день 15 августа 1824 года. Утром, ближе к полудню, польский поэт Адам Мицкевич подъезжал к Кранцу. В нескольких верстах от курорта он остановил извозчика и вышел к морю, обойдя стороной сельское кладбище, преодолевая дюну и минуя островки бурьяна. Это была дань ритуалу, с той памятной ночи в родных местах, когда, по пути в деревню Рута, сломалось дышло повозки, и пришлось стоять в поле, пока не запел петух. Будущий слагатель баллад испытал тогда смешанное чувство восторга и страха перед иным миром, о котором простой люд рассказывал в сказках и легендах. Это было на заре его любви к Марыле, принесшей с собой почти всё, что приносит человеку жизнь: счастье, вдохновение, славу, страдание, мысли о смерти, упрёки друзей, уколы недоброжелателей.

Весь предыдущий день был отдан дороге. Попрошавшись в Паланге со своими спутниками Каролом и Элеонорой, Мицкевич воспользовался услугами опытного лодочника по прозвищу Вайделот, которого рекомендовал ему один из друзей. Требовалось выйти в море и, не попадаясь на глаза пограничной страже, причалить в Клайпеде. Потом, вместе с тем же спутником и проводником переправиться на Куршскую косу и проехать её насквозь, насыщая своё воображение видами моря, дюн и лесов – до Кранца. А вот куда поедет он дальше, – Мицкевич ещё не знал...

Конечно, это была авантюра, и она несла с собой определённый риск. Четыре месяца назад Мицкевич вышел из тюрьмы, и если бы его чёлн был замечен пограничной стражей, Мицкевича ждали бы серьёзные неприятности. На тот момент не было окончательного судебного решения по его личному делу. Многие друзья были отправлены в ссылку. Томаш Зан, лидер тайного общества, сослан в Сибирь. Но поэт надеялся, что его дорога в Россию не будет такой тяжёлой и утомительной, как у Зана. Мицкевич уже предвкушал встречу с Петербургом, северной столицей русских царей, которую его земляки, бывшие там, называли новым чудом света, сравнивая то с Римом, то с Вавилоном.

Победила, в конечном счёте, природная любознательность и подвижность, которую Малевский, его друг, однажды назвал «невольным принципом перемены мест». Пять лет в планы летних каникул входила поездка в Королевец, но каждый раз она отменялась из-за Марыли. Точнее, из-за Родины и Марыли. Сейчас Марыля потеряна безвозвратно. Терзания, слёзы, мысли о самоубийстве – всё в прошлом. Родина? Нет, Родина ещё не потеряна, но предстоит разлука с ней, долгая и неизбежная. Так куда ж нам плыть?

На этот момент в жизни Мицкевича были две женщины и две любви: Марыля и Каролина, любовь небесная и любовь земная. Это не просто два разных характера, но и два полюса мира, в котором жил Мицкевич. Марыля – олицетворение Родного. Душа родная, с которой у поэта общие чувства и мысли. Марыля родилась, как и Мицкевич, в рождественский сочельник, только годом позже. Второе имя, полученное ею при крещении, Ева, было небесным обещанием того, что она должна принадлежать Адаму. Но то, что соединило небо, разъединили люди. В тёмный февраль, три с половиной года назад, до Мицкевича дошло известие о венчании Марыли с графом Лаврентием Путткамером. А буквально из того же письма Мицкевич узнал о смерти матери. Удар следовал за ударом. Это было в середине учебного года, в Каунасе. Начальство не давало добро на поездку, так что Мицкевич должен был оставаться на месте. Ему тогда казалось, что от него отвернулись все. Расторгнут завет с небесами, нет больше в его жизни ни родных, ни друзей, ни Родины, ни Марыли. Если и была в этом воля неба, о которой говорили священники, то свалившееся несчастье выглядело ошибкой в исчислениях, считавшихся людьми благими и справедливыми. Положение дел, с которым Мицкевич смириться не мог.

Именно в такой тяжёлый момент любовницей Мицкевича стала Каролина. Впрочем, они познакомились уже достаточно давно, со времени приезда Мицкевича в Каунас, но до рокового февраля не были близки. Может быть, Каролина тогда спасла его от отчаяния и даже от попыток свести счёты с жизнью. Но, по небесным установлениям, отношения с этой женщиной были незаконны и греховны. Каролина была супругой местного врача и матерью двух малолетних дочерей. Дочери души не чаяли в Мицкевиче как в старшем товарище, однажды поразив мать заявлением, что больше всего на свете любят пана Адама и домашнего бульдога по кличке Поцелуйчик.

Среди интеллигенции, врачей и учителей, Каролина славилась красотой и пользовалась популярностью. Поклонники называли её даже каунасской Венерой. По городу ходили слухи о тайных романах, и небезосновательные – поскольку муж целыми днями был занят работой, нередко переправляясь по служебным обязанностям на ту сторону реки Неман, иногда проводя на другом берегу по нескольку дней. За годы супружества жена и муж безнадежно охладели друг к другу. Он был поглощён делами медицины. Она, как и многие молодые женщины того времени, увлекалась музыкой и поэзией. Нет ничего удивительного, что она увлеклась и Мицкевичем, молодым поэтом, творения которого так нравились ровесникам, особенно ровесницам. Но муж Каролины, человек почтенного возраста, серьёзный и положительный, не скрывал своего пренебрежения к «рифмоплётству» молодого учителя.

Итак, судьба свела Мицкевича с Каролиной, хотя это было не благое провидение, а злой рок. Они не были родственными душами, многое разнилось в их характерах и симпатиях. Но поразительно сходным было душевное состояние в те месяцы. Каролина и Адам чувствовали себя изгнанниками из мира действительности. Однажды Каролина сказала, что есть особый род скитальческих душ, которых небо вечно отталкивает от всех берегов. Мицкевич хорошо запомнил эти слова. После венчания Марыли и смерти матери Мицкевич готов был поверить в то, что и ему небеса уготовали подобную участь.

Они то уединялись в комнате Каролины, то проводили время в долгих прогулках по живописной долине, которую Мицкевич называл полем Каролины. Старались избегать людных мест, но, естественно, не могли избежать сплетен. Их настигла болезнь презрения, даже ненависти к окружающим. Холодок по тону писем заметили обеспокоенные друзья Мицкевича из Вильно. Но доверительному объяснению мешало расстояние. Кроме того, к нему не был готов сам Мицкевич.

Однажды произошёл скандал, воспринятый и недругами, и друзьями как гром среди ясного неба. Причиной скандала была странная изменчивость Каролины. Проводя часы, а то и дни, наедине с Мицкевичем, она не сторонилась светского образа жизни, предаваясь развлечениям и флирту с молодыми людьми. Возможно, это было её реакцией на раздвоенность Мицкевича, который, встречаясь с Каролиной, в душе всё ещё жил воспоминаниями о далёкой Марыле. Обладая определённым влиянием на Мицкевича, Каролина знакомила его с третьими лицами, навязывая компанию, которой он, откровенно говоря, тяготился. Одной из таких малоприятных фигур был некто Плutowский, потомок шляхетского рода из селения Деровичи. Он прибыл из-за границы и ходил павлином среди земляков, рекомендуя себя не иначе как камергером австрийского двора. К этому фейерверку тщеславия Каролина относилась снисходительно, но видно было невооружённым глазом, как он раздражал Мицкевича. Плutowский платил Мицкевичу ответной антипатией.

И вот однажды, в доме господ Ковальских (такова была замужняя фамилия Каролины), за карточным столом, в присутствии обоих супругов, произошёл взрыв. В тот «исторический» день, 24 марта 1821 года, общение Мицкевича с Плутовским сводилось к обмену колкостями, последствия которых недооценивала Каролина, и которые, по своей привычке, не замечал её муж. Плутовский с неизменным хвастовством рассказывал о том, как он преуспел в Вене, непревзойдённо танцуя мазурку и получая, по его собственному выражению, «на десерт» сердца лучших придворных женщин. Словоизвержения Плутовского резко оборвал Мицкевич. Он заметил, что если австрийцы, как и немцы, имеют обычай онемечивать польские фамилии, то Плутовский с успехом мог бы сменить свою фамилию на «Плут», что, к тому же, было бы недалеко от истины. Плутовский вспыхнул. Срываясь на крик, он ответил, что фамилия «Плут» как нельзя лучше подходит самому Мицкевичу, ибо он плутует при раздаче карт. Мицкевич дал пощёчину. Завязалась драка, и Плутовский упал, подвернув ногу. В руках Мицкевича вдруг оказался медный подсвечник. Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы Каролина, придя в себя после оцепенения, не бросилась между врагами.

Но поверженного Плутовского прорвало. «Бедный доктор, – крикнул он остолбеневшему Ковальскому, – Вы и не догадываетесь, когда ездите по делам, что этот плут тайком ходит к вашей супруге! Угадайте, по какому такому делу... Да что тут гадать, об этом весь город знает!». Доктор был так шокирован потасовкой гостей, что до него не сразу дошёл смысл слов Плутовского. Только на следующее утро, оправившись от потрясения, он отослал Мицкевичу письмо, в котором потребовал объяснений. Замаячил призрак дуэли. Теоретически Мицкевич мог ожидать вызова и от Плутовского, что осложнило бы и без того опасную ситуацию, но последний молчал. Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы друзья Мицкевича, Зан и Чечот, почуяв неладное, не приехали в Каунас. По приезде у них были долгие, обстоятельные разговоры с Мицкевичем и Ковальским. Они хотели поговорить и с Плутовским, но после инцидента того и след простыл. Согласно условиям мировой, Мицкевич принёс доктору извинения за недостойное поведение. Естественно, Мицкевич перестал бывать дома у Ковальских.

Единственным местом тайных встреч оставалась на ту весну зеленеющая долина, которую Мицкевич называл полем Каролины. После скандала в доме Ковальских Мицкевич потихоньку приходил в себя. На его душевное состояние благоприятно подействовало неожиданное исчезновение Плутовского. К сожалению, того же нельзя было сказать о Каролине. Обстановка в доме становилась всё более напряжённой. Со стороны мужа сыпались обвинения, что разгульная жизнь матери служит плохим примером для дочерей. Каролина была на грани нервного срыва и даже уговаривала Мицкевича бежать. Мицкевич в ответ призывал к рассудительности и напоминал о долге матери. Впоследствии Каролина будет с благодарностью вспоминать за это Адама. Тридцать четыре года спустя, за несколько дней до кончины, она скажет родным, что признательна Мицкевичу за то, что в тяжёлые времена тот укреплял силу её духа. И это были не просто слова.

Каролина могла убежать от мужа. С первого года знакомства она рассказывала Мицкевичу о родных местах. Старше Мицкевича на три года, она родилась под Королевцем. Отец её, Адольф Вагнер, был местный владелец книжной лавки, мать – обедневшая шляхтянка из Литвы. Каролина обвенчалась со студентом медицины Юзефом Ковальским. После того, как он окончил университет, Каролина последовала за мужем, в Каунас, и в течение двух лет у них родились дочери – Уршуля и Анна.

Дальними предками Каролины по отцовской линии были пруссы, исконные жители тех земель. Каролина рассказывала Мицкевичу о храбром вожде Геркусе Манто, жившем в XIII веке. Получив немецкое воспитание и пройдя обряд крещения, он обратил, в конце концов, оружие против тевтонов, стал предводителем восстания и был убит в одном из сражений. Немцы называли его предателем, но в памяти пруссов он остался национальным героем. Запомнилась Мицкевичу другая история – о любви тевтонского рыцаря Вальтера и литовской княжны Анны. Вальтер был крестоносцем, участвовавшим в посольской миссии магистра Тевтонского ордена к великому князю литовскому. Наслушавшись рассказов чужеземного гостя о вере Христовой, о битвах, странствиях, о диковинных обычаях дальних стран, Анна решила на бегство из дома и, приехав вместе с Вальтером в тевтонские земли, крестилась. Но потом её избранника ждали новые подвиги, и дольше оставаться с Анной он не мог. По совету старших братьев и товарищей по оружию, он заточил Анну в монастырь, где она и провела долгие годы жизни. Эта история вызывала у Каролины смутные аналогии с судьбой её матери...

Каролину всегда влекло море, с которым она духовно сроднилась ещё с детских лет. Почти каждое лето она ездила с детьми на воды в Кранц, королевский курорт, уже несколько лет пользовавшийся известностью по всей Пруссии и в соседних землях. Она хотела увлечь за собой и Мицкевича, маня его воображение морскими пейзажами. Мицкевич уже готов был поддаться уговорам, но вдруг переменил решение. Конечно, он не мог провести целый год в разлуке с Родиной и Марылей, поэтому поехал тем летом совсем в другую сторону. Когда Каролина в расстроенных чувствах подговаривала Мицкевича бежать, это на него не подействовало, и тем летом он снова поехал на Родину. Непонятно зачем, он искал встречи с Марылей. То же самое повторилось через год и через два.

Потом была роковая надпись ученика на гимназической доске¹, аресты, тюрьма, следствие, ссылки. Жизнь Мицкевича наполнилась другими событиями. После выхода из заключения, летом 1824 года, ему так и не довелось встретиться с Каролиной. Зато он воспользовался приглашением Кароля Нелавицкого, знакомого ему помещика Каунасской губернии. В обществе его и юной Элеоноры (приходившейся Каролу невесткой, т. е. женой брата) Мицкевич поехал в Палангу. Перед отъездом он с восторгом писал Малевскому о величественных картинах моря, которыми заранее наполнялось его воображение. Но в глубочайшей тайне он вынашивал идею побега в Кранц, надеясь на новую встречу с Каролиной...

И вот, в нескольких верстах от Кранца, обойдя кладбище и минуя острова бурьяна, Мицкевич вышел к морю. Вайделот, суровый и немногословный старик малого роста, остался в кибитке вместе с извозчиком. Вчера на Куршской косе Мицкевич пару раз заговаривал с Вайделотом, в основном, на дорожные темы. Но однажды произошёл отвлечённый разговор. Это было ближе к вечеру. Всматриваясь, как блуждающие дюны немилосердно наступают на леса, засыпая рыбацью деревню, Мицкевич вспомнил стихотворение литовского поэта, бывшего в то время профессором университета в Королевце. «Время своим всемогущим перстом свергает в запустение поля, превращает замки в руины», – произнёс Мицкевич вслух. «Нет, не время, сынок», – неожиданно отозвался Вайделот. Они стояли на холме. По одну сторону виднелся краешек безмятежного залива, по другую бушевало Балтийское море, а перед глазами раскинулась пустыня, прерываемая редкими островками зелени. «Совсем как море», – подумалось Мицкевичу. «Не время повинно в смерти полей и лесов, замков и сёл», – минуту помолчав, повторил Вайделот. И показал рукой на набегающие валы моря: «Морская гидра извергает из пасти несчётные волны песка, которые покрывают, словно саваном, прибрежные луга. Тщетно зелёные росточки пытаются пробиться сквозь песок. Вал за валом, лавина за лавиной, и нет уже зелени, кругом одна пустыня – от моря до залива... Мне говорили друзья, ты пишешь стихи, может, разгадаешь смысл моей притчи. Так вот: зелень, покрытая саваном – это мы, литовцы и бедные наши братья, пруссы, а волны песка – воинственные тевтоны, которые когда-то опустошили нашу землю. Так что не время и не песок забвения, не прав твой пиит. Идёт война между морем и сушей. И так будет ещё сотни лет». Вайделот умолк. Казалось, в воцарившейся тишине можно было услышать полёт журавлей в небе. Всю оставшуюся дорогу из памяти Мицкевича не выходили слова Вайделота. Над ними он размышлял и сейчас, в нескольких верстах от Кранца, приближаясь к берегу моря.

Море было спокойнее, чем вчера на Куршской косе. Вдали мелькали ярко-красные точки домиков Кранца. Мицкевич наблюдал, как накатывает волна за волной, выбрасывая на берег мелкие разноцветные камешки, и в памяти его воскресли образы отличные от тех, которые внушил ему накануне Вайделот.

За день до отъезда из Паланги, примерно в такую же погоду, Мицкевич прогуливался в обществе Элеоноры. Элеонора бродила вдоль берега, ища среди подобного разноцветья драгоценные камни. Солнце освещало берег, изредка заходя за облака. Вот Элеонора приблизилась к Мицкевичу. «Что-то не попадают мне ни перлы, ни кораллы, пан Адам, – пожаловалась она Мицкевичу. – Наверное, море, как женщина, собирает драгоценности, пряча их в шкатулку лазури. И выбрасывает на берег мелкие камешки». «Вы, сами не зная того, создаёте стихотворение в прозе, пани Элеонора». «Может быть... Только я предпочитаю стихи в стихах, правда, не умею их сочинять... Ну, так о чём это я? Да, забытые морем, камешки лежат в песке, неслучайно говорят: песок забвения». «Превосходно!», – воскликнул Адам. «Могли бы Вы сочинить стихотворение на эту тему? Говорят, Вы непревзойдённый импровизатор». Минуту подумав, Мицкевич продекламировал:

¹ Речь идёт о надписи ученика пятого класса виленской гимназии Михала Плятера: «Да здравствует конституция 3 мая!», вызвавшей волну арестов и громкий процесс по делу «филоматов»-«филаретов».

Блажен, кто в памяти души твоей потонет,
Как жемчуг иль коралл, который навсегда
На лоне девственном так бережно хоронит
В лазури волн своих балтийская вода.

Но я, как камешек, который не сравнится
Сияньем с жемчугом, с коралла красотой,
Хотел бы поиграть, хоть миг один, с волной,
А там уж и в песок забвенья погрузиться...¹

Произнеся последнюю строку, Мицкевич поднял с песка маленький камешек и вручил его Элеоноре. «Какое красивое стихотворение! – восхитилась она. – Это сонет? Запишите его, пожалуйста, в мой альбом». «С удовольствием, – сказал Мицкевич. – Но, к сожалению, это не сонет, а восьмистишие. Когда мы с вами найдём перл или коралл, обещаю, по случаю находки, сонет». «“Блажен, кто в памяти потонет”, – задумалась Элеонора. – Знаете, пан Адам, у Вас получилось довольно грустное стихотворение. Оно напоминает о смерти...».

Теперь, сравнивая этот разговор со словами Вайделота, Мицкевич думал о том, как хорошо читать книгу моря. Сколько мудрости можно почерпнуть, читая её одновременно с книгой своей души. Что касается невольной мысли о смерти, то Элеонора, конечно, была права. Подобные мысли на протяжении всей поездки преследовали Мицкевича.

Со стороны Кранца навстречу Мицкевичу шла девушка. Идя вдоль берега, она рассматривала камешки, выбрасываемые морем. Приблизившись к ней, Мицкевич вдруг узнал Каролину. Но, ускорив шаг и почти поравнявшись, понял, что ошибся:

– Пастушка... – прошептал он.

В самом деле, это была не Каролина. Перед Мицкевичем стояла Йозефа, племянница Каролины, по прозвищу «Пастушка». Жила она в Королевце. Четыре года назад, когда ей было четырнадцать лет, Йозефа гостила у тётушки в Каунасе и познакомилась там с Мицкевичем. Голубоглазая, в простом белом платье, весёлая и подвижная, – такой она ему запомнилась. Выйдя замуж, она изменилась и теперь напоминала Каролину. Но по глазам Йозефу ни с кем нельзя было спутать.

Вот как она получила прозвище «Пастушка». Однажды у Мицкевича гостил его друг Антоний Одынец. Вместе они были у Ковальских, которые повезли их за город, где у супругов был небольшой надел земли. В саду друзья увидели следующую картину: перед молодой девушкой стояли маленькие дочери Каролины, которых она попеременно кормила морковью. А в левой руке девушка держала пучок соломы, с помощью которого она отгоняла от кузинок докучливых насекомых. В ногах у неё и детей сновала домашняя птица.

Красота девушки так впечатлила Одынца, что он решил незамедлительно блеснуть поэтической импровизацией.

– О, нимфа, – поклонившись, воскликнул он. – Счастливы дети, над которыми Вы держите это чудесное опахало, одновременно питая их из рога изобилия!

– Я не нимфа, – скромно ответила девушка. – А это не рог изобилия, а простая морковка. И если Вы действительно восхищены мной, то, пожалуйста, загоните гусей в хлев.

Одынец был озадачен столь прозаической реакцией на возвышенную попытку ухаживания. Позже, излагая подробности этой забавной встречи, он восклицал: «Я думал, что встретил нимфу, а это оказалась пастушка, загоняющая в хлев гусей!»

Теперь Йозефа, уже ничем не напоминавшая пастушку, предстала перед Мицкевичем. Последний не мог удержаться от комплимента:

– Вы неизменно прекрасны. На сей раз мой друг Антоний назвал бы Вас сошедшей на берег морской нимфой.

– Какая радостная встреча, пан Адам! И какая неожиданность! Мы так волновались, когда дошли слухи о Вашем аресте! Помните, Каролина звала Вас к нам в гости! А как она по Вас скучала!

– Каролина в Кранце?

– Нет. Неделю назад мы похоронили дедушку Альфа, её отца. Сейчас она в Королевце. А я у моря с её детьми.

¹ Перевод Н. П. Семёнова

Мицкевич принёс соболезнования. Волна накатывала за волной, то выбрасывая камешки на берег, то увлекая их за собой.

– Вы надолго к нам, пан Адам?

– Нет, Пастушка. Я пошёл на большой риск, чтобы встретиться с Каролиной. Но если я поеду дальше, моё отсутствие заметят. Не хочу разрывать связи с Родиной. Да и Каролине, думаю, не до встреч.

– Это правда, сейчас она стремится к уединению. Что слышно у пана Антония?

– Его освободили. Как и всем нам, ему запрещено жить на родине. Он говорит, что поедет в Варшаву. Будет по-прежнему писать стихи. Планирует создать журнал.

– Передайте ему привет от Пастушки. А что с Вами?

– Думаю, в ближайшие месяцы я поеду в Петербург. Скоро буду далеко отсюда. Когда вернусь, не знаю. Скажите Каролине, что я буду о ней помнить. И передайте ей от меня письмо.

Они шли вдоль берега и вели беседу. Йозефа рассказывала о смерти и похоронах дедушки, о том, что год назад вышла замуж за прусского офицера. Мицкевич – об арестах и ссылках друзей, о предстоящей долгой дороге. Йозефа воспользовалась приглашением Мицкевича доехать до Кранца. Минут через десять они были на месте. «Кранц... – подумалось Мицкевичу. – Это немецкое название. Даже не знаю, как правильно склонять его – Кранца или Кранцу. Впрочем, нам, славянам, оно не чужое. Мы говорим ведь: оказаться на краю»¹. Таким краем земли представлялся Мицкевичу Кранц.

Зайдя в гостиницу, Мицкевич сказал Вайделоту: «Завтра домой». Поэт не догадывался, что оставшуюся часть жизни он проведёт вдали от дома, в скитаниях. А сегодня, ясным вечером 15 августа 1824 года, в гостиничном покое знаменитого прусского курорта, Мицкевич писал прощальное письмо Каролине. Его взгляд упал на взятый в дорогу томик драматических произведений Шиллера, подаренный Каролиной. Мицкевич раскрыл его там, где лежала закладка, и перечитал выделенное место. Это был монолог дона Карлоса, обращённый к маркизу Поэ. «Два враждебных светила», – проговорил он. Нет, многое не подходит к истории его взаимоотношений с Каролиной Ковальской. Впрочем, правдой этих слов было сходство судеб его и Каролины. Они шли по противоположным, предначертанным им орбитам, и ничего изменить в них не могли. Вот они сошлись, но, слава Богу, так и не столкнувшись, миновали друг друга. Может быть, встретятся и ещё, но только очень нескоро.

Эти вечерние размышления Мицкевич мгновенно облёк в стихи, обращённые к Каролине. Вот они:

Оба смотрели мы в стороны разные,
В разных мирах жили оба; нам виделись
Разные сны, иногда неотвязные...
Милая, как же с тобою мы сблизились?

Мы, словно звёзды по виду различные,
В разные стороны плыть обречённые,
В мире носились, свершая обычное
Шествие; пристани мирной лишённые,

Вечных изгнанников ждёт лишь гонение.
К худу ль, к добру ль, – всё зависит от случая,
Сблизит нас вновь ко всему отвращение,
Свяжет нас дружески ненависть жгучая².

На следующее утро, выезжая из Кранца, Мицкевич думал о том, что предпринятая им поездка стала одной из самых бесцельных и безысходных в его жизни. Однако, несмотря на отсутствие видимого исхода, был в ней свой, не до конца осознаваемый им метафизический смысл, и он ложился тенью на все последующие события его жизни. Мицкевич ступил на чужую землю, перейдя границу, зайдя за край.

Прощаясь с Кранцем, он сказал Вайделоту:

– В путь! Никто не позовёт...

Слова, которые, спустя годы, станут его жизненным девизом.

¹ Мицкевич имеет в виду похожее на «Кранц» польское слово «kraniec». «Na krańcu» – «на краю» (польск.).

² Перевод Д.Д. Минаева.

Калининградские берега

Александр Андрееenko

Александр Андрееenko родился 5 октября 1952 года в городе Ставрополе Куйбышевской области. Поэт, прозаик, переводчик. Окончил Калининградский государственный университет в 1975 году. Филолог. Долгое время преподавал русский язык и литературу в средней школе №46

(г. Калининград). Состоял в литературном объединении «Балтийские зори» (г. Зеленоградск). Был редактором альманаха этого объединения. Печатался в различных сборниках, журналах. Издал три книги стихов, повестей и рассказов. Член Союза свободных писателей России. В настоящее время живёт и трудится в г. Липецке

Урок дорог

1

Извечною романтикою строгой
Овеян дерзких путешествий след,
А подвиги давно минувших лет
Хранят «преданья старины глубокой».
Увы! – неумолимой волей рока
Немало в Лету кануло побед,
И бунтарей уже на свете нет,
Чей гордый век окончился до срока.
Но помнить должно в повседневном быте
Тех и других вершителей событий,
Которых удержать не смела Веста.
Кто ветром странствий опалён хоть раз,
Тот яростно бросался в неизвестность
С утра и днём, и в полуночный час.

2

С утра и днём и в полуночный час
С неумолимой жаждой благородной
Я рвался в мир загадочно-свободный,
И этот пыл с годами не угас.
Теперь могу отметить без прикрас,
Что мой порыв не миновал бесплодно:
Я странствовал и много, и охотно –
Мальчишечья мечта моя сбылась.
Пусть мой багаж дорожных впечатлений
Далёк от настоящих приключений -
Я фактом сим не удручён нимало.
В простейших ситуациях подчас
Дорога на характер проверяла
Со сдержанной, но властной силой нас.

3

Со сдержанной, но властной силой нас
Уводят неизведанные тропы.
И не страшат сибирские сугробы,
И горы чешские штурмует мой пегас.
Конечно, эти склоны не Парнас,
Но здесь найдётся яркий, звонкий образ.
Его повсюду без трудов особых
Поэта зоркий распознает глаз.
Возможно, в будущем находку эту
Вплету строкою в мой венок сонетов –
С весёлой чертовщинкою в глазах.
Под вальс, что написал Евгений Дога,
Хватаю свой потрёпанный рюкзак:
Влечёт к себе далёкая дорога.

4

Влечёт к себе далёкая дорога!
Вот мрачный Ледовитый океан.
Вот Холмс идёт сквозь лондонский туман.
Вот Монте-Карло в роскоши порока.
Тоской обуреваемы высокой,
Привету чуждому заморских стран
Мы не дадим себя ввести в обман:
Спешим домой – хоть с Юга, хоть с Востока.
Пускай там лучше и порой теплей –
Любому страннику свой край милей.
Путей скрещения – не карнавал.
В стремнине авантюрного потока
Не каждый одиссею завершал
У милого отцовского порога.

5

У милого отцовского порога
Оставив душный «грошевой уют»,
В моря, где бури бешено поют,
Пускались предки на ладье убогой.
Противясь удушающему смогу,
По их стопам праправнуки пойдут
И, кругосветный совершив маршрут,
Тропинки звёздные освоить смогут.
Их вклад любой, насколько б ни был мал –
Пусть безымянный – даром не пропал.
У самых несгибаемых героев
Не безграничен стойкости запас –
Все грезили целительным покоем,
Устав на виражах гудящих трасс.

6

Устав на виражах гудящих трасс
(А их и впереди ещё немало),
Прервёмся для короткого привала:
Я предлагаю шуточный рассказ.
Девчушка, плача у билетных касс,
На все расспросы горько отвечала:
– Я к поезду минуткой опоздала.
– Не плачь, малышка, это ж не на час!
В судьбе людской такое постоянно:
Досадный миг и – рушатся все планы,
А жизнь и так сурово быстротечна.
И я использую малейший шанс,
Чтоб насладиться отдыхом беспечно,
То нежась, то рифмуя на заказ.

7

То нежась, то рифмуя на заказ,
В объятиях блаженно-мудрой лени,
Облокотясь бездумно о колени,
Я в бытовом болоте не увяз.
Натура к беспредельности рвалась.
И вот, презрев постыдные сомненья,
С таким томительным сердцебиеньем
Я строчек путевых сплетаю вязь.
Я блеском сувенирным не прельщаюсь –
Сюжетной россыпью обогащаюсь
И не страшусь того, что впереди.
Но досаждают смутная тревога:
Мне кажется порою, что в пути
Я времени провёл не так уж много.

8

Я времени провёл не так уж много
В пути или дома? Трудно дать отчёт:

У каждого особенный отсчёт,
Своя оценка личного итога.
Я бережно шлифую грани слога.
Пока мне в этом, кажется, везёт.
Очередной замыслив эпизод,
Всё чётче вижу контур эпилога.
И мне возможность посмотреть на мир
Ценней стократ, чем броский сувенир –
Желаю с некой гордостью сказать.
В любое время при любой погоде
Не устаю о странствия мечтать,
Хоть я давно уже не молод, вроде.

9

Хоть я давно уже не молод, вроде,
Не думаю, что на покой пора.
Михайловское в Пушкинских горах
Онегина с печальной Таней сводит.
Над Соротью поэта призрак бродит.
Тончайшей сканью, звоном серебра
Струятся рифмы из его пера.
И дух Словесности царит в природе.
А монастырский святогорский звон
Пророка чуткий не тревожит сон.
Я бесконечно мог бы здесь стоять
«Великий гений не подвластен моде!» –
Я бесконечно мог бы повторять,
Но страсть открытий личных не проходит.

10

Но страсть открытий личных не проходит:
Порыв могучий к перемене мест
Меня уносит в легендарный Брест –
Первопроходцем в некотором роде.
Здесь горстка смельчаков стояла против
Армады, что сметала всё окрест.
Солдаты с честью пронесли свой крест.
Об этом память не умрёт в народе.
Весь гарнизон через кровавый гул
Из крепости в бессмертие шагнул.
Мы голову пред павшими склоняем.
Мы постигаем героизма суть,
Но век не ждёт, но время подгоняет,
И я опять пускаюсь в долгий путь

11

И я опять пускаюсь в долгий путь:
Вот я в ином святилище – в Тарханах –
Стою, свободный от житейских пут.
В усадьбе – барский обмелевший пруд.
За ним видна «желтеющая нива»
И ветерок беспечный шаловливо

Проносится волнами там и тут.
Восторг, что здесь испытываешь, разве
Сравнить возможно с тем, что на Кавказе?
Там суета и южный пёстрый шум.
Там трепет сердца ощутим не очень.
... Простите, Лермонтов, я ухожу –
Затем, чтоб новый мир познать воочью.

12

Затем, чтоб новый мир познать воочью,
Я навестил сожжённую Хатынь –
Одну из самых горестных святынь,
Где бьют колокола и днём, и ночью.
И сердце гневом праведным клокочет,
И гарью заволакивает синь,
Из пламени взывают мать и сын,
И стал свинцовым ритм сонетных строчек.
Чуть слышно звоны медные скорбят,
Но звук их оглушает, как набат,
И округ тяжкой болью растревожен.
Не оставаясь в траурном плену,
Давайте прожитое подытожим,
Чтоб лишний раз в глаза себе взглянуть.

13

Чтоб лишний раз в глаза себе взглянуть,
Достаточно бывает и мгновенья.

Я в Трептов-парке. Здесь иным волнением,
Иными чувствами сжимает грудь.
Высокая, торжественная грусть
Окутала гранитные аллеи,
Как символ непокорных поколений,
Осиливших жестокий ратный груз.
Застыл в скульптуре, сдержанно-спокоен,
Простой до святости советский воин,
Далёкий от тактических затей.
Над хламом гороскопов и пророчеств
Он в бой вступал, конечно, не затем,
Чтоб лишний раз провериться на прочность.

14

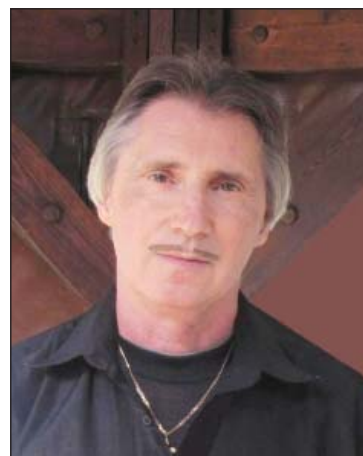
Чтоб лишний раз провериться на прочность,
Ужель на скалы непременно лезть?
Внизу таких возможностей не счесть –
Ущелья отдыхают – это точно.
Куда важнее нравственная точка!
Когда внутри опора эта есть,
Ты совесть сохранишь свою и честь
И не заблудишься в кругу порочном.
Но мой читатель, видимо, устал?
Что ж – вместе одолеем магистрал –
И этим нашу встречу завершим.
Прощальный штрих – с симпатией глубокой:
Успехов каждому, кто одержим
Извечною романтикою строгой.

Калининградские берега

Валерий Батрушевич

Родился в Кемерово. Имеет высшее образование. Его стихия – стихи. И пишет их потому, что ему нравится всякая хорошая поэзия, и прежде всего – талантливая! Он автор двух поэтических сборников. Член литературных объединений «Балтийские зори» и «Родник»

ГЛУПАЯ КОШКА

Под вечер стих безумный ветер,
И сумасшедший дождь прошёл,
И на уснувшем белом свете,
Как прежде стало хорошо.
Хрустальные роня слёзы,
Не слыша их печальный звон,
Стоит плакучая берёза,
В глубокий погрузившись сон.
И ясень в неприглядном мраке
Спокойно спит, хотя промок,
И так шумевшие собаки,
Похоже, спят без задних ног.
Не спится только глупой кошке,
С тех пор, как пронеслась гроза,
Напротив, в крошечном окошке,
Горят зелёные глаза.

ЕЩЁ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ

Травка зеленеет,
Солнышко блестит...

А. Н. Плещеев.

Солнце вновь светит ярко и ласково,
Молодая листва шелестит,
Может быть, ещё несколько ласточек
Мимо окон моих пролетит.

И, возможно, мне, больше не ждущему
Ничего в грешной жизни моей,
Будет Богом случайно отпущено
Ещё несколько солнечных дней.

Верить в Бога другим не советую,
Да и мне эта блажь – ни к чему,
Но за дни эти, солнцем согретые,
Как же я благодарен Ему.

ЧАЙКА

Над морем осенним печальным,
Над серой холодной волной
Парит белокрылая чайка,
Не зная печали земной.

Потом опустившись неспешно
На влажный валун вдалеке,
Рисует цепочки потешных
Следов на прибрежном песке.

Рисует довольно небрежно —
Посредственны птичьи труды,
А море стирает прилежно
Абстрактных рисунков следы...

ДОРОЖЕ ВСЕГО

Я не знаю её совершенно,
Но она мне дороже всего,
О таких говорят откровенно,
Что она – не от мира сего.

Знаю точно уже, что согласна,
Но глаза её, полные слёз,
Так невинны, нежны и прекрасны,
Что обнять её страшно всерьёз.

Губ касаюсь её осторожно —
Неземная, воздушная вся...
И обидеть её невозможно,
И совсем не обидеть нельзя.

РАЗУМНАЯ ЖИЗНЬ

Известно всем из интернета
И из газетных новостей:
Открыта новая планета
И жизнь разумная на ней.

Там власть неглупая, как будто,
И процветающий народ,
Войны не зная абсолютно,
В раю, практически, живёт.

При нашей глупости нетленной
Так радуется благая весть,
Что где-то в солнечной Вселенной
Нормальный разум всё же есть!..

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Как старый фонарь бутафорский
Весеннее солнце искрится,
Из командировки заморской
Вернулись усталые птицы.

Шкодливо шмыгнув из окошка,
Как шустрый шпион на задание,
По крыше пушистая кошка
Бесшумно спешит на свиданье.

Слегка прибалдевшие мухи
На солнце устроились тихо,
И солнечный зайчик безухий
Бесхвостую ищет зайчиху...

ПАРАЛЛЕЛИ

*А мы – две параллельных линии,
Что по Эвклидовой теории
В пространстве не пересекаются...*

В этой жизни – такой сумасшедшей
И, как многим известно, – бесцельной,
Ты осталась в далёком прошлом,
Хотя где-то живёшь параллельно.

Столько лет пролетело безумных,
Но, шагая с попутной толпой,
Я надеюсь на улицах шумных
На случайную встречу с тобою.

И, храня эту страшную тайну,
Как ключи от грядущего рая,
Я тебя, если встречу случайно,
То, скорее всего – не узнаю.

Прав был древний Эвклид беспредельно,
Лобачевский ошибся безбожно:
Если пара прямых параллельна,
Встреча их вообще не возможна.

Калининградские берега

о. Игорь Дюкарев

Православный священник храма в честь Святого благоверного князя Александра Невского г. Калининграда. Родился в 1982 году в Калининграде.

Любимые занятия: общение с людьми и чтение книг. Живу и служу в родном городе. Жизненное кредо: Слава Богу за все!

* * *

В церковной тишине не чувствуется боли,
лишений и разлуки собственной судьбы,
пока горит свеча в таинственной юдоли,
благословляя мир на светлые мечты.

Я помолюсь душой, родня её с Всевышним,
и в сердце изольётся с неба благодать,
и суета сует окажется излишней,
и будет над землёю Истина сиять.

И мы уже не станем спорить понапрасну,
идти, не зная цели нашего пути,
очерчивая жизнь божественно прекрасным,
мы обратимся к вере, свету и любви.

* * *

Душа страдает оттого,
что нет на свете человека,
который мог бы всю её
наполнить сладостью рассвета.

Но есть на свете Дух Святой,
роднящий сердце с небесами.
Ему душа отдалась вся,
вся без остатка и печали.

ПОЭТУ

Не печалься, когда не найдёшь
ты какой-нибудь нужной вещицы,
если будет в душе твоей дождь,
обратись к своей старой сестрице.

Ты возьми белый лист и пиши
то, что Муза диктует бумаге.
Вот тогда и поймёшь, как в тиши
появляются дивные саги.

И развеется сразу печаль,
застучит от волнения сердце,
оттого, что заложенный дар
оставляешь потомкам в наследство.

* * *

Бывает и Небесный Свет
тебя Собою озаряет,
хотя ты вовсе не аскет,
и горный мир не привлекает.

Такое чудо – Божий дар,
и нужно за него цепляться,
иначе жизнь сплошной базар,
в котором можно потеряться.

* * *

Дождь идёт. На небе – туча.
Птица ходит по траве.
В каждом звуке – цепь созвучий
у природы на заре.

Пробуждается с рассветом,
снова в жизненных делах,
вновь сияет ярким светом
в наших заспанных глазах.

Мы любимся всем этим,
этой сказкой на заре,
этим утренним приветом,
даром Бога на земле!

* * *

Кто придумал тебя,
голубая планета?
Может быть, ты сама
вдруг возникла из света?

Может быть, ты стрела
и летишь в чью-то точку?
Кто твой лучник, Земля,
или ты в одиночку?

Кто придумал закон-
в смысле вечного круга?
Почему мы живём,
заслоня друг друга?

Почему мир таков:
слишком глуп и беспечен?
Есть ли сила у слов,
или звук их конечен?

Есть ли смысл в мечте
или в ней только глупость?
Что поможет душе:
красота или мудрость?

Что поможет другим
обрести свою веру?
Бог ли выдумал мир?
Я не знаю, но верю.

МОНАХУ

Ты не лучше других, ты проще:
и в движениях, и во взгляде.
Ты – огонь той духовной мощи,
что горит меж Творцом и нами.

Ты живешь по законам Неба,
а таким на земле не просто,
может быть, твоя жизнь и вера,
но скорее, она геройство.

Нет, ты вовсе не чужестранец,
в нашем мире таких немало.
Ты в пустыне земной – скиталец,
соискатель Святого Дара.

Ты молитвой спасаешь души
тех людей, что грешат в дороге.
Ты не лучше других, не хуже,
просто ты не забыл о Боге.

О ЖИЗНИ

Мы делаем вид, что живём.
На самом-то деле, мы дышим.
Мы каждое утро встаём
и каждую ночь вновь не слышим.

Вся жизнь – бесконечный процесс,
процесс восприятия мира:
беседы, прогулки, ряд встреч,
восторги от сладкого мига.

Мы делаем вид, что живём.
На самом-то деле – играем.
Пока сердце дышит – поём.
Устав от забот – отдыхаем.

Нам жизнь представляется сном
на фоне таинственной яви,
но мы, как ни странно, живём,
пытаясь понять, кто мы сами.

* * *

Все заботы на плаху.
Свою жизнь, как рубаху,
распахнув, я иду не спеша.

Моя жизнь не потеха,
дозревает орехом:
плод созрел, и раскол на века.

Ах, какая же мука!
Делать вид, что разлука
не страшит, не тревожит ничуть...

Если жить – то по Богу,
если петь – понемногу.
Каждый ближнему – брат и сестра.

Дайте Небо в объятья,
чтобы мог целовать я
всех живущих и живших, любя!

Берега Новороссии

Иван Донецкий

Иван Донецкий родился в 1957 году в городе Сталино УССР. По профессии врач-психиатр. Автор рассказов, очерков, пьес. Член СП ДНР. Публиковался в периодических изданиях и сборниках России, ЛНР, ДНР. Живёт и работает в Донецке.

Киса

Рассказ

Мы взяли её летом двухтысячного, когда младшенькой было шесть. Она поймала простенькую, четырёхцветную кошечку, которая бегала, хвост трубой, с беспризорными братьями и сёстрами. Возраст котят хозяева знали приблизительно. Дочка то ловила их, то отпускала, то снова ловила, и каждый раз попадался один и тот же, видимо, самый слабый котёнок. К отъезду он уже привык к тёплой и ласковой неволе, а она пела ему песенки и на слова: «Отпусти кису, мы уезжаем», – испуганно попяtilась, прижимая котёнка к груди. Глазёнки вмиг наполнились слезами. Котёнок покрутил головой, отряхиваясь. Слышать детский плач подвыпившая компания кошатников (как оказалось) не желала и надела на меня, как Третий рейх на Францию. Согласие заскользило по хмельному благодущию и, поставив жене и дочери условие: «Вы убираете за ним», – я красиво и быстро, по-французски, капитулировал и даже выпил за котёнка, нашедшего дом и хозяев.

Всю дорогу из Амвросиевки в Донецк котёнок спал на руках у ребёнка. Дома я наполнил обувную коробку песком, капнул мочи для запаха и поставил рядом с унитазом. Через полчаса с удивлением увидел на песке следы лапок. Кошечка оказалась умной, но на выдуманные детьми имена: «Клеопатра, Клео, Царица, Белоснежка», – не поворачивалась. Так ни одно имя к ней и не пристало. Между собой мы её звали «Киса», а подзывали – «кис-кис». На зов она шла лениво, словно делая одолжение, по ниточке, как на подиуме, выкладывая перед собою беленькие лапки. Ела, как балерина, ровно столько, сколько нужно, чтобы оставаться стройной и сильной. От любых кушаний, даже от любимой печени, отворачивалась и уходила, съев положенное. Кем положено – ни разу не обмолвилась. Иногда к недоеденному возвращалась через время, но чаще оставленное засыхало и шло в мусор. Сметану и молоко могла понюхать и отойти, вынуждая меня задуматься, с опозданием, о качестве съеденного. Удивляло в ней – отсутствие животной жадности.

Обстрелы четырнадцатого года мы переживали вместе. Детей в июне я срочно отправил в Крым, отдав им все деньги, а жену в августе, после того, как их роддом закрыли, еле уговорил уехать без меня. Я не помню, чтобы Киса вздрагивала от взрывов, хотя была пуглива, от гостей пряталась под диван, из-под которого осторожно вылезала, только когда шаги последнего оккупанта затихали. В её счастливом мире не было ни Украины, ни войны, ни меня. Что-то, конечно, было, но что, я никогда не узнаю. Свет ей был не нужен, а неделю без воды она проживала не замечая. Я боялся обстрелов, переживал о мясе, пускающем кровавую жижу в морозилке, придумал систему экономии воды. Помню в безводный период, проходя мимо туалета, обругал Кису, но, осознав наш общий грех, мысленно извинился перед ней и вспомнил детей. Обычно они на коленях извинялись, бережно держа её мордочку, смотря в глаза, когда наступали на хвост. Киса редко принимала извинения. Обстрелы заставляли дорожить каждой мелочью в квартире, каждым воспоминанием. Тоска о жене и детях, которых, возможно, уже не увижу, наполняли душу незнакомым ранее чувством. Извинившись перед Кисой, я вспомнил причину бегства жены и детей из родного города, представил, что никогда их уже не увижу, и тёплое чувство остыло, превратилось в чувство с каким, видимо, убивают людей, виновных в такой горе. Киса мурчала, а я лежал на пустом супружеском ложе, считал прилёты, радовался, что мимо, и читал «Войну и мир» при свете карманного фонаря. В то

лето я перечёл лучшее из написанного о войне на русском, стал с трудом понимать английский и с отвращением украинский. Каждый день боялся – не дочитать, не досмотреть, не дописать! Дрожащими руками крапал послания миру, бросал в волны интернета и думал: «Теперь уже можно...» Что «можно», старался не проговаривать даже в уме, чтоб не наклеить беду. Осень четырнадцатого, непрерывные обстрелы наполнили душу холодным, спокойным презрением ко всем болтунам, «освещающим трагедию Донбасса». Что-то гнусное чувствовал я в поведении мужчин, которые бегают с камерами вокруг кричащей под насильником женщины. Сердцем чувствовал и, вопреки доводам разума, чувствую и сейчас.

Весной шестнадцатого, когда обстрелы сползли на окраины, нащупал у Кисы на животе опухоль, ближе к передней левой лапке, округлую, не спаянную с подлежащими тканями и безболезненную. Подумал, что липома и успокоился.

А в октябре этого же года к нам в больницу нагрязнуло новорождённое КРУ. Кучка молодых, малограмотных оболтусов допрашивала медсестёр, с которыми я пережил лето и осень четырнадцатого, и грозила им уголовной ответственностью за копеечные излишки и недостатки. Ссылки на то, что «в четырнадцатом мы покупали медикаменты за свои деньги» отметалась: «А почему не оприходовали?» Любое упоминание о лете четырнадцатого «вьюноши» воспринимали как упрёк и, ссылаясь на военное положение, пересчитывали и допрашивали больных, нарушая закон о психиатрической помощи. Состояние сотрудников и больных после «бесед» ухудшалось, но это их не интересовало. Мы гадали о причине «кидиотской проверки». Одни говорили, что Украина, не сломив Донбасс силой, обрушила на нас армию бюрократов. «Даже в советское время, не говоря уже об украинском, не было таких проверок!» – утверждали пожилые медсёстры, глотая эналаприл. Другие считали, что верхи опять воруют немеряно, а внизу ищут козлов отпущения.

– И что им даст, если они меня посадят за четыре ампулы папаверина?

– Если одну, то ничего, а если сто, то есть на кого стрелки перевести и отчёты сдать о проделанной работе.

– Господи, любая власть, прежде всего, дрючит врачей и учителей!

– Кто украл бублик – сидит в тюрьме, а кто завод – в верховной раде или что там в дэнэрэ.

– Мне этот юный идиот, Юрий-как-его-там-зовут, сказал, что я списала папаверин, чтобы продать.

– Так пусть бы купил, рублей за пять.

Больные выписывались со словами: «Лягу, когда комиссия уйдёт», а комиссия, разгоняя больных, ругала нас за их отсутствие и не собиралась уходить, составляя акты на комнатные цветы, принесённые сотрудниками, на книги, занавески... Они бы оприходовали и пыль, но её не было.

Моя шерстяная подруга в это же время дожила до более серьёзных, чем наши служебные, неприятностей. Целый день она молча ходила по квартире, оставляя кровавые, кровянистые и мутно-жёлтые капли, или молча дулась на горшке, или, вытянув вверх лапку в белом носочке, лизала под хвостом. Мне до слёз было жаль её, одинокую, бездетную, живущую без близких и друзей. В комнаты её, не успевая стирать за ней, перестали пускать. Я подолгу гладил её в коридоре, а она доверчиво тянулась вверх головой, ещё не похудевшей. Она никогда не надоедала мяуканьем, изредка тоненько хрипела, прося поесть, а чаще трогала меня мягкой лапкой за ногу. Я бросал «комп» и кормил её. Мы с женой думали, что у неё метастазы голосовых связок, но она так замыкала, когда я сажал её в клетку, чтобы отвезти к ветеринару, что мысль о метастазах растаяла. Ветеринар сказал, что мочевой пузырь плотный, но пустой. Опухоль же молочной железы у кошек злокачественная и, с учётом возраста, Киса операции не подлежит. Может, кто-то где-то и обсуждал бы вопрос об усыплении, как обсуждают в Киеве вопрос об изгнании и переделке жителей Донбасса, но не мы. Я купил лекарство, которым Кису надо поить целую неделю.

Легко сказать! Ласковая, пугливая, безголосая Киса не терпела малейшего принуждения. Чтобы сделать укол, я надевал старую куртку, кожаные перчатки и вдавливал её, животом вниз, двумя руками в кровать. Влить лекарство в рот оказалось ещё труднее! Опять – куртка, перчатки, левой рукой – за задние лапы, правой – за передние, предплечьем прижимаю к боку её голову, а жена вливает в рот лекарство. Киса вырывается, словно из рук душителей, грызёт острыми, белыми зубками пластмассовый шприц. Жена обливает коричневой жидкостью мордочку и куртку. Вот и всё! Киса обиженно отряхивается, облизывается, но не уходит от моей, глядящей руки. Жена говорит, что со-

седка засовывает своей кошке таблетку глубоко в рот и та глотает её. Наша же и гладить позволяет себя не всегда. Надо внимательно следить, чтоб не пропустить момент, когда ей наскучат ласки, и она отмахнётся лапой. Как-то лениво отмахнулась, и я полчаса слизывал кровь с пальца.

Киса, к счастью, размочилась. Бычки с овсяной кашей перестали давать. Рацион Кисы стал царский: молоко, сметана, сливки, печёночный паштет, кошачьи корма в пакетиках и лакомства с нашего стола. Едок Киса была всегда плохой, а сейчас ела ещё хуже. Я хотел дотянуть её до возвращения старшей дочери, каждый звонок которой не обходился без вопроса: «Как Киса?» Она постоянно просила прислать во Францию фото – не мамы, не сестры, не моё, – а Кисы. Нам – соборы Европы, мы – фото донецкой кошки, обычной, беспородной, жёлто-бело-серо-чёрной, без которой Европа для молодой женщины была пуста.

А на работе нашествие КРУ сменилось налётом полиции. Подъезжали и допрашивали, словно мы распилили и продали, не поделившись с ними, металлургический завод или шахту Засядько. В одну из суббот «выкручивали руки» старшим медсёстрам с девяти утра до семи вечера. Три часа вооружённый властью внучок пытал бабушку, надеясь раскрыть ОПГ донецких медиков, но бабулька «не кололась», храня в тайне точку сбыта папаверина. Цены излишков и другие доводы разума на внучка не действовали, окончание рабочего дня бабушки не волновало.

Я сижу в пустой ординаторской и удивляюсь: на работу ходили под обстрелом, а сейчас боятся уйти «без разрешения», хотя рабочий день давно окончился, и допрашивают их «пока как свидетелей». «Отличная у меня жизнь! – думаю. – На работе – допросы понаухав, дома – умирающая Киса, за домом – пушки кастрюлеголовой армии. Жалею Кису, боюсь прилёта, радуюсь, что жив – пока, злюсь, видя сгоревшие дома соседей, брезгую людьми, издалека, наездами, говорящими о Донбассе и живу по ту сторону добра и зла. Живой, но сиюминутно, без иллюзии бесконечности».

– Иван Иванович, домой отпустили, – говорит за дверью старшая, вернувшись с допроса.

Я везу их на конечную, чтоб не шли в темноте в больничном захолустье и успели домой до комендантского часа, дома меряю температуру и понимаю, почему хотелось лечь.

Через день, наевшись таблеток, выхожу из дому и вижу жену соседа, моющую пол в его зелёном «бусике». Вечером встретил, поинтересовался, куда ездил.

– Мать вчера умерла, похоронил.

– Прости, не знал. Сочувствую.

Месяц назад Вадим привёз мать из села под Мариуполем. Инфаркт, сахарный диабет, пролежни... Два года не видел её, не мог помочь, потому что ушёл в ополчение. Теперь винит себя за то, что мать «уродовалась на городе» пока он...

– Щас бы взял автомат и всех сук положил, до Киева бы дошёл. Из-за них всё...

Молчу. Я уже похоронил мать и понимаю его. Подъехал Витя. Решил отвлечь Вадима анекдотом. Рассказал. Вадим молча курит. Я с удивлением, которого не видно в темноте, смотрю на них. Они вместе воевали.

– Извини, брат, хотел отвлечь, – говорит Витя и добавляет, – Оскотинился я за войну. Когда в Семёновке первых наших пацанов положили, я сидел и плакал, как ребёнок. Потом привык. Сегодня – его, завтра – меня. Чё слёзы лить? Прости, жалко, мама всё же.

– Если бы мы их тогда за пределы области выгнали, жила бы. Так нет, эти суки не дали...

Помолчали. Я думал о том, что мне мою Кису больше жаль, чем маму Вадима, которую я не видел и не знал.

– Я к тебе, Седой, приехал вот зачем... – перешёл на деловой тон Витя.

Я знал о доле ополчения, оставшегося без куска хлеба. Металлолом по разбитым окраинам Донецка они уже, с риском для жизни, под носом у «братьев», собрали, грабить своих не хотели. Донецкие полтосы были хоть дома, а славянские, краматорские шатались, иные с семьями, по съёмным квартирам, общежитиям, перебивались случайными заработками. Витя предложил Вадиму перевозить конфеты. Острое чувство вины и стыда перед ними погнало меня домой, туда, где умирала Киса. Живое, чувствующее, мыслящее не понятно о чём, существо. Тёплое ещё, уже трёхкилограммовое творение, моя боевая подруга. Умирала она молча, без единого стога, как надежда в жителях Донецка, которые хорохорились в соцсетях, а в жизни, никому не нужные – сутками простаивали на блокпостах Украины и часами – на границе России. Жили, будто в коридоре под дверями соседей.

Кошечка моя второй день не ела, лежала на боку, тяжело дышала и только изредка пила воду. Пока ходила, но шерсть взъерошена. Глядящая рука чувствует похудевшую голову, чётки позвонков, рёбрышки. Кончик хвоста, как и раньше, перекалывает вправо и влево, когда я глажу её. Если смотреть только на кончик хвоста, то никакой беды не видно. Понимаю, что Кисе по людским меркам лет семьдесят-восемьдесят, но ни морщинки, ни сединки. Старость и болезнь у неё проявились худобой и взъерошенной шерстью. Зубы – все целы. Беленькие, острые, ещё пару дней назад она грызла сухой корм. Шамкающие рты старух, шаркающие ноги стариков – для людей. Киса до последней недели легко и грациозно запрыгивала сбоку на офисное кресло перед «компом» и не стучалась головой о подлокотник.

На работе – допросы понаухав, дома – обстрелы их кастрюлеголовых братьев.

Киса – третий день без еды, четвёртый, пятый. Лежит, уткнувшись подбородком в пол, словно корабль носом в берег. Глаза открыты, крохотная лужица слюны возле едва приоткрытого рта. Бока с проступающими рёбрышками тяжело и редко вздуваются. На еду не реагирует, даже не скашивает глаза. Усы мокнули в молоке, уже покрытом плёнкой.

На шестой день, придя с работы, едва взглянув, беру лопату и копаю под яблоней ямку. Думал, зимой будет тяжело, но земля промёрзла сантиметров на пять, дымилась, рыхлая, на морозе. Киса последние три дня ходила, стуча когтями по ламинату, словно цеплялась за жизнь. Шла, пошатываясь, никого не замечая. Одиноко, точно брошенная лодка к водопаду, плыла по коридору. Или лежала. Не спала, как раньше, а молча лежала, ещё следя широко открытыми глазами. Пару раз я улавливал еле слышное поскуливание. Как плач. Уже не вылизывала себя. Губы возле рта пропитались слюной, капли которой оставались на полу, когда она поворачивала ослабевшей шеей отяжелевшую голову. До последних минут сама переходила с места на место, укладывалась там, где раньше никогда не лежала. Вдруг – лежит поперёк коридора, вытянув во всю длину лапы и хвост, – и ты благодаришь бога, что не споткнулся. Или сидит, погружённая в предсмертные кошачьи думы, куняет, ни на кого не реагируя.

Опять прилетает на Октябрьский и кого-то разрывает на части, но Кисе и мне – не до чужого горя. Она жалобно, тихонько мяукает, лёжа на боку, скребёт лапами по тёплому полу ванной, будто хочет встать. Я переносу её на тёплый пол в прихожую. Снова жалобно мяучит, перебирает лапками, точно хочет убежать, вытягивается в судороге и затихает. Я закрываю ей глаза, но они смыкаются под пальцами и остаются открытыми. Зрачки расползаются на весь круглый, изумрудно-зелёный кошачий глаз. Под хвостом лужица с ладонь, полуоткрытый рот с белоснежными иголочками окаймлён слипшейся шерстью.

Позвал жену, дочь.

– Я не хочу на это смотреть, – говорит младшенькая и уходит плакать.

Заворачиваю Кису в наволочку, выбираю красивый полиэтиленовый кулёк с красными розами и, думая: «Она не говорила мне глупых, обидных слов... не пыталась обмануть... я многому научился у неё... часть мудрой природы жила со мной шестнадцать лет...» – осторожно укладываю на дно ямки, засыпаю землёй.

Могильный холмик получился, точно маленький, заснеженный террикон, затерянный среди больших.

Вспоминая Кису, я думаю, она всегда оставалась собой, сражалась одна против всех. Размеры и сила противника её не останавливали. Храбрость это или слабые прогностические способности, неумение адаптироваться к среде? Киса не предавала себя и не оправдывала предательство хитрыми вопросами. Она боролась за свою независимость даже во вред себе.

Запрячь её, надеть узду – нельзя, соблазнить едой, дорогой кормушкой – тоже.

Как писал Борхес, во всём мне чудится символ, который вот-вот разгадаешь.

Берега Новороссии

Диана Кан

Родилась в городе Термез Узбекской ССР в семье военнослужащего. Окончила факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы. Работала в газете «Оренбургская неделя» (1990–1994), редактором в издательстве «Московский писатель» (1994–1995). Автор книг стихов: «Високосная весна», «Золотая аллея» и многих других. Член СЖ РФ, СП России. Премия журнала «НС» (1998). Член редакционных советов многих российских журналов

Донецк: хаос войны и космос гармонии

Балет в осаждённом Донецке. Это едва ли не главное моё потрясение от поездки на Донбасс. Хотя потрясений множество! Не обилие военных в камуфляже, которых мы с поэтом Виталием Молчановым и прозаиком Александром Филипповым ожидали увидеть, но так и не увидели. А – аншлаг в зале и прекрасная балетная труппа, что неудивительно, впрочем, если учесть, что на протяжении полутора десятилетий красавец-Донецк был столицей проведения международных балетных фестивалей. Когда мне позвонили друзья в Донецк с вопросом, в котором слышалась тревога: «Диана, как вы там? По телевизору говорят такое...», я ответила: «Нормально! Выступили в Республиканской библиотеке, а потом на балете были!». В трубке повисла недоумённая пауза, потом вопрос: «На каком балете? Там же бомбят!». Осознавая парадоксальность ситуации, я ответила: «На прекрасном балете. Пер-Гюнт. В двух актах. Полный зал! Бомбят на линии соприкосновения, до центра снаряды пока не долетают...» И, признаюсь, получила удовольствие от изумлённого молчания в трубке...

Невольно провела аналогию с блокадным Ленинградом, в котором бледные от голода и холода люди переводили и издавали «Божественную комедию» Данте... Кстати, и Донецкий оперный театр, где полный зал смотрел «Пер Гюнта», был когда-то сдан в эксплуатацию в роковом сорок первом году... Подумалось, а ведь пока народ хочет видеть красоту, он не сломлен и не будет сломлен, как не бывает сломлен человек, стремящийся к космосу гармонии вопреки хаосу войны.

Благодарные аплодисменты артистам балета, полный аншлаг! Оглянувшись, изумилась – подавляющее большинство публики – молодёжь. Аншлаг в театре, словно по окраинам Донецка не гремят выстрелы «киевских миротворцев». Словно в этот день и не было по линии соприкосновения со стороны украинских «миротворцев» 18 нарушений мирного соглашения. Словно «порошенковцы» сегодня не обстреляли мирную бригаду донецких строителей, едущих к месту работы. Словно не убили взрывами на окраине Донецка молодого 25-летнего главу семейства... Словно не лютует по линии соприкосновения некий атаман Червень, якобы не подчиняющийся Киеву, но при этом чётко действующий в рамках военных действий против Донецка, но в формате полного беспредела...

Меч акинак, как символ доблести

Донецкий республиканский музей Отечественной войны встретил нас экспозицией, что сделает честь любому музею мира. Богатая трагическими событиями история – отсюда и уникальность артефактов. Давно была слышана про скифский меч АКИНАК, которые не во всех музеях мира увидишь. А тут увидела акинак, что говорится, живьём. О чём говорит такая находка в окрестностях города? Лишь о том, что народ, там испокон проживающий, всегда был готов воевать за право быть

собой. И не с гитлеровцев, что по 75 тысяч дончан – женщин, детей, стариков – живьём скидывали в шахты во времена Великой Отечественной войны – не с фашистов-гитлеровцев началась борьба дончан за право жить своим укладом. За право петь свои песни, говорить на русском языке, любить то, что любили их предки... Так что порошковцы в своём стремлении уничтожить людей с осознанным чувством собственного достоинства вовсе не оригинальны. Верной звериной тропой фашизма следуют! И также кончат, как гитлеровцы, позорно и печально. Тем более, что Донецк не тот город, что постоит за ценой, если речь идёт о Победе. Донецкий народ ассоциируется у меня с древним скифско-сарматским мечом-акинаком, как символом непобедимости и доблести! Сегодня война в Донцке особенно подлая, ведь в Украине фактически воюют потомки победителей с потомками лузеров-полицаев, пытающихся взять реванш... Причём, не только в реальной жизни, но и в виртуальном пространстве.

Так вот ты какой, сарматский олень!

Всякий оренбуржец, сколь-нибудь знакомый с богатым археологическим-скифско-сарматским прошлым Оренбургского края, будет приятно удивлён, что через скифо-сарматское прошлое Оренбуржье и Донецкий край – родственники. Видимо, испокон веков обитали на наших просторах люди одного племени, оставившие после себя аналогичные артефакты. На Пушкинском бульваре в Донцке я вдруг увидела в оформлении лавочек знакомые каждому оренбуржцу изображения скифских оленей. И чуть не воскликнула: «Так вот ты какой, скифско-сарматский олень!»

Там же, бродя по Пушкинскому бульвару, стала свидетельницей русской пробежки молодых дончан. Моднo одетые, подтянутые, энергичные, ребята вихрем неслись по бульвару со слоганами: «Нет никотину, нет алкоголю, они отнимают силу и волю!» Подумалось, а ведь национальная самоидентификация – это и есть то, что отличает цивилизованность от быдла. Как уважение к прошлому своей страны, прав Пушкин, отличает цивилизованность от варварства. Можно быть физиком, сварщиком, хирургом, фармацевтом, педагогом, строителем... Но надо чётко должен понимать, что ты русский человек, наследник непростой, но славной истории предков.

Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай!

Впрочем, этому благоухающему пряной корицей и кардамоном красавцу-караваю выбирать не приходилось. Его вручили поэтессы Макеевки поэту Виталию Молчанову на красивом вышитом рушнике перед нашей встречей с литературной общественностью города-спутника Донцка. Ах же и умелицы-кулинарки, эти женщины-дончанки!». Вообще, женщины Донбасса – нечто совершенно особенное, природный феномен! Есть в них неповторимый славянский шарм, которому научиться невозможно ни на каких «модных приговорах». С этим надо просто родиться...

Такие разные женщины Донбасса. Наблюдала их в разных ситуациях. Идущими по осеннему золотому Пушкинскому бульвару Донцка с грустноватыми улыбками на светлых лицах. Читающими стихи на наших творческих встречах. Обучающими чтению ребёнка прямо на бульваре, возле небольшой уличной библиотеки. Руководящими богатой событиями литературной жизнью (краевед Елизавета Хапланова, умница и красавица!)... Застенчиво принимающими оренбургские подарки из рук Виталия Молчанова. А что может подарить поэт из Оренбурга, как не знаменитые пуховые платки? А ещё я познакомилась с женщинами, которые начали писать стихи после того, как вынесли десятки раненых из под пуль на линии соприкосновения. Не хочется о грустном, но куда от него, грустного и трагического, денешься в Донцке? Конечно же, та высокая культура, что есть в Донцке, неподвластная даже войне, в немалой степени заслуга уникальных женщин Донцка, чья страдальческая печаль мадонн прикрыта улыбкой веры в лучшее.

Донецк – страна чудес

.. Поскольку график выступлений, встреч с читателями и культурной программы был у нас более чем плотный, то сам Донецк мы видели лишь урывками. Крепко опасение, что мы так и уедем, даже не повидав города в режиме свободной прогулки. Потому за час до отъезда я сбежала на уже упомянутый мной, расположенный недалеко от нашей гостиницы, Пушкинский бульвар. И обнаружила на нём аж два памятника Пушкину! Моя фотопробежка удивительным образом была вознаграждена совершенно неожиданной встречей с Анной, библиотекарем Донецка, что не так давно была у нас в Оренбурге на Аксаковском празднике. Бегу с фотоаппаратом по бульвару – навстречу Аня с красивым молодым человеком. Мы обе сначала остолбенели, а потом обнялись, сетуя, что недостаток времени не позволил нам встретиться. Но Бог управил, и разве не чудо встретить Аню в почти миллионном Донецке?

Впрочем, в Донецке я частенько ощущала себя Алисой в стране чудес. Удивительно, что дончане, живя в осаде, слыша взрывы и понимая, что в любой момент всё может случиться, живут так, словно войны нет. Улыбаются (хоть и не без грусти!) друг другу, гуляют с детьми по бульвару, покупают детям воздушные шары. А разве не чудо те миллионы роз, коими славится Донецк во всём мире? Идёт война, но люди всё равно сажают розы, обихаживают клумбы, ходят в библиотеки и театры, принимают писателей и художников, пишут стихи, посещают вернисажи... В день нашего приезда в Донецке открыл вернисаж Московский Бахрушинский музей. Удивительный донецкий народ!

Виртуальная война

Помнится, приезжавшая в Оренбург дончанка Галина Калинина вскользь обмолвилась, что если порошенковцы войдут в Донецк, то будут «зачищать» дончан похлеще гитлеровцев. Признаюсь, тогда я, хотя и понимала ужас военной ситуации в Донецке, отнесла слова Галины на счёт её женской эмоциональности. Но вернувшись из Донецка в Оренбург и даже не успев ещё открыть соцсети, чётко поняла – слова Галины не гипербола. Такой звериной злобы в свой адрес и адрес своих писателей-земляков в комментариях прямо на своей стене в фейсбуке я, признаюсь, не ожидала. Причём, от людей, которых даже нет у меня в друзьях! А ведь я не успела даже ни одной фотографии загрузить из Донецка, ни одного поста выложить. А ведь ездили мы в Донецк, как поэты, отнюдь не с мечом, а с оренбургскими книгами и журналами. И, конечно, со словом, имеющим целью поддержать усталых от войны людей. Мы просто читали стихи и общались с дончанами на наших встречах. Причём, говорили мы на этих встречах не только о войне, но и о литературе. Потому что за время суровых испытаний войной интерес к литературе в Донецке сильно повысился (библиотекари отмечают, что люди стали чаще ходить в библиотеки, больше читать классику). А потому вовсе непонятна была мне ненависть со стороны вовсе неизвестных мне людей, судя по всему, укропатриотов. Ну то, что нас внесут в реестр сайта «Миротворец» и тем самым закроют нам въезд на территорию Украины, мы догадывались. Но к чему эти пропитанные злобой эскапады, где выражение «путинская подстилка» – самое цензурное из написанного? Однако тут я чётко поняла, что ТАКИЕ люди способны на всё, и Галина Калинина, увы, права. Знакомые, что успели прочесть эти злобно оскорбительные комменты, пытались меня успокоить: «Потомки полицаев, что ты хочешь?». Знакомый поэт сказал: «Слушай, вы, видимо, хорошо выступили в Донецке, раз такая злоба со стороны укропатриотов. Или ты забыла, что признание «не в сладком лепете хвалы, но в диких криках озлобленья»?...»

Зато я опять же чётко поняла, что воистину «С Дону выдачи нет». Наши дончане не нас оставили на виртуальное растерзание. Хотя печально, что соцсети, которые в идеале должны помогать общению, просвещению и сплочению людей, всё чаще становятся театром военных действий. Ну что ж, на войне, как на войне, перефразируя песню, не только оружие и махорка в цене. Но и слово, обращённое к душам людей.

Череповецкие берега

Сергей Созин

Созин Сергей Аркадьевич родился 18 августа 1955 года в городе Череповце, в семье учителей. Автор книг стихов «Талица», «Ночной разговор», «Русский крест», сборников песен и романсов «Встреча» и «Благослови, Господь, Россию», статей и рассказов в газетах «Русский Север», «Вологодский литератор», «Речь», «Курьер», журналах «Автограф», «Отечеству на пользу», «Сезон». Стихи публиковались в журналах: «Свеча», «Наши современник», «Невский альманах», «Врата Сибири», литературных альманахах «Вологодский ЛАД», «Соборная горка», «Воскресенский проспект», «Ермак». Член Правления Вологодской писательской организации Союза писателей России. Живёт в Череповце.

Череповец литературный. Год 2017-й.

Этот год для литературной общественности города начался традиционно, 3 января, встречей почитателей творчества Николая Рубцова у бюста, работы скульптора Александра Михайловича Шебунина, установленного в сквере, напротив Череповецкого Государственного университета. Читали стихи знаменитого поэта, делились результатами новых исследований. Собственно, с этого и стартует ежегодный «Рубцовский январь», проводимый «Литературным краеведческим центром Н.М.Рубцова», при Доме знаний, возглавляемый Беляевой Лидией Сергеевной. Традиционным стал и детский конкурс «Ещё звучат серебряные струны».

21 января в Центральной городской библиотеке имени Василия Васильевича Верещагина (далее, везде ЦГБ), великого живописца и череповчанина по рождению, состоялся учредительный съезд «Союза литературных объединений Вологодской области» («СЛОВО»), куда вошло крупнейшее литературное сообщество города «Череповецкое литературное объединение» («ЛитО»), руководимое Максимовой Еленой Васильевной, и ещё более 20 литературных содружеств области. Председателем «СЛОВО» избран Сергей Егоров (Череповец), сопредседателем Александр Соколов (Вологда). В течение этого года активно заработала, созданная «ВКонтакте» группа «СЛОВО», отражающая работу Союза. Альянсом проведены уже 5 творческих конкурсов и организован ряд поездок в районы области.

В январе, в средней школе деревни Домозёрово Череповецкого района прошли «Пошехоновские чтения», посвящённые творчеству череповецкого поэта Александра Пошехонова, члена Союза писателей России, лауреата Всероссийской православной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского.

20 мая, в честь 130-летия со дня рождения поэта Игоря Северянина, в единственном литературном музее поэта на территории России, в бывшем поместье Лотаревых, что в 38 километрах западнее Череповца, как обычно, в эти майские дни, прошёл конкурс «Король поэтов». В финал конкурса вышли 12 авторов. *Королём поэтов* в этот год был признан Михаил Рубашников (Череповец), а *Королевой*-Наталья Раменская (Бабаево).

Литературный музей при «Дворце детского и юношеского творчества имени Ангелины Анатольевны Алексеевой», возглавляемый сегодня Базановой Мариной Анатольевной, готовясь к своему 20-летию (октябрь 2018 года), провёл косметический ремонт, отправив на реконструкцию один из макетов и приступил к изготовлению стенда «Память сердца», посвящённого ушедшим из жизни литераторам. Музей ведёт большую просветительскую работу, проводя экскурсии, интерактивные уроки, выставочную деятельность по следующим темам: «Имя Батюшкова – литературный бренд Вологодчины», «Мороженое из сирени» (очерк о жизни и творчестве Игоря Северянина), «За всё

добро расплатимся добром» (жизнь и творчество Николая Михайловича Рубцова), «Его зарыли в шар земной...» (жизнь и творчество Сергея Сергеевича Орлова), «Павел Владимирович Засодимский и Вологодский край», «Памяти дядюшки Гиляя» (жизнь и творчество Владимира Алексеевича Гиляровского), «Спешите делать добрые дела» (жизнь и творчество Александра Яковлевича Яшина) и другие. В музее создано объединение «Таланты и поклонники», в котором обучается ежегодно более 40 детей по программе «Литературный музей как средство воспитания субъекта культуры» (хотя, словосочетание *субъект культуры*, в данном контексте, вызывает у автора статьи лёгкую аллергию...).

И это единственный литературный музей на Вологодчине, основатель которого Чусова Валентина Дмитриевна, ныне пребывающая на заслуженном отдыхе, за вклад в развитие, сохранение и размножение Отечественной культуры награждена Большой Пушкинской золотой медалью (учреждённой Пушкинским комитетом Академии наук РФ) и серебряной медалью Академии Российской словесности «Ревнителю просвещения».

Тесно сотрудничает с литераторами Череповца издательство «Окраина», возглавляемое Кузнецовым Николаем Витальевичем. С начала года им выпущено 78 изданий 38-ми авторов. В их числе: журнал «Северная окраина» (38-й номер), альманах «Люди и дела» (15-й номер), краеведческие книги Вениамина Мальцева «Вдоль по Сухоне до Нюксеницы и дальше», «Родословная деревни Заболотье» и другие произведения череповчан.

Как известно, в каждом уголке России есть люди, которые день и ночь готовы воспевать свою малую Родину. В региональной организации «Вологодский союз писателей-краеведов», созданной 12 лет назад, состоит немногим более сорока человек, большую половину которого составляют краеведы Череповца. Череповецкое отделение возглавляет поэт, исследователь творчества поэта Н.М. Рубцова, Вересов Леонид Николаевич. Местные краеведы трудятся весьма активно. Многие, из года в год, ведут свои темы. К примеру, Михаил Геннадьевич Мальцев, в активе которого более четырёх десятков книг по духовной тематике. Так, в 2017-м увидели свет ещё два издания: «Иоанн Кронштадтский. Вологодский край» и «Священнослужители Храма Рождества Христова». Краеведы Борис Васильевич Челноков и Александр Николаевич Кувшинников выпустили книгу о последнем директоре Череповецкого металлургического комбината советского периода Липухине Юрии Владимировиче «Последний красный директор». Недавно вступившая в Союз краеведов Людмила Евгеньевна Целуйко, издала в этом году три книги: «Творцы провинциальной моды» (о череповецкой текстильной фабрике «1 Мая»), «Магия дамской шляпки» и «Сказки дедушки Мороза про хитрого Тёпу». Констанская Галина Васильевна выступила редактором-составителем буклета «30 лет в едином строю», посвящённого юбилею Совета ветеранов металлургического завода. В двух выпусках вышла книга Зельцера Александра Григорьевича, повествующая о судьбах репрессированных земляков «Мы из XX века». Благодаря его стараниям, в прошлом году в Череповце был открыт памятный знак жертвам репрессий. Игорь Владимирович Ваганов, главный редактор областного военно-патриотического литературно-художественного журнала «ЕРМАК», при поддержке общественности, издал повесть «Сталинград – от поражений до победы». В основу книги положен фронтовой дневник деда автора-Ивана Максимовича Ваганова, освещающий события, происходившие в 1942–1943 годах в донских степях и под Сталинградом.

Не менее плодотворно трудились на литературном поприще и писатели-фантасты. Они объединились в «Клуб любителей фантастики», созданный при ЦГБ. Лидером здесь выступает Дмитрий Дашко, издавший за последние 4 года в Москве и Санкт-Петербурге более двух десятков книг. Только в этом году вышли в свет «Тайны магического следствия», «Мы из губрозыска», «Чёрный прирак», и, в соавторстве с Александром Арсентьевым и Романом Савенковым, «Рязанское шоссе». Александром Смирновым в жанре альтернативной истории написаны «Секунд-майор», «Спецслужбы времени», «Империя», «Чёрный гусар» и «Сыскари».

В апреле, совместно с общественной организацией «Молодая гвардия», был проведён городской поэтический конкурс «Перо поэзии», в котором приняло участие более 50 молодых авторов. Кстати, именно для них, в этом году сотрудник ЦГБ Королёва Альбина Александровна создала «Народный университет по литературному краеведению» (по окончании курса все слушатели получают сертификат участника). На этих занятиях, подчас, не хватает свободных мест. Здесь же, с лекциями, выступают писатели-краеведы и сотрудниками литературных музеев.

2017-й год-год литературных юбилеев на Вологодчине. Череповчане принимали самое активное участие в мероприятиях ежегодного фестиваля «Рубцовская осень» и в IV-х Всероссийских Беловских чтениях «Белов. Вологда. Россия». Масштабный всероссийский научно-просветительский форум был посвящён 85-летию со дня рождения писателя Василия Ивановича Белова (23.10.1932–4.12.2012). Апофеозом этого литературного праздника стало открытие памятника-бюста в городе Харовске перед зданием библиотеки, носящей имя великого русского писателя, выполненного всё тем же череповецким скульптором – Заслуженным художником России Александром Михайловичем Шебуниным.

В чреде юбилеев и 230-летие со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова (29.05.1787–19.07.1855), одного из основоположников «золотого века» русской поэзии, литературного учителя Александра Сергеевича Пушкина, единственного на Вологодчине поэта «Пушкинского круга», воина и патриота, кавалера двух орденов Святой Анны, покорителя Парижа (апрель 1814 года).

Готовясь к юбилею писателя, Череповецкая городская региональная организация «Батюшковское общество», возглавляемая Волковым Анатолием Николаевичем, в августе 2016 года, выйдя с проектом «Краеведческая программа «Отеческие Пенаты» на президентский грант, выиграла его. Эта победа позволила достойно подготовиться и провести юбилейные мероприятия 2017-го года. Так, 18 мая в ЦГБ Череповца состоялась презентация нового буклета «К.Н.Батюшков в судьбе России. К 230-летию поэта», подготовленного коллективом «Батюшковского общества» и выпущенного на средства гранта. Как и выход в свет литературно-художественного и краеведческого альманаха «Над Шексной» (4-й выпуск), посвящённого юбилею поэта.

27-28 мая в селе Мякса и близ деревни Хантаново при поддержке администрации Череповецкого муниципального района прошёл очередной литературно-краеведческий праздник «Отеческие Пенаты-2017». Основные мероприятия проходили на второй день торжества. Наибольший зрительский интерес, по-прежнему, вызвала военно-историческая реконструкция «Сражение на Гейльсбергских полях», проводимая совместно с военно-историческим клубом Череповца в память об участии в этом сражении 1807-го года поэта, в котором 20-летний Константин Николаевич был ранен, а впоследствии удостоен и первого своего ордена – Святой Анны III степени.

Объединения товарищей по перу, пусть менее массовые, активно работают на предприятиях, учебных заведениях и по месту жительства череповчан. Это литературное поэтическое объединение «Свеча» при Клубе ветеранов ОАО «Северсталь», возглавляемое Кутиной Раисой Захаровной. Таланты ОАО «ФосАгро-Череповец» собрал вокруг редакции сборника «Фосагровская лира» неутомимый Вениамин Викторович Мальцев. Литераторы частые гости в Клубе ветеранов Северного микрорайона Череповца «Серебряная нить». Кафедра отечественной филологии Череповецкого государственного университета (ЧГУ) «...для тех, кто много читает», выпустила в сентябре очередной, 39-й номер, газеты «Фауст».

Растёт творческий потенциал города. Размеры статьи позволяют, к сожалению, осветить лишь наиболее яркие и запоминающиеся страницы литературной жизни Череповца 2017-го года. За её пределами остаются: длинный перечень книг стихов и прозы, авторами которых являются мои земляки, творческие встречи и юбилейные вечера, выставки и презентации. Частично возместить этот вынужденный пробел читателям журнала «Берега» помогут произведения череповчан, представленные на последующих страницах данного издания.

Череповецкие берега

Вениамин Гумаров

Гумаров Вениамин Константинович родился в 1951 году в д. Арсёнка Грязовецкого района Вологодской области. Образование высшее юридическое. Работал народным судьёй, затем 25 лет адвокатом в г. Череповце. Издал несколько поэтических сборников. На стихи автора написан ряд песен, которые исполнялись по Вологодскому областному радио и телевидению, на сценических площадках города. Живёт в Череповце

* * *

Россия! Русь! Как больно мне опять
Взирать на то, как недруги глумятся.
Везде и всюду продолжая врать,
Унизить, оскорбить тебя стремятся.
В который раз привычно оболгав,
Себе любой вселенский грех прощают.
В чужом глазу соринку отыскав,
В своём глазу бревно не замечают.

ПОРА

Бывшим согражданам по СССР

Пора, пора, пора понять вам, господа,
Что Русь – она, как мать, за всех за вас болеет.
Что, коль придёт в час «икс» к вам на порог беда,
Россия приютит, накормит, обогреет.
Не плюйте, господа, презрительно во след,
И за собой мосты бездумно не сжигайте.
Не слушайте иуд, их несусветный бред,
За широту души Россию уважайте.
Река времён течёт меж жизни берегов,
И истины родник в МИРУ не пересохнет.
Россия, как кристалл средь череды веков,
И голос никогда России не заглохнет.

ПЕТУХ

Утром петух просыпается,
Горло нещадно дерёт.
Будто впервые встречается
С теми, кто рядом живёт.
Слушая песенку звонкую,
Снова и снова влюблюсь
В иву над речкою тонкою,
В чистую, светлую Русь.
Ах, как петух заливается!
За душу звуки берут.
Слыша, душа улыбаётся.
Русь и деревня живут!

* * *

Когда заря зажглась на небосводе
И отразилась на озёрной глади,
Петух запел в соседском огороде,
Испачкав гребень в солнечной помаде.
Он гнал от кур зелёную тоску,
Тревожа мир своим ку-ка-ре-ку.

* * *

Мы когда-то в детстве повзрослеть спешили,
И во всём старались взрослым подражать.
Бороды и щёки понарошку брили,
Чтобы побыстрее внешне возмужать.
А девчонки тушью красили ресницы
И помадой губы мазали тайком,
Но промчались годы быстрой колесницей,
Побелив нам волосы лунным серебром.
В прошлое сегодня смотрим с сожаленьем,
И мечтаем годы эти возвратить.
Вновь пить беззаботно крепкий чай с вареньем,
И коней косматых к речке выводить.
Мы когда-то в детстве повзрослеть спешили,
И во всём старались взрослым подражать.
Ну, какими всё же глупыми мы были!
Лишь сейчас, с годами, можем осознать.

БАБЬЕ ЛЕТО

Отшумело, отзвенело журавлями
Бабье лето,
А калина под окошком полыхнула,
как пожар.
И всё чаще ночью где-то плачет лес,
в парчу одетый,

А душа, душа, волнуясь, разливает
в теле жар.
Бабье лето, Бабье лето. Это целая
планета,
Это мир цветов и красок, и восторгов
через край.
Это осень в шёлк одета, это песня
Не допета,
И, наверное, для многих на Земле
недолгий Рай.
Скоро первые морозы льдом покроют
всюду лужи,
Скоро первые снежинки запорхают
над землёй.
И, скукожившись от стужи, о тепле
цветы затужат,
И потянутся вновь к Югу гуси клином
на постой.
Бабье лето, Бабье лето. Это целая
планета,
Это мир цветов и красок, и восторгов
через край.
Это осень в шёлк одета, это песня
Не допета,
И, наверное, для многих на Земле
недолгий Рай.
Я стою на косогоре, Бабье лето
провожаю,
И душой своей, и телом в даль далёкую
стремлюсь.
Убегаю, убегаю. Улетаю, улетаю,
Что увидеть, чтоб услышать всю
серебряную Русь.

СЕРДЦЕ

На сердце нет нигде морщин,
Оно, как небо, вечно молодое,
Способно не безумие любое,
На грусть, на слёзы без причин.
На сердце нет нигде морщин,
Хотя оно в огне страстей пылает,
Через себя все беды пропускает,
Но умирает всё же без морщин.

ДЕРЕВЕНЬКИ

Позабыты, позаброшены
Деревеньки на Руси.
Травы близ домов не кошены,
Все тропинки заросли.
Детский смех в домах не слышится,

Жизнь в округе не бурлит.
Рожь средь поля не колышется,
Колокольчик не звенит.
В наши годы окаянные
Цели новые важны,
Деревеньки деревянные
Стали нынче не нужны.
Отшумела Русь крестьянская,
Нынче в моде города.
Расплескалась, как шампанское,
Безвозвратно, навсегда.

ПЕЧАЛЬ

За околицей туман низко стелется.
Утонул в тумане крик журавлей,
На душе моей печаль, мне не верится,
Что гуляет осень вновь у дверей.
Клёны листьями шумят, беспокоятся,
Скоро всем им предстоит увядать.
Скоро солнышко за тучами скроется,
Будет дождь по крышам сонным гулять.
Вспоминать я буду вновь лето жаркое
И горячий твой хмельной поцелуй.
Был я молод, было времечко яркое.
Эй, кукушка, счастье мне накукуй!

* * *

Поля травую сорной поросли,
Разбиты вдребезги грунтовые дороги.
Дожди, который день идут дожди,
В раскисшей глине увязают прочно ноги.
Не верится, по правде говоря,
Что солнце может в небе снова появиться,
Под сапогами чавкает земля,
Как будто поглотить меня живьём стремится.
Дожди, который день идут дожди,
И холода опять за окнами гуляют.
Видать, не зря учёные мужи
Период ледниковый всем нам предрекают.

* * *

Моя душа, как двери, нараспашку.
Я рад любому, кто без зла идёт.
Кто жертвует последнюю рубашку,
Кто не предаст меня и не солжёт.
Моя душа закрыта на замок,
Когда подонок хвалится обманом,
Когда без лупы видно между строк,
Что совесть собеседника с изъязном.

МОЛИТВА

О, Господи! Спаси и сохрани
 Всех нас от зла и прегрешений.
 Миг сложный будет, руку протяни,
 Избавь от боли и мучений.
 О, Господи! Не дай нам никогда
 В бездушных кукол превратиться.
 И сделай так, чтоб раз и навсегда
 Другьям и недругам сдружиться.
 О, Господи! Спаси и сохрани
 Наш мир от зла и прегрешений.
 Миг тяжкий будет, руку протяни,
 Избавь от мук и унижений.
 О, Господи! Храни нас всех, храни.

* * *

Замираю, замираю,
 Слыша звук твоих шагов.
 Умираю, умираю
 Под прощальный звон подков.
 Сыплет первая пороша,
 На речушке тонкий лёд.
 Вечер сказочно хороший,
 Твои губы – сущий мёд.
 Утопаю, утопаю
 В мягком золоте волос.
 Погибаю, погибаю
 От твоих счастливых слёз.

ХОРОШО

Хорошо, когда печаль
 Краткий миг лишь только длится.
 Хорошо, когда печаль
 Только изредка стучится.
 Хорошо, когда беда
 Не таранит часто душу,
 Хорошо, когда беда
 Не трясёт тебя, как грушу.
 Хорошо, когда восторг
 Твоё сердце окрыляет,
 Хорошо, когда добро
 Побеждает. Побеждает.

* * *

О, Русь! То взлёт, то поражение,
 То носом в грязь, то пьедестал.
 Душа всё время в напряжении,
 Душа устала, как металл.

* * *

Благодарю тебя, Всевышний,
 Что в этом мире я не лишний,
 За то, что утром вновь проснулся,
 Деревьям, Солнцу улыбнулся.
 Что уж давно живу без злобы,
 Есть всё, что надо, для утробы.
 Что дети, внуки и родные –
 Не Ваньки-встаньки заводные.
 За то, что зависть мозг не гложет,
 Что поживу ещё, быть может.

* * *

Спасибо, небо, что живу,
 Что вижу лес и это поле,
 Что не во сне, а наяву
 Смогу уплыть в край грёз за море.
 Что жарким летом по росе
 Могу, как в детстве, пробежаться,
 Увидеть день во всей красе
 И, с другом встретившись, обняться.
 Спасибо, небо, что могу
 В ручье холодном искупаться,
 Что, спотыкаясь на бегу,
 Способен всё ещё подняться.

* * *

Увы и ах. Опять война.
 Из пушек лупят по Донбассу.
 Наш хрупкий МИР сошёл с ума,
 Нет места Музе и Пегасу.
 Вновь гибнут дети, старики,
 Вновь рвёт металл их руки, груди.
 Остановитесь, мужики!
 Ведь вы же люди! Вы же люди!

ИГРАЙ, БАЯНИСТ

*Памяти композитора
 Анатолия Левенко*

Играй, баянист. Играй, не робей.
 Пусть голос баян не жалеет.
 Играй, баянист, мою душу согрей,
 Пока, вдруг, душа не сомлеет.
 Играй, баянист. Играй, не молчи.
 Тебе ли чего-то стесняться!
 Вновь где-то гармонь заиграла в ночи,
 Но ей ли с баяном тягаться.
 Баян прозвучал и умолк не спеша,
 Прославив талант баяниста.
 А в небе от счастья сияла Луна,
 И в душах людей стало чисто.

Череповецкие берега

Леонид Вересов

Вересов Леонид Николаевич – член Союза писателей России, заместитель председателя правления Вологодского союза писателей – краеведов, поэт, историк литературы, исследователь творчества поэта Н.М. Рубцова. Автор пяти сборников стихов, статей и книг по биографии и творчеству писателей Вологодчины. Печатался в журналах: «Наши современники», «Север», «Невский альманах», «Лад вологодский», «Площадь первоучителей», «Великороссь» и других. Живёт и работает в Череповце

Архивные смальты поэтической мозаики поэта Николая Рубцова

Давно хотелось написать серию статей с общим названием, вынесенным в заголовок данного материала. Неизвестные большинству почитателей творчества Рубцова строки поэта буквально разбросаны по архивам. Беловые и черновые рукописи стихов, исправленные поэтом машинописные листы, иногда дополняются приписками поэта Николая Рубцова. Нередко находятся несколько версий известных строк поэта, меняющих тональность и существо известных и любимых стихотворений. К известным версиям стихов добавляются четверостишия, затерявшиеся в черновиках. Иногда целые оригинальные стихотворения можно отыскать среди повторов и проб в черновиках поэта. Надо ли знать об этом широком массам читателей? Кто-то скажет ни к чему, а кто-то искренне порадует возможности заглянуть в творческую лабораторию гения. При всём том никому уже не придёт более в голову говорить только о вдохновенном труде поэта, видя сколько пустой словесной породы проходило ему отбрасывать при создании своих шедевров. Сколько труда души потребовало от него одно – найти верное слово, выразительную рифму. Не секрет, что Рубцов неоднократно использует любимейший ему образ или удачную строчку в разных стихотворениях. Но происходит это не от недостатка воображения, а от сверхзадачи его стихов, в которых он намеренно использует только духовные, понятные народу, простые слова, выражения и образы. Относится последнее утверждение, конечно, только к зрелым стихам Н.М.Рубцова, примерно с 1964 года. Большинство приводимых далее примеров никогда не публиковалось и не учитывалось в исследовательских книгах о поэте Рубцове, они пока неизвестны читателям. Что ж тем интереснее будет желающим познакомиться с ними. В первой статье серии речь пойдёт о стихотворении известном сейчас как «В минуты музыки».

Стихотворение «В минуты музыки». Путь к совершенству

Это стихотворение – безусловный шедевр лирики поэта Н.М.Рубцова, написано летом 1966 года во время пребывания на Алтае. Это следует из датировок произведения, но там не публиковалось. Приоритет первой публикации могут поделить гениальный сборник стихов «Звезда полей» и газета «Вологодский комсомолец» от 2 апреля 1967 года. Стихотворение также публикуется Рубцовым в сборнике «Душа хранит» и включается им в сборник «Зелёные цветы». Название стихотворения также не сразу устоялось. Рубцовские автографы его подписаны как «В минуты музыки печальной», «О жёлтом плёсе, о любви», «Не говорите ни о чём». Поэт, работая над этим произведением, предстаёт перед нами и как великий труженик поэзии. Анализ процесса написания стихотворения «В минуты музыки» оказался возможным благодаря записным книжкам поэта Рубцова, сохранённым В.В.Коротаевым и находящимся сейчас в фондах Вологодского Государственного музея-заповедника.

Думается, пора забывать старые легенды о том, что Рубцов писал всё в голове, без черновиков, просто перебирая варианты в уме. Любой сочиняющий стихи скажет вам, что важен не только звуковой ряд и воспроизведение стихотворения на слух, но важно и увидеть написанное, оценить ритм, рифмы, общую компоновку строф стиха, а сделать это без записей практически невозможно. При-

мер из практики того же Николая Рубцова, когда редактор Лиханова поправила в стихотворении «Зелёные цветы» его неловкую строку – «и даже здесь мне что-то то не хватает» на печатающуюся сейчас – «и даже здесь чего-то не хватает». Стихотворение превратилось в непререкаемое по форме и содержанию. Докажем эти положения на примере стихотворения «В минуты музыки», вернее на примере черновых записей, которые сохранились в трёх блокнотах Николая Рубцова содержащих рабочие варианты строф и строчек данного стихотворения. Странно, но до сих пор считалось, что стихотворение не имеет вариантов и ранних версий...

Вначале Николай Рубцов нащупывает тему стихотворения. Она его вроде бы удовлетворяет, и он почти набело записывает первый вариант стихотворения. Публикуется впервые.

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум прерывистый берёз.

Я вижу птиц под небом серым,
Воспринимающих с трудом
Свой путь без солнца, путь без веры
Над застывающим прудом.

Молчи, скрипач! Пора настала
Забыть о прошлом навсегда,
Душа и так летать устала
За пищей в прошлые года.

Но плачут, плачут, плачут струны,
И снова видится, как сон,
Что я взволнованный и юный,
Что я отчаянно влюблён.

Но, видимо, поэт не удовлетворён, и сколько же ещё вариантов пробует он для улучшения этого стихотворения, как велика его целеустремлённость, когда чувствуется, что должно получиться нечто стоящее (варианты строф публикуются впервые).

Молчите, скрипки! Пусть не стало
Того, что помнится всегда
Душа и так летать устала
За пищей в прошлые года.

Молчите скрипки!
Не надо музыки, (тогда?)
Душа и так летать устала
За пищей в прошлые года.

Пусть с этой строфой не получается, но Н.М.Рубцов не жалеет времени, бумаги и гонит своё воображение по тернистым дорогам рифм и образов.

Но длится, длится час прощальный
И наша встреча ни при чём.
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

В следующем четверостишии меняется только одно слово во второй строчке «Но наша воля ни при чём» или в следующем пробуются уже другой образ, но продолжения не последовало.

В минуты музыки печальной
Последний вижу пароход...

Рубцов недоволен, особенно долго и мучительно он экспериментирует, переставляет строчки в одной строфе, передвигает строфы для большей художественной выразительности, но цель якобы ускользает и ускользает гармония. Он понимает это и, как рыцарь с открытым забралом, штурмует неподатливую крепость лирической строфы и всего стихотворения.

И вижу я под небом серым
Птиц, продолжающих с трудом
Свой путь без солнца, путь без веры
Над застывающим прудом.

И нас одних под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры,
Летящих мимо журавлей.

Вот поэт определился с основными мыслями и строчками строфы. Но вдохновение твердит про-
буй ещё... Далее приводятся шесть вариантов, вроде бы, уже готовой строфы. Это труд настоящего
поэта...

И путь без солнца, путь без веры
Летящих мимо журавлей,
И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей...

И путь без солнца, путь без веры
Гонимых стужей журавлей –
Последних птиц под небом серым
Среди погаснувших полей.

И тишину под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых стужей журавлей.

И путь без солнца, путь без веры
Гонимых ветром журавлей,
И путь людей под небом серым
Среди погаснувших полей...

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей.

И путь без солнца, путь без веры
Гонимых ветром журавлей,
И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей!

Приведены ещё не все варианты данной строфы стихотворения. Казалось, найдена скрепляющая
строфу строка, но и она меняет место, ставится то в начале, то в конце строфы, вдруг появляется
неожиданное продолжение и опять всё сначала. А в промежутке между поисками вдруг приходит
яркое озарение

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

И здесь ещё одна строчка
«Но всё равно в жилищах зыбких...»

Она явно требует развития, и оно появится в блокноте, но пока на другой странице черновика Н.М.Рубцова читаем уже окончание будущего стихотворения «В минуты музыки»

И всё равно под небом низким
Я вижу явственно, до слёз
И жёлтый плёс, и голос близкий
И шум порывистых берёз.

Велико было желание составить из не вошедших строк особый вариант произведения Рубцова. Но сам поэт ушёл из этого сумбура и достиг желаемого равновесия в одном из лучших своих стихотворений. Поэтому оставим эти его поэтические поиски и черновые варианты как пример его редкого трудолюбия. В связи с этим, появляется какая-то уверенность, что Рубцов работал вот так же тщательно не только над этим своим шедевром, но и над другими стихами. Просто их черновики были поэтом уничтожены или, к несчастью, не сохранились из-за отсутствия жилья или места, где их можно хранить. Получается, что в голове Н.М.Рубцов просто шлифовал свои не устоявшиеся строчки, искал те единственные слова среди породы пустых сравнений и эпитетов. Николай Рубцов иногда оставлял ранние версии в их машинописном или рукописном исполнении в своём архиве, дорабатывая их и превращая в более выразительные. Он хранил их, не имея, иногда, возможности перепечатывать свои стихи. Вячеслав Белков говорил, что у Рубцова почти нет отличия чернового автографа от белого. Но возможно, черновики поэт Рубцов совсем не хранил, не дорожил ими, считал отработанным материалом и выбрасывал. Сохранились воспоминания, в которых фигурируют целые чемоданы рукописей Рубцова, потом куда-то исчезнувшие. Это не касается дорогих для него памятных газетных вырезок, документов, записок друзей и приятелей, писем из издательств и журналов, договоров на издание произведений, других бумаг, коих немало собралось в последней квартире поэта на улице Яшина.

И вот перед вами почти законченная первоначальная версия стихотворения пока без даты и без названия. ВГМЗ (Вологодский государственный музей-заповедник) № 3718357.

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз,

И путь без солнца, путь без веры
Последних птиц под небом серым
Над застывающим прудом,
И холодок снежинок первых
И мрак, нагрнувший потом...

Давно река позарастала,
Давно от плёса нет следа,
Давно душа летать устала
За пищей в прошлые года,

Но всё равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови! -
Перекликаясь, плачут скрипки
О жёлтом плёсе, о любви,

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём...

В этом блокноте стихотворение «В минуты музыки» записано только в таком варианте. В данном конкретном случае Рубцов использует старый блокнот, по-видимому, времен учёбы в Кировском горно-химическом техникуме. Такой вывод можно сделать, сравнив почерк, которым

записано это стихотворение и стихотворения «Караваны» и «А чай припахивал смолою». Их красивый юношеский почерк написания и тематика явно отличаются от позднего рубцовского почерка с его характерными особенностями. В этом блокноте просто подвернулось пустое место, и поэт записал данный первоначальный вариант. Но он оказался явно промежуточным на пути к совершенству, хотя первую и две последние строфы Николай Рубцов оставит в окончательном варианте произведения.

Следующий полный вариант стихотворения уже имеет дату написания 30.05. 66 и заголовок, отличающийся от общепринятого сейчас. ВГМЗ № 3718361.

НЕ ГОВОРИТЕ НИ О ЧЁМ

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз...

Давно душа пылать устала, –
Блуждать в былом, как во хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но всё равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови!–
Перекликаясь, плачут скрипки
О жёлтом плёсе, о любви,

И всё равно под небом низким
Я вижу явственно, до слёз
И жёлтый плёс, и голос близкий
И шум порывистых берёз,

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём.
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём...

Но и в этом варианте, содержащем пять строф, есть разночтения с окончательным вариантом из шести строф. Они касаются второй строфы. Вариант записан Николаем Рубцовым без исправлений и по сути является беловым, хотя также промежуточным. В таком виде он просуществовал только сутки, ибо уже 31. 05.66. Рубцов пишет ещё один беловой полный текст стихотворения, назвав его «В минуты музыки печальной». В этом почти окончательном варианте поэт снова вернулся к строфе, над которой так много работал, сделав её второй, и внёс окончательную корректировку в третью строфу (бывшую в предыдущем варианте второй), которая приобрела классический вид и сейчас так и печатается повсеместно. Итак, вариант окончательный датируется автором 31.05.66 . ВГМЗ № 3718361.

В МИНУТЫ МУЗЫКИ ПЕЧАЛЬНОЙ

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз.

И путь без солнца, путь без веры
Гонимых ветром журавлей
И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей!

Давно душа блуждать устала, –
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но всё равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови!–
Перекликаясь, плачут скрипки
О жёлтом плесе, о любви,

И всё равно под небом низким
Я вижу явственно, до слёз
И жёлтый плес, и голос близкий
И шум порывистых берёз,

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём.
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём...

Стихотворение получилось, всё встало на свои места. Но вот второе четверостишие всё равно не даёт покоя поэту. И он его ещё раз переделывает, переставляя строчки в строфе. И вот в этом совершенном варианте оно печатается в сборнике «Звезда полей».

Итак, в данной работе мы вспомнили ранние и дорабатываемые поэтом версии стихотворения «В минуты музыки». Приведены все промежуточные, записанные поэтом варианты стихотворения, бывшие итогом его стихотворного труда лишь короткое время. Щедрый талант Рубцова предоставил исследователям такую редкую возможность – заглянуть в его черновики, практически в творческую лабораторию. В этом смысле наиболее важны те подписанные и датированные беловые версии, которые сам поэт на определённом этапе считал завершённым стихотворением. В этой работе приведены этапы черновой работы поэта Рубцова над одним из его самых совершенных стихотворений. Что же ищет поэт? Конечно и неожиданное сильное продолжение, развитие темы, лирические мотивы, наибольшую выразительность, ускользающую достоверность, но самое главное – поэт ищет и находит лад стихотворения, его музыку, настроение. Николай Рубцов мучительно ищет высокие и простые слова увядающей природы, образа человека, в ней растворённого и те звуки небесные, которые только он и слышит. Но эти же звуки не дают ему сфальшивить, взять неверную ноту внутри произведения. Рубцов чувствует рождение хорошего произведения, достойного его таланта и он готов работать над словом – образом до изнеможения. Благо на сей раз под рукой не только его память, под рукой блокноты и ручка, которыми, видимо, его снабдили его алтайские друзья.

Рубцов записывает все этапы творческого процесса работы над стихотворением «В минуты музыки». Сегодня эти стихи поют и классические певцы и барды, и народные исполнители. Стихотворение никого не может оставить равнодушным. Прочитав этот материал, придётся расстаться с некоторыми легендами о поэте и предстоит понять, что классическая чеканность и якобы простота рубцовских строк это не только его огромный талант, но и тяжелейшая работа над словом и образом. Такой вывод прямо-таки кричит из рубцовских черновиков доступных на сегодняшний день исследователям его творчества.

Череповецкие берега

Александр Кругликов

Александр Кругликов родился в деревне Шалимово Череповецкого района в 1953 году. После окончания средней школы и службы в береговых частях Северного Флота 36 лет трудился на сталепрокатном заводе правильщиком проката и труб. Имеет звание «Почётный металлург»... Ныне – пенсионер.

Публиковался в городских и областных газетах, журналах и альманахах: «Автограф», «Воскресенский проспект», «Соборная горка», «Над Шексной», «Наши современники», «Невский альманах». Лауреат премии им. Леонида Беляева за 2009 год

* * *

Пошли ночные холода,
уходит северное лето.
И грустно мне, что город этот
оно покинет навсегда.
И грустно, грустно вспоминать
те дни, когда я был так молод,
когда приехал в этот город,
чтоб с ним навек судьбу связать...
И радости, и боль утрат...
Предстанет всё передо мною.
Над остывающей Шексною
туманы стелются с утра.
И заводской родимый дым
к реке плывёт рекою мутной.
И тянет этим грустным утром
меня опять к полям родным...
Отец и мать, и братья там
лежат на кладбище суровом...
Там догорает август снова,
дымя туманом по утрам.

* * *

Старенький дом за берёзами —
чуть помоложе меня...
Вечер с холодными звёздами,
в ближних домах ни огня.
Время кончается летнее,
падает лист за листом...
Не был давно... Вот и встретились,
домик родной за прудом.
Холодно в милой обители —
где мы росли пацаны.
А молодые родители
смотрят в глаза со стены...

Дети их шумные выросли,
время пришло уезжать.
Чувств не успели мы выразить,
поговорить и обнять...
И перед встречей с вечностью
съездить на пару бы дней
в домик в деревне над речкою
возле седых тополей...

* * *

«В этом городе крыши низкие»
и повыше крыш купола.
Жили-были здесь души близкие,
да судьба давно развела...
Церкви древние в этом городе,
вековые деревья здесь.
...И у нас поседели бороды
и болячек, и ран не счесть.
Вновь над городом тучи низкие,
ветер валит деревья с ног...
А за городом гром с искрами —
это мчится Илья-пророк.
Водка крепкая в этом городе
и прозрачная, как слеза...
Вспомним близких и нашу молодость,
отшумевшую, как гроза.

ЖУРАВЛИ

Мы представить такое себе не могли:
всюду снег в середине апреля.
Но гляжу — показались в небесной дали
журавли.

Журавли!

Неужели?!

Журавлиный и впрямь приближается клин,
на душе пробуждая волнение.
Над холодным безмолвием белых равнин
начинается птиц наступление.

За деревней под солнцем весенним стою,
а мороз пробегает по коже.
Холода задержались в родимом краю,
но весна побеждает, похоже.

И вовеки веков побеждала она.
Но сначала грачи прилетали...
Птицы с юга летят, за волною волна.
Ждать у моря погоды устали.

А внизу, в море снежном, так мало земли,
ото льда не избавились реки...
Но, как прежде, на север летят журавли,
дав отчизне присягу навеки.

* * *

Тишина над родной стороной,
на душе и покой, и отрада...
Веет август прохладой ночной,
наступает пора звездопада.

Там, под куполом чёрным, зажглись
по ушедшим в безмолвие свечи.
Словно нехотя, падает лист...
Да и дуб вековечный не вечен.

Пролетел и сгорел метеор,
не вернётся он в небо родное.
...Все уйдём, так о чём разговор –
Благодарен за счастье земное.

Горевали порой, ну и что ж?
Знал ли радость, не знавший печали?
Вслед за предками просто уйдёшь
в неземные безбрежные дали.

Набежавшей слезы не унять...
Я люблю и мороз, и метели,
и цветущих лугов благодать,
и скворцов, что весною нам пели.

По росистому лугу иду,
на душе – тишина и усталость...
Сколько яблок упавших в саду!
Сколько жить уцелевшим осталось?

* * *

Во все прекрасна времена,
она, любовь земная.
Есть у неё своя весна
от марта и до мая.
А в мае ей всю цвести
и расставаться с цветом...
Но лето, лето впереди
с его теплом и светом.
А дальше осени черёд,
холодный дождь и слякоть...
Но если вдруг печаль придёт,
вдвоём светлее плакать.
Ну а потом придёт мороз...
И загрустим, старея.
А нас любовь, до поздних звёзд,
лучом прощальным греет.

* * *

Я шёл сюда за три версты,
чтоб выпить стопку виновато....
Вокруг деревья, как кресты
над всеми жившими когда – то.
С берёзой шепчется сосна
седою кроною своею...
А смерть одна. И жизнь одна -
и жаль нам расставаться с нею.
Листвы последние шаги...
Рябины кровь да стон осины...
И держат здесь ещё долги
отца и брата, мужа, сына...
Остыли поздние цветы...
Здесь все равны...Здесь выпить свято.
Я шёл сюда за три версты,
как в школу местную когда – то...

* * *

За окошком вьюга бесится,
не согреть дыханьем дом...
На душе моей невесело –
вспоминаю о былом.
У крыльца берёзки тонкие
до колен занесены...
Вспоминаю детство звонкое –
звон в ушах от тишины...
Детство бедное, но чудное!..
Как его мне позабыть!?
Вспоминаю годы трудные,
чтобы легче было жить...

Белый лес стоит, завьюженный.
Ждёт, когда придёт весна.
Очарован снежным кружевом,
застываю у окна.
...Покидал избу с завалинкой
и на улицу – вперёд!
Надевал коньки на валенки
и на речке резал лёд.
Возвращался, ног не чувствуя.
Грелся долго на печи.
А теперь.
...потрогал с грустью я
ледяные кирпичи.
На печи замёрзли валенки,
снег не тает на полу...
Как тогда, когда был маленьким,
гляну в зеркало, в углу...
Пронеслась, как лето, молодость.
Снег не тает на висках...
Выпью стопочку – от холода,
повитаю в облаках...

* * *

Время белым уйти снегам,
веет новой с реки весной.
В белой роще, где белый храм,
под берёзою вековой
дети лепят снеговика.
Продолжается жизнь. Пока.

К поседевшей прижмусь коре,
вспомню жизни своей рассвет.
Как гулялось нам, детворе!
Ни друзей не вернуть, ни лет...
Были мы детьми неужель –
снежных баб лепили в капель?..

Пронеслись и мои года,
отгремело немало гроз...
И она была молода –
эта роща седых берёз.
Был ровесником прадед мой
этой рощи немолодой...

Новый Храм вознёс купола,
чтоб ушедшим взирать с небес
на потомков своих дела,
на красу этих дивных мест...
Пусть живёт годам вопреки
роща древняя у реки!

Смех задорный и там, и тут
в роще слышится над рекой...
Вижу детскую суету
под берёзою вековой.
Дети лепят снеговика
продолжается жизнь пока...

* * *

Я глаза разглядел твои
сквозь метели...
Пробудились в душе ручьи
и запели!
Отгремела гроза,
в небе лунная долька...
Полюбил я твои глаза
(и не только).
Шёл во тьме на их свет,
спотыкался.
Думал я: счастья нет!
Ошибался.
Пели нам соловьи
всё то лето...
И сияли глаза твои
лунным светом.
Был потом я всю жизнь влюблён
в их сиянье.
...Осыпается клён
хмурой ранью.
Ивы смотрятся в пруд –
ждут метели.
Воробьи о любви не поют,
но запели.

* * *

Вновь пропитано солнечным светом
всё вокруг от зари до зари.
И волнует, и радует лето,
пусть лишь бабье, но лето – смотри!..
Мы идём мимо горки Соборной,
Мимо мёртвых и мимо живых...
Мимо в гору бредущих упорно,
позолоченных лип вековых.
Листья жёлтые землю заносят,
а потом их укутает снег...
Приближается поздняя осень.
Продолжается времени бег.
И пока не пора для печали...
Солнце светит и греет пока.
И сияют заречные дали,
и сверкает, волнуясь, река.

Берега памяти

Людмила Яцкевич

Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) родилась в г. Череповце Вологодской области. Доктор филологических наук, профессор. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг: «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Народное слово в произведениях В.И. Белова», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора» и др. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на который В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером».

Поэт и блаженный

Рассказ

В XIX веке в Вологде жили два замечательных человека, которые оставили заметный след в истории города и в душах вологжан. Оба они, достигнув зрелого возраста, несли тяжёлый крест: люди считали их безумными. Сказано нам: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом». А случается и так, что безумное для мира сего оказывается мудростью перед Богом.

Один из этих людей – Константин Батюшков (1787–1855), которого по праву считают одним из лучших поэтов золотого века русской литературы. Памятник ему стоит на берегу реки Вологды. Батюшков изображён как воин, держащий под узду своего боевого коня, и как поэт, окружённый музами. Недалеко от этого памятника находится дом поэта, где он провёл последние 22 года своей жизни и где сейчас располагается его мемориальный музей. Похоронен он в Спасо-Прилуцком монастыре. Его могилу посещают туристы и литераторы, там служатся заупокойные панихиды в дни его памяти. О его трагической судьбе написано немало, но, к сожалению, никто так и не смог разгадать тайны его странного безумия.

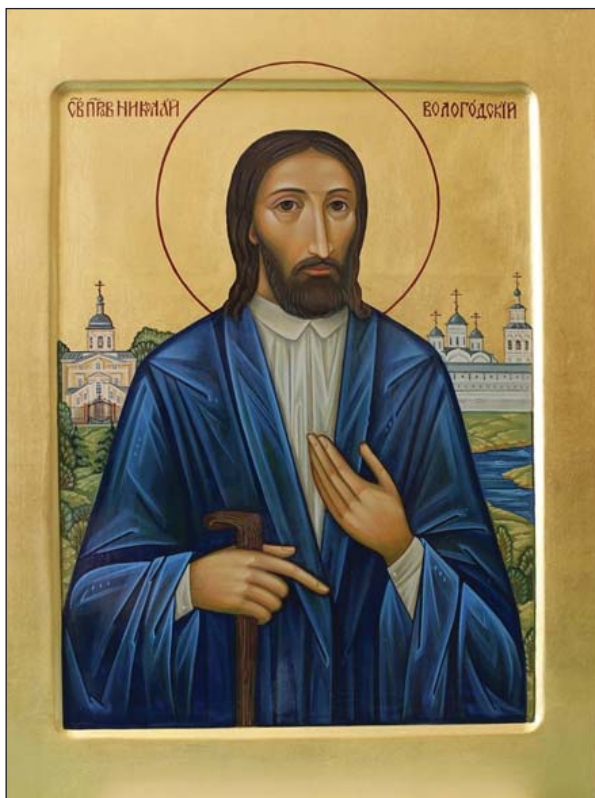
Второй известный вологжанин, которого многие жители города считали Христа ради юродивым, – Николай Рынин (1777–1837). Сейчас о нём знают лишь православные жители Вологды. Дом, где он родился и вырос, не сохранился, зато недалеко от храма Рождества Пресвятой Богородицы, на бывшем городском кладбище, стоит над его могилой каменная часовня, построенная почитателями блаженного Николая. Прошло 180 лет после его смерти, но до сих пор поток православных вологжан и паломников идёт и идёт к его гробнице за молитвенной помощью.

События того давнего времени, когда в Вологде жили два странных «безумца», мы изложили здесь, следуя историческим документам и воспоминаниям современников.

«МЕНЯ УЖЕ НЕТ НА СВЕТЕ...»

Шёл 1833 год. По весенней Вологде разносился пасхальный благовест, толпы горожан расходились по домам после праздничной заутрени в храмах. Едва брезжил рассвет, и город тонул в утренней дымке, наполненной колокольными звонами.

Михаил Александрович, учитель гимназии, вышел из церкви Воскресения Христова, что на Лениной площадке, и неторопливо шагал к Соборной площади. На вид ему лет сорок, на нём тёмная форменная шинель и фуражка с кокардой. Лицо его, с небольшими усами и русой бородкой, выглядит задумчивым и умиротворённым.

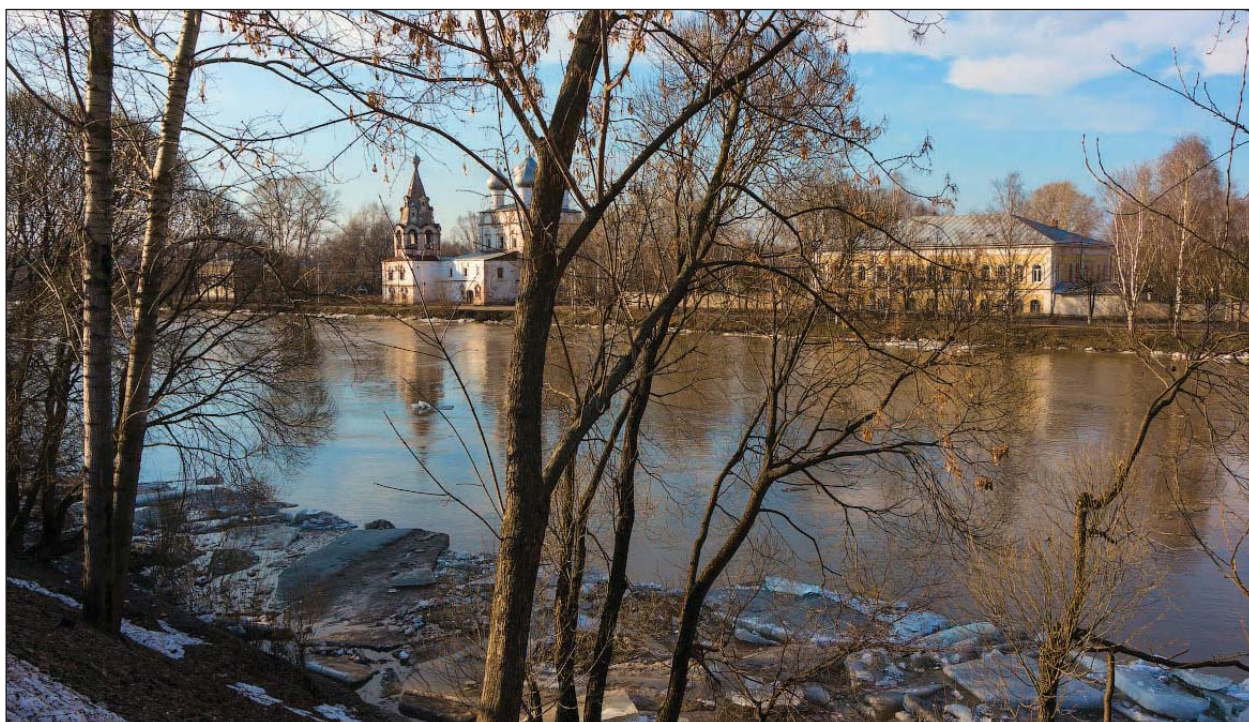

Николай Вологодский, блаженный провидец

воспоминания роились в голове и тревожили его. Неожиданно в его сознании возникла яркая картина: зимний вечер 1810 года, небольшая неярко освещенная зала, и он, тогда студент Московского университета, – в обществе молодых офицеров и литераторов. Среди них его земляк – Константин Батюшков, двадцатитрёхлетний офицер, уже успевший побывать на двух войнах: в прусской кампании и в Финляндии, где командовал сотней ополченцев, был серьёзно ранен и награждён орденом. Батюшков встаёт и начинает читать свои новые стихи, посвящённые боевому другу Петину. Читает он так, что невозможно слушать без волнения...

Он прошёл мимо Софийского и Воскресенского соборов, вышел на Малую Благовещенскую улицу и двинулся по ней мимо углового дома. Казалось, что это двухэтажное каменное строение необитаемо и погружено в глубокий сон, его большие окна призрачно темнели. Но вдруг случайный взгляд учителя уловил в одном из них какой-то неясный образ. Он остановился, присмотрелся внимательнее и увидел стоящего вплотную к окну странного человека. У него было бледное лицо, пустой скорбный взгляд, устремлённый куда-то вдаль, и от всей его фигуры веяло чем-то потусторонним, внушающим душевный трепет. В то же время человек этот показался Михаилу Александровичу знакомым. Ему стало не по себе, праздничное настроение как-то померкло: «Наваждение какое-то. Надо бы узнать, кто там живёт». Он ускорил шаг и почти побежал.

В комнате, которую он снимал у вдовы чиновницы, на столе его ждало блюдо с куличом, обрамленным крашеными яйцами – подарок хозяйки, жалевшей одинокого квартиранта. Он лёг отдохнуть, даже не притронувшись к угощению. Увиденный в окне призрак не оставлял в покое его воображение. Сон не шёл, какие-то смутные

– Неужели это он?! – Михаил Александрович вскочил со своего ложа. – Тот самый Батюшков, стихи которого он так любит и не устаёт перечитывать?

Краем уха он слышал, что поэт тяжело заболел и лечился где-то за границей. Но почему он оказался в этом доме, а не в своём имении под Устюжной?

Спать совсем расхотелось. Учитель умылся холодной водой, снова оделся и пошёл бродить по городу.

Солнце уже взошло, было ветрено и прохладно. Он шёл вдоль реки, наблюдая за её неторопливым течением и медленно плывущими остатками льдин. Незаметно для себя оказался у церкви Живоначальной Троицы, где покоились мощи преподобного Герасима. Оттуда двинулся мимо Горбачёвского кладбища по лесной тропинке, которая вела к Спасо-Прилуцкому монастырю. Под сенью высоких сосен было сумрачно, но и здесь птицы подавали свои весёлые весенние голоса. Вдруг раздался хруст веток под чьими-то шагами. Навстречу ему шагал высокий черноволосый человек, одетый в синий холщовый балахон, с посохом в руке. Михаил Александрович сразу его узнал: это был местный юродивый Николай Рынин, которого многие в Вологде почитали как блаженного. Он часто бывал в монастыре, и сейчас, по всей видимости, шёл оттуда.

– Ещё одно видение! – недовольно подумал учитель и уже хотел пройти мимо Николая. Он с каким-то презрительным недоверием относился к этому безумному человеку. Однако тот вдруг остановился и, глядя пронзительными чёрными глазами, произнёс грубым голосом:

– Ещё одно виденье! – и пошёл далее, опустив голову вниз. Потом снова остановился и, повернувшись, хрипло пробасил:

– Услышишь, что его уже нет на свете, – не верь.

Потом ускорил шаг и быстро скрылся за поворотом. Михаил Александрович стоял в растерянности:

– Как он мог узнать мои мысли? И что значат его последние слова? Что за странный день! У всех праздник и радость, а у меня одни непонятные встречи и загадки ...

Вернувшись домой, учитель решил, наконец, разговеться куличом и выпить чаю. Он зашёл на половину хозяйки, чтобы поздравить Анну Лукиничну с праздником, и обнаружил, что у неё сидят гости. Его приветливо усадили за стол, полный праздничных блюд. В рассеянности, занятый своими мыслями, он не прислушивался к общей беседе, а когда за столом возникла пауза, спросил, обращаясь сразу ко всем:

– Господа, вы не скажете, что за жилец поселился в том каменном доме, что на углу Малой Благовещенской и Гостинодворской?

Ему ответил пожилой дворянин, старый знакомый хозяйки:

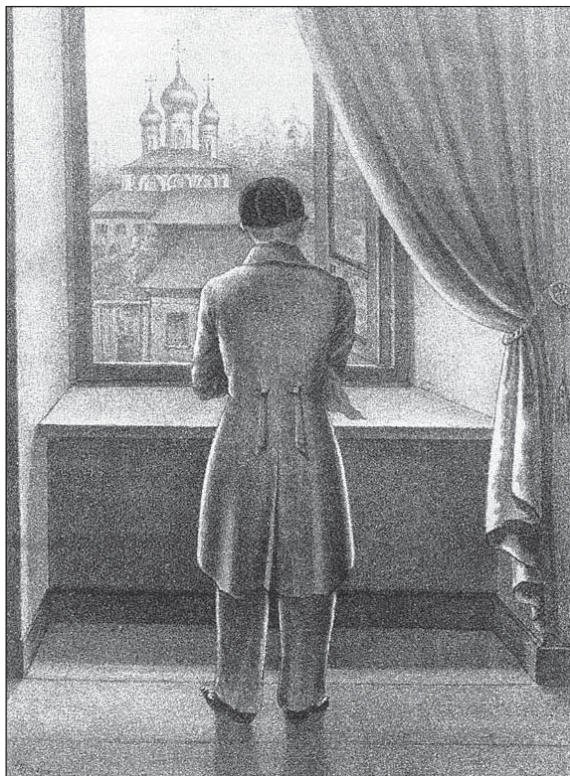
– Как, разве вы не знаете? Там живёт известный стихотворец Батюшков. Родственники привезли его в Вологду в марте, на Крестопоклонной неделе. Говорят, он очень болен.

– Что с ним? – спросил Михаил Александрович взволнованно.

– Я слышал, что он лишился рассудка несколько лет назад. Его упорно лечили, но всё оказалось бесполезно. Теперь его взял на попечение племянник – сын его старшей сестры Анны. Снял в аренду дом и, как опекун, распоряжается всем состоянием своего подопечного.

* * *

Михаил Александрович был родом из обедневшей дворянской семьи, но отец постарался дать своему единственному сыну хорошее образование. Мать была женщиной набожной, она воспитывала сына в христианской вере и привила ему уважение к простым людям. Он вырос человеком впечатлительным, в молодые годы писал стихи, много читал, интересовался литературными новинками. Однако после окончания университета уехал домой в Устюжну, женился. Семейные и служебные хлопоты в маленьком провинциальном городке постепенно вытеснили увлечения молодости. Ранняя смерть жены внезапно изменила уклад его жизни. Отправив двух сыновей в московский пансион, он переехал в Вологду и устроился на работу учителем гимназии. Близких друзей у него здесь так и не появилось. Коллеги-учителя увлекались картами и мистическими опытами, мода на которые пришла в провинцию из столичных аристократических салонов. Ходить на такие вечера он не стал. Печаль и одиночество стали теперь постоянными его спутниками. Судьба Батюшкова его глубоко тронула. «Боже, помоги ему! Он, по всей видимости, ещё более

*К.Н. Батюшков.
С рисунка Н.В. Берга*

Ожидание становилось мучительным для гостя, он уже сожалел о своем визите, как вдруг хозяин, не поворачиваясь, медленно произнёс: «Меня уже нет на свете ... Это по мне звонит колокол... Я не воскрес!». Михаил Александрович молча поклонился, не зная, что ответить на эти странные слова. Поэт опять заговорил, в комнате тихо зазвучали стихи:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Учитель снова молча поклонился, сердце его страдало. Он тихо вышел из комнаты, попрощался со слугой и поспешил на улицу...

Как и накануне, он дошёл до Горбачёвского кладбища и двинулся к монастырю. Ему казалось, что там он сможет утишить навалившуюся мрачную меланхолию. В лесу он вдруг остановился от внезапно пришедшего воспоминания: «Здесь вчера этот вологодский юродивый мне говорил: «Не верь, если он скажет: «Меня уже нет на свете...». ... Значит, блаженный Николай и это предвидел! Что происходит! Или я тоже схожу с ума!»...

Михаил Александрович стоял под высокой берёзой, ветви которой были покрыты уже набухшими, готовыми распусться почками, глядел на пробивающиеся из-под земли голубоватые подснежники, покрывавшие праздничным ковром всё ближайшее пространство, и душа его тоже, как и природа, просыпалась после долгого сна. Он пошёл дальше и стал вслух читать покаянный псалом: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей ...». После смерти жены и разлуки с детьми его сердце, от природы доброе, охладело в постоянном отчаянии и убивающей душу пустоте. Михаил Александрович перестал обращаться к Богу с сердечной молитвой, как это было ранее. Неожиданно возникшее теперь молитвенное состояние согрело душу, оживило его. А в голове непрестанно звучал вопрос: почему ранним пасхальным утром ему были посланы встречи с этими безумными людьми, связанными между собой какой-то невидимой нитью?

обездолен и одинок, нежели я», – подумал учитель и решил на следующий день навестить больного поэта...

Подходя к дому на Малой Благовещенской, Михаил Александрович размышлял: «Примут ли меня? Всё-таки наше московское знакомство с Батюшковым было недолгим и слишком давним».

На пороге его встретил слуга и, услышав, что гость пришёл к Константину Николаевичу, смутился:

- Он болен, не принимает.
- Я его старый приятель из Устюжны. Доложите, пожалуйста.

Слуга ушёл и, вернувшись, повёл гостя на второй этаж. Учитель зашёл в комнату с высоким окном, выходящим на Софийский собор, и осмотрелся. Спinoй к нему у окна стоял невысокий человек в сюртуке.

– Здравствуйте, Константин Николаевич! Христос Воскресе! – промолвил оробевший учитель. – Я – Михаил Александрович, из Устюжны. Мы с Вами приятельствовали в Москве в молодые годы. Помните меня?

Прошла минута, но поэт продолжал молча стоять лицом к окну. Тишина... Слышен только звон коло-

У входа в обитель он встретил Петра, молодого послушника Кириллова Новоезерского монастыря, который приехал на праздники навестить своих родителей. Купеческая семья Мясниковых жила недалеко от дома, где квартировал учитель, поэтому он с Петром уже был немного знаком. Это был юноша двадцати трёх лет с густыми чёрно-каштановыми волосами, тёмными широкими бровями и живыми пронизательными глазами. На красивом его лице ещё не видно было признаков усов или бороды.

Поздоровавшись, они направились в монастырский храм на вечерню, а затем после службы вместе пошли домой. Был светлый апрельский вечер, стояла праздничная тишина пасхальной недели. Шли по лесной дороге к городу, сначала молча, потом как-то понемногу разговорились. Михаилу Александровичу пришёлся по душе этот глубоко верующий юноша, и он стал расспрашивать его о юродивом Николае, вчерашняя встреча с которым не выходила у него из головы.

– Николая Рынина в нашей семье почитают за блаженного, за юродивого Христа ради, – отвечал Пётр. – Да не только мы, – многие в Вологде убедились в его прозорливости. Вы человек здесь новый, но я вижу, он и Вас чем-то удивил?

– Да, признаться, вчера он меня поразил. Эти его странные слова... Я ведь его просто за какого-то безумного считал.

И учитель поведал о своих недавних встречах. Пётр внимательно его слушал, и тихая задумчивая улыбка не сходила с его лица.

– Вот видите, Михаил Александрович, как бывает: в столицах Батюшкова залечили, а у нас в Вологде он поправит здоровье. Наверное, об этом Вам хотел сказать блаженный Николай.

НЕОБЫЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Константин Николаевич Батюшков, которого Бог одарил незаурядным умом, поэтическим талантом, многочисленными друзьями, вдруг за несколько лет теряет всё и, как Иов многострадальный, остаётся наедине со своей мучительной болезнью. Все в один голос утверждают, что всему виной наследственная психическая болезнь по линии матери. Злой рок! ... Однако как часто мы лениво следим только за тем, что является всего лишь поверхностным проявлением скрытых событий. В чём здесь Божий Промысл?... Библейский Иов знал в чём. В нём, несмотря ни на что, жила твёрдая вера, и Бог его вознаградил. А что же происходит с Батюшковым?

Так размышлял Михаил Александрович, возвращаясь домой. Его встретила хозяйка и сообщила, что приходил слуга Батюшкова и передал для него письмо. У себя в комнате учитель развернул послание и прочитал:

«Христос Воскресе! Милостивый государь Михаил Александрович, сегодня я холодно Вас принял. Приношу свои извинения! Если у Вас жива память сердца и для Вас, действительно, дорога наша дружба в молодости, прошу зайти ко мне завтра ближе к вечеру для совместной прогулки. Константин Батюшков».

Учитель был взволнован: «Значит, сознание поэта не умерло окончательно! Значит, оно живо, раз вспомнил меня! Но посмотрим, что будет завтра».

На следующий день он явился в дом Батюшкова. К нему вышел человек неопределённого возраста, небольшого роста, со светло-русыми вьющимися волосами. У него было очень бледное лицо и какие-то остановившиеся глаза, словно смотрящие и не видящие ничего вокруг. Трудно было узнать в нём того жизнерадостного офицера, которого Михаил Александрович знал в юности. Ему стало не по себе, но он переборол внутреннее смятение, и они дружески обнялись.

Следом появился, по всей видимости, племянник Батюшкова, его опекун. Он приветствовал гостя: «Ваше появление оживило Константина Николаевича. Обычно он никого не принимает и никуда не выходит. Что ж, прогуляйтесь, погода сегодня прекрасная. Только недолго, чтобы не устать». Батюшков при этих словах поморщился и как-то диковато посмотрел на своего родственника, но ничего не сказал.

Вышли на улицу и медленно двинулись к реке. Оба молчали довольно долго. Когда уже шли вдоль берега, поэт, наконец, тихо произнёс:

– Вы, я вижу, подавлены моим нынешним состоянием. Что ж, это лучше, чем показывать фальшивую жизнерадостность! Так искреннее будет.

– Константин Николаевич, я вижу, что Вам пришлось многое перенести. Страдание Ваше близко моему сердцу: я ведь тоже сейчас пребываю в большом горе. Год назад в нашем крае была страшная эпидемия холеры, было много смертей, умерла моя жена – самый дорогой для меня человек. Дети теперь вдали от меня, в пансионе, их ведь надо учить. Простите, что я Вам всё это говорю!

Глаза Батюшкова словно бы оттаивали по мере того, как он слушал своего провожатого. Видимо, оттаивало и сердце, тронутое чужой болью. Он остановился и произнёс как-то совсем по-дружески:

– Я теперь спасаюсь молитвой. Вам она тоже близка, я чувствую. А раньше я утешал себя стихами. Послушайте, я прочитаю своё старое стихотворение ещё военных лет. Оно было для меня как молитва.

Они присели на скамейку на берегу реки. Батюшков начал тихо, но постепенно воодушевляясь, возвысил голос:

Мой дух! Доверенность к Творцу!

Мужайся, будь в терпении камень.
Не Он ли к лучшему концу
Меня провёл сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?...

Чтение стихов оживило поэта: лицо утратило бледность, глаза заблестели. Михаил Александрович был потрясён силой поэтического чувства, его духовной чистотой. Он не решался заговорить. Они продолжили свой путь вдоль реки, но молчание было на этот раз не тягостным, а просветлённым.

По дороге они увидели такую картину: на бревне сидел блаженный Николай, окружённый бедно одетыми детьми, и что-то им раздавал, приговаривая своим грубым громким шёпотом: «Господи, помилуй! Господи, спаси! ...». Заметив прохожих, он отдал ребёнку оставшееся угощение и поднялся.

– Христос Воскресе, Николай Матвеевич! – дружелюбно сказал учитель.

– Воистину воскрес, братья! – прошепел голос блаженного. Не обращая внимания на учителя, он напряжённо вглядывался в лицо поэта и вдруг упал перед ним на колени. Батюшков испуганно отступил назад:

– Кто ты? Что тебе нужно от меня?

– Тебе нечего бояться! Не бойся никого, только Бога одного!

Николай стремительно встал и быстро пошёл по дороге в сторону Соборной площади.

Батюшков, глядя ему вслед, задумчиво спросил: «Кто же всё-таки этот человек?» Михаил Александрович рассказал всё, что узнал о блаженном в эти последние дни. О смерти молодой жены Николая, о его шестилетнем молчании после этого, о том, что он раздал своё имущество людям, о том, что его сочли за сумасшедшего и лечили не только в психиатрической больнице, но и возили по монастырям – исцелять молитвой. Наконец, его выпустили на свободу – странствовать и молиться по церквям. И вот он обрёл дар провидческий.

– Так это юродивый!... Он пожертвовал своим рассудком ради Христа! Страдает в этой земной жизни, но он с Богом. И Господь помогает ему, а через него другим людям! ... А я рассудком не жертвовал, его у меня забрал злой рок ... и люди этому помогли. Я просто больной человек! Боже, как я хочу быть таким же свободным странником, как этот Николай, но ...

В это время к ним подошёл пожилой человек, видимо из дома Батюшкова, и сказал учтиво, но твёрдо: «Константин Николаевич, Вас ждут к ужину. Пойдёмте домой». Батюшкову было досадно, что его прервали в такой момент, когда он говорил о самом сокровенном. Он поморщился и с неприязнью посмотрел на подошедшего. Всегдашняя тень отчуждения и бледность снова покрыли его оживившееся, было, лицо. Он холодно раскланялся с учителем и в сопровождении посыльного пошёл назад...

Прошло несколько дней. Кончилась светлая седмица, прошла Радоница. У Михаила Александровича продолжились занятия в гимназии, где он преподавал древние языки. Со своими новыми знакомыми он не виделся. Иногда он вспоминал слова Батюшкова, говорящие о его совершенной духовной трезвости: «А я рассудком не жертвовал, его у меня забрал злой рок ... и люди помогли...». Интересно, что же это за люди, которые «помогли» поэту стать душевно больным? Ведь в годы юности его окружали добрые друзья, которые его искренне любили, заботились о нём, ценили его поэтический дар. Безусловно, его недоброжелатели – это не Жуковский, не Карамзин, не Гнедич, не Вяземский. Ещё менее вероятно, что это могли быть его родственники Муравьёвы, в доме которых Батюшкова принимали всегда как любимого племянника и брата. «Всё-таки надо ещё раз встретиться с ним. Быть может, я чем-то смогу помочь в его борьбе с недугом», – решил Михаил Александрович.

ПОЭТ И МОНАШЕСТВО

В конце мая учитель снова пришёл к Батюшкову. Знакомый слуга встретил его, попросил подождать, а когда вернулся, повёл его не в комнаты Батюшкова, а на другую половину, к его родственникам.

Принял его в своём кабинете Григорий Абрамович Гревенц, опекун Батюшкова, лейтенант флота в отставке:

– Здравствуйте, Михаил Александрович! Я тронут Вашей заботой о моём дяде Константине Николаевиче. Он говорил о Вас с теплотой, но сегодня он очень болен, принять Вас не может.

– Что с ним? – встревожился учитель.

– Он простудился, видимо, на прогулке. У него опять лихорадка. Мы делаем всё возможное для его выздоровления. Но больше, чем эта болезнь, меня беспокоят его новые навязчивые помыслы о монашестве, об уходе в монастырь. Правда, это уже рецидив: подобные бредовые мысли посещали его, когда он ещё числился на службе. Недавно я случайно обнаружил черновик его давнего письма к государю Александру на эту же тему. Вот посудите сами...

Григорий Абрамович достал из своего стола лист бумаги и протянул его гостю.

– Мне неудобно читать чужое письмо без разрешения автора, – пробормотал тот сконфуженно. – Как оно у вас оказалось?

– Я опекун больного и должен знать о подопечном всё, чтобы в нужный момент оградить его от опасности. Прошу Вас, ознакомьтесь, чтобы быть в курсе наших печальных дел, поскольку Вы уже начали принимать в них участие.

Учитель взял письмо и начал читать:

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивейший Государь!

Поставляю долгом прибегнуть в Вашему Императорскому Величеству с верноподданнейшей просьбою, которая заключается в том, чтобы Вы, Государь Император, позволили мне непременно удалиться в монастырь на Белоозеро или в Соловецкий. В день моего вступления за пределы мира я желаю быть посвящен в сан монашеский, и на то прошу верноподданнейше Ваше Императорское Величество дать благоизволение Ваше. У православного алтаря Христа, Бога нашего, я надеюсь забыть и забуду два года страданий: там стану памятовать только монаршую милость, о которой Вас умоляю, Государь Всемилостивейший.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Константин Батюшков

Санкт Петербург, 11 апреля 1824 г.».

Рука учителя непроизвольно задрожала, к горлу подкатил комок. Собеседник заговорил напористо:

– Ну что? Убедились сами. Более чем странное прошение. Получив такое чудное послание, Царь вызвал к себе для разъяснений Жуковского, с которым Константин Николаевич был дружен, и тот сообщил государю о начале тяжёлой душевной болезни Батюшкова. Государь выразил сочувствие и пожертвовал деньги на его лечение. После этого друзья поэта отвезли его лечиться в Германию, в курортный городок Зонненштейн.

– Но позвольте: в этом письме нет ничего странного. Просто для светского мнения непривычно,

*Иеромонах Игнатий (Брянчанинов).
Вологда. 1832 г. Рисунок неизвестного художника.*

что дворянин и талантливый поэт вдруг решил стать монахом. Конечно, в наше время в монастырях пребывают, в основном, выходцы из духовенства, крестьян и купечества. Но, насколько мне известно, среди монашествующих, есть и дворяне, умнейшие и высоко образованные. Вот свежий пример: наш земляк Дмитрий Брянчанинов, талантливый молодой человек. Ему удалось преодолеть гнев отца и самого Государя, оставить карьеру офицера и уйти в монастырь.

– Да, все в Вологде наслышаны о Брянчанинове. Кстати, наши прадеды были в родстве. Однако не будем сравнивать нашего бедного больного поэта с этим странным молодым дворянином. Моего дядю мучает чёрная меланхолия, мания преследования, он покушался неоднократно на свою жизнь. Мне горько об этом говорить, но это так. Его лечили лучшие столичные врачи, его помещали на четыре года в знаменитую психиатрическую лечебницу в Германии. И вот теперь он здесь. Врачи бессильны ему помочь. Только наша родственная забота и любовь смогут облегчить страдания больного поэта.

– Простите меня великодушно, но когда я разговаривал с Вашим дядей на прогулке, то ничего странного в его словах и в поведении не заметил. Он прочитал мне своё стихотворение под названием «Надежда». Это удивительно глубокая вещь, настоящая молитва в стихах. Он действительно глубоко верующий человек!

– Тем не менее, настоятельно прошу Вас не поддерживать его разговоры на мистические темы. В его истории болезни столичные врачи отметили, кроме мании преследования, религиозный бред. Во время вашего общения отвлекайте его на другие темы. Так ему будет спокойнее.

* * *

Наступило лето. Освободившись от занятий в гимназии, учитель начал присматривать себе дом для покупки, так как окончательно решил обосноваться в Вологде. В это время снова приехал навестить родителей послушник Пётр Мясников. Михаил Александрович, зная его добросовестность и унаследованную от отца купеческую обстоятельность, попросил его помочь в этом деле. А дело было не простое, ведь большинство домов в Вологде были обычными деревенскими избами. Новый друг помог найти хороший домик, на вид скромный, но крепкий, с просторными светлыми комнатами, с уютным двориком и садом. Продала его пожилая купеческая вдова, которая переезжала к детям в Ярославль. Перебравшись в новое жилище, учитель нанял в прислуги домовитую крестьянку и вместе с ней погрузился в хозяйственные заботы. Надо было готовиться к приезду детей, ведь этот дом должен стать для них родным гнездом.

С Петром они ещё больше сблизились и общались совершенно непринуждённо, несмотря на различия в возрасте и образовании. Беседовать с этим молодым послушником было интересно: он хорошо знал Священное Писание, жития святых, а самое главное, имел редкий дар рассуждения. Как-то вечером они сидели в новом доме Михаила Александровича за чаем, и Пётр спросил:

– Что слышно о Батюшкове? Ведь Вы с ним возобновили прежнюю дружбу?

– Я его давно не видел. Недавно решил навестить, прихожу – мне говорят: он болен лихорадкой. И я имел разговор не с ним, а с его племянником, опекуном.

Учитель откровенно рассказал, о чём шла речь, и закончил так:

– Я не понимаю, почему желание поэта стать монахом показалось его столичным друзьям религиозным бредом! Вот Вы, например, совершенно духовно здоровый человек, а собираетесь посвятить свою жизнь монашескому подвигу. Может быть, Вы мне объясните, почему на этом пути Батюшков встретил такое сопротивление.

Вологда. Сенная площадь. Середина XIX века.

Пётр был слегка смущён, а потом тихо отвечал:

– Мне трудно об этом судить! Я только начинаю свой монашеский путь. Но уже твёрдо знаю, что благословляет в монастырь не царь, а твой духовный отец. Он знает тебя лучше, чем ты сам. В этом поступке Батюшкова, в его письме Государю чувствуется какой-то духовный надрыв. Какая-то трагедия.

Немного помолчав, словно колеблясь, говорить или нет, Пётр продолжал:

– Вот вы упомянули о Брянчанинове. Мы с ним несколько раз встречались, он мне многое объяснил в сокровенной жизни монаха. Духом он удивительно здоров, а вот телом болен. И болезнь появилась после страшных душевных переживаний. Когда он учился в Инженерном училище в Петербурге, они с другом стали исповедоваться у духовника училища каждую субботу и причащаться – каждый воскресный день. Так желали их души очиститься от греха и быть ближе к Богу. Духовнику это показалось подозрительным, ведь обычно дворяне исповедуются один раз в год – в Великий Пост, и он донёс начальнику училища. Молодых людей вызвали на допрос, потребовали повторить свою исповедь в присутствии начальства. А ведь все они, начиная с начальника училища, были лютеранами и не понимали, что такое православная исповедь. Они опасались, что у юнкеров есть какие-то тайные политические замыслы. Брянчанинов был потрясен этим допросом и заболел. Думали, что у него чахотка, и он умрёт, но он выжил и остался при твёрдом убеждении, что его место в монастыре. Этого не желали ни его родной отец, ни Царь. Брянчанинов блестяще выдержал выпускные экзамены, получил чин подпоручика, год прослужил в инженерных войсках и подал прошение об увольнении. Очень тяжело ему было идти против отцовской и царской воли, но Господь управил – он стал монахом. Два года назад его постригли в мантию в нашем кафедральном Воскресенском Соборе. Ему было дано имя Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца. А теперь он уже игумен, усердный строитель Лопотова монастыря.

– Ну а Вам, Пётр, тоже пришлось пострадать, прежде чем уйти в монастырь?

– Нет, у меня всё было проще, слава Богу. Мои батюшка и матушка нас, своих детей, с детства к Богу вели. Конечно, поплакали, посетовали, но всё-таки отпустили нас в монастырь: меня – в Кириллов Новозерский, а двух моих сестёр – в Горицкий.

ПОЭТ И ЧУЖЕБЕСИЕ

Шёл Успенский пост. Однажды вечером в конце августа Михаил Александрович возвращался из храма после вечерни в своё новое жилище. Войдя через калитку во двор, он неожиданно увидел человека, сидящего в садовой беседке, и с изумлением узнал в нём Батюшкова.

– Константин Николаевич, здравствуйте! Как Вы меня нашли? – бросился к нему учитель. Он пригласил молчащего Батюшкова в дом, поставил самовар и достал к чаю постные пироги, испеченные служанкой. Сели за стол.

– Михаил Александрович, извините меня за неожиданный визит, – начал поэт. – Мне не с кем, кроме Вас, поговорить по душам. Все считают меня безумным, только Вы один меня понимаете.

Учителю хотелось спросить, знают ли родственники, куда ушёл Батюшков, и не волнуются ли они, но гость первым задал вопрос:

– Вы не знаете, куда исчез блаженный Николай? Он часто проходил мимо моих окон, и мне так отрадно было после его появления.

– Вы с ним разговаривали?

– Нет, только смотрели друг на друга через окно. Я завидую его вольной жизни.

Михаил Александрович раздумывал, стоит ли рассказывать больному поэту о беде, случившейся с блаженным Николаем. Весь город знал об этом и сочувствовал ему, но родственники, по видимому, утаили от Батюшкова, боясь обострения болезни. Всё-таки он решился:

– Николай Матвеевич болен. Его искалечили злые люди, когда он странничал в Кадникове. Теперь сидит дома и только через открытое окно беседует с проходящими к нему. А больше всё молится.

Батюшков тяжело вздохнул:

– И его, как и меня, обидели злые люди. Горько!

Было видно, что он сильно расстроен. Чтобы утешить его, учитель начал рассказывать о послушнике Петре Мясникове, об игумене Игнатии. И закончил свой рассказ словами:

– Смиранный вообще не скорбит, потому что за всё – слава Богу! Так говорил преподобный авва Дорофей. Я сейчас его поучения читаю. Петр мне посоветовал, чтобы я сильно не унывал.

– Благодарю Вас за душевную беседу, за утешение. Здесь, в Вологде, я стал чувствовать себя почти совсем здоровым. Здесь мне спокойно, никто не пытается меня лечить. Чтение, прогулка, обед и, конечно, моё любимое занятие – рисование, – вот мой день. Перечитываю свои старые вещи, но всё кажется пустым и мелким. Пробую писать, но вижу – всё не то. Порву и в печь... Нет, не в этом был Божий замысел обо мне. А в чём – не знаю.

Батюшков закрыл глаза и сидел так некоторое время. Потом тихо произнёс:

– У меня к Вам просьба: очень хотелось бы, чтобы вы выслушали меня, историю моих мытарств. Обычно, когда я начинал говорить о злых людях, погубивших меня, мои любимые друзья молодости истолковывали мои слова таким образом: пустые подозрения, мания преследования. Именно это моё бессильное одиночество перед лицом злых замыслов и приводило меня в неистовство, когда хотелось лишиться себя жизни.

Батюшков заволновался, не на шутку встревожился и Михаил Александрович. Он хотел прекратить разговор на эту тему, но побоялся, что будет ещё хуже. «Пусть выговорится. Тогда ему, может быть, полегчает, и приступ минует», – подумал учитель. И поэт начал свой рассказ.

– Я рано лишился матери. В десять лет отец отдал меня в московский пансион, а с пятнадцати лет я стал жить в семье моего двоюродного дяди Михаила Никитича Муравьёва. Это был богатый и образованный человек, сенатор, тайный советник, и к тому же незаурядный поэт. Он занимался моим образованием, давал читать хорошие книги, познакомил со знаменитыми сочинителями, которые нередко бывали в его гостеприимном доме. В этой семье нашел я для себя второй родной дом и сам стал стихотворцем. Сыновья дяди, Никита и Александр, стали моими друзьями.

Когда в Европе начались одна за другой войны с Наполеоном, я пошёл в войско добровольцем. Мне тогда было всего 19 лет, но на войне люди быстро взрослеют. В Отечественную войну я служил адъютантом у генерала Раевского. Можно сказать, три войны провёл на коне. Был и в страшном сражении под Лейпцигом, поистине битве народов. И везде – под жужжащими пулями, под ядрами и картечью, на поле, где грудями лежали трупы и убитые лошади, где слышались вопли умирающих – везде Господь меня хранил...

Теперь о главном – с чего начались несчастья моей жизни.

Представьте: мы, русские офицеры, гордые победой над Наполеоном, собрались вместе в Париже. И среди них те, кого я давно знал и любил: мои троюродные братья Никита Муравьёв, Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, а ещё наши друзья: Николай Тургенев, Михаил Лунин, Сергей Волконский. На совместных вечерах, мы, конечно, веселились, болтали о женщинах, о всякой чепухе. Но были и серьёзные разговоры, когда мы обменивались своими впечатлениями от Европы, говорили о социальном устройстве западных стран. Николай Тургенев всё чаще стал сводить наши беседы к политическим вопросам, к планам переустройства общественной жизни в России. Мы, молодые и горячие победители, увлеклись этой темой. Даже я, хотя раньше никогда не имел склонности к политике, написал стихотворное послание к императору Александру, призывал его освободить русский народ от рабства. Стихи эти, по всей видимости, до Царя не дошли, хранились у кого-то из моих друзей.

В мае я заболел, ведь здоровье моё было к тому времени сильно подорвано тремя войнами, ранением. Сидел в одиночестве и размышлял о том, что мне пришлось услышать в бурных спорах. И пришёл в ужас: мои друзья, и я с ними вместе, заразились французской болезнью – революцией!

В это время в Париж прибыл наш общий друг по столичному литературному сообществу – Дмитрий Северин. Он был сотрудником русской миссии в Англии и предложил мне побывать в Лондоне, а оттуда уже морем отправиться в Россию. Я очень хотел домой, но почему-то принял приглашение Дмитрия и поехал в Англию, о чём потом горько сожалел. После Лондона мы, то есть группа молодых офицеров, отправились в Шотландию, якобы повидаться со знаменитым писателем Вальтером Скоттом. Но вместо этого я оказался в доме у одного гостеприимного шотландца. Хозяин и все его гости сначала всячески обхаживали меня, а потом предложили мне вступить в тайное общество, цель которого была вполне благородной – просвещать народ и реформировать социальные законы в сторону прогресса. Говорили все по-французски. Меня убеждали: «Теперь все передовые молодые люди имеют свой политический круг общения. Без этих организаций трудно навести порядок в мире, полном всякого мракобесия и несправедливости». Я тогда не имел представления о сущности этих тайных обществ, хотя, конечно, в России слышал о них. Однако, я – человек ленивый на всякие политические дела, и потому отказался вступать куда-либо. На следующий день я буквально сбежал из этого гостеприимного дома и отправился в Лондон, а оттуда выехал морским путём домой.

На корабле ко мне подошёл незнакомец, представился английским купцом и на русском языке, но с сильным акцентом, пригласил меня для какого-то важного разговора к себе в каюту. Мне почему-то стало не по себе, идти не хотелось, но когда он вторично настойчиво стал меня приглашать, пришлось пойти. В каюте он стал угощать меня чаем, а потом достал лист бумаги и вслух прочитал моё поэтическое послание Царю, то самое, написанное в Париже с наглым революционным задором. Этот мой несчастный опус в его исполнении на ломаном русском звучал отвратительно и настолько фальшиво, что я ужаснулся. «Хам читает моё хамское послание! Как это всё унижительно! Где моя честь русского офицера!». Я сгорал от стыда. Вскочил и закричал:

– Откуда у Вас это стихотворение, и что Вам от меня нужно! Это только наше русское дело! Причём здесь Вы!

Англичанин нагло ухмыльнулся и промолвил в ответ только два слова: «Продаю! Купите!».

Мне стало плохо, сердце прыгало от возмущения, голова кружилась. Я вскочил и собирался выйти из каюты, но мой мучитель возвысил голос: «Тогда я отдаю Ваше произведение в петербургские газеты». Меня охватил ужас.

– Вы – гнусный бес! Кто Вас послал ко мне?

– Не трудно догадаться, – ухмыльнулся он. – Ну, платить будете?

Одно желание владело мной – скорее избавиться от этого наваждения и этих гнусных негодяев. В каком-то помрачении я написал чек на крупную сумму, продиктованную мне англичанином, и назвал поручителем моего верного друга поэта Гнедича. Потом я узнал, что этот подлый купец ещё до моего приезда в Петербург явился к нему, и Гнедич был вынужден отдать ему эту сумму, хотя и не понял сути дела.

А тогда, на корабле, я пережил страшные минуты. Не помню, как я оказался на палубе. Адская смесь стыда, унижения и негодования жгла моё сердце. Скомканный несчастный лист бумаги я бросил за борт и стоял в смятении, впиваясь взором в тёмную морскую даль... Видимо, в таком по-

мрачѐнном состоянии я находился очень долго. Вывело меня из него чудное видение: вдруг образ моего незабвенного друга Ивана Петина, убитого в битве под Лейпцигом, мелькнул над волнами и исчез ... Я очнулся, на сердце полегчало...

Всю ночь я не спал и рассуждал сам с собой: «Что ж – пусть тот лист бумаги со стихотворением ты выкупил у беса-купца, а у них появятся новые листы? Теперь это их оружие против тебя. Надо бороться. Ты – воин, офицер, чего же ты испугался. Столько русских погибло на войне, а ты жив!... Ты виноват перед Государем, и теперь наступила расплата за твой грех!»...

Рассказчик вдруг умолк и потупился. Было видно, что он пытается справиться с подступившими слезами.

– Боялся я не наказания от Государя, а страшился огорчить его. Как офицер, я давал ему присягу. Он вместе со всем русским народом пережил страшную войну и вместе с нами победил Наполеона.

Я вернулся в Россию, но оказался в ещё более тяжелых и двусмысленных обстоятельствах. Рассказывать о них особенно тяжело. Я уже говорил Вам, что с юности я многим был обязан старшим Муравьевым, а с младшими дружил. Сам глава семейства умер ещё до войны, а его супруга Екатерина Федоровна и после войны относилась ко мне, как к родному сыну. И вот, представьте себе, именно в этом доме их сын Никита Муравьев – умный, молодой, храбрый офицер – собирает вокруг себя политических заговорщиков, мечтающих о свержении Государя, пишет текст либеральной конституции, планирует убийство всей царской семьи! Всё это происходит на моих глазах, так как они считают меня товарищем. Я пытался их вразумить, умолял Никиту: «Очнись от этого наваждения. Вы все оказались под влиянием врагов России!» Однако молодой Муравьев не только не внял моим словам, а даже стал надо мной подсмеиваться. Тогда я напомнил о его предках: о том, что его дед, знатный вельможа при государыне Екатерине, утвердил смертную казнь Пугачёву, о том, что его покойный отец был когда-то воспитателем нынешнего царя и его братьев. Как можно держать злой умысел против царской семьи? Но всё это его не убедило. Не знаю, вспоминал ли он мои слова потом, в Сибирской ссылке, где умерла его верная супруга. Кстати, когда её собирали в дорогу вслед за мужем, пришлось продавать крепостных крестьян – нужны были средства... Да, слово «свобода» было главным у них в конституции, а вот своих крестьян они не освободили. А ведь никто им не мешал это сделать.

Вот так я оказался среди адских душевных противоречий и угрызений совести: с одной стороны – близкие и дорогие мне люди, которые погибают на моих глазах от бесовского наваждения. А с другой стороны – мой Государь, которого я любил, которому присягал и которому теперь угрожает беда. Я терзался этими противоречивыми чувствами и своим бессилием что-либо изменить. Возможно, поэтому я снова заболел, а когда немного поправился, то решил уехать подальше и стал просить своих друзей из дипломатического корпуса помочь мне устроиться на службу в посольство в Италии. Я думал, что тёплый климат, любимая итальянская поэзия, знакомство с древней культурой помогут мне избавиться от панического страха и уныния, которые всё более одолевали меня.

Батюшков умолк, утомлѐнный рассказом, и некоторое время сидел молча, уставившись в окно. На лице его было выражение скорби, из-за чего он казался намного старше своих сорока шести лет... А за окном, в маленьком садике царствовала осень: освещѐнные вечерним солнцем, адели спелые кисти рябин, золотом поблескивали листья...

«Бедняга, сколько ему пришлось пережить, – думал Михаил Александрович. – Такое раздвоение души! Тут любой может тронуться умом, не только впечатлительный поэт. За эти-то страдания и поклонился ему в ноги блаженный Николай».

Он налил гостю свежего чая, тот сделал глоток и продолжал:

– Я приехал в Неаполь и стал служить в Русской миссии. Прекратил переписку с друзьями, чтобы в одиночестве восстановить душевный покой. Вначале всё шло спокойно, хотя я отчаянно скучал по родине, особенно по своей северной деревушке, где жили мои сестры. Но и здесь, в Италии, тайное общество не оставляло меня в покое. Особенно досаждал мне мой начальник – Штакельберг, опытный дипломат, но человек гордый и коварный. Не буду рассказывать Вам все подробности, но меня снова довели до крайности. Чѐрная меланхолия всё чаще на меня наваливалась. Я перестал писать и погрузился в какое-то равнодушие ко всему. Я осознавал, что меня начинает одолевать наследственная болезнь по линии матери – душевное расстройство. Конечно, сказались и печальные об-

стоятельства, в которых я оказался. Неимоверными жертвами мы победили Наполеона, но, оказывается, не победили французскую бесовскую революцию, она гналась за нами по пятам, сразила умы и души моих дорогих друзей и своим смертоносным дыханием подтачивала моё здоровье.

Я подал прошение об отпуске. Некоторое время лечился на курортах Германии, но родина тянула к себе. В 1822 году я вернулся в Петербург.

Поселился я в трактире, так как не захотел больше быть рядом с Муравьёвыми. Душевная болезнь начала сильно меня одолевать, я никого не хотел видеть, но прежние друзья – Жуковский, Карамзин, Гнедич узнали о моём приезде и начали меня навещать. Они были очень обеспокоены моим состоянием. Пошли преувеличенные слухи о моём сумасшествии. Я подал просьбу министру иностранных дел Нессельроде о поездке в Крым и на Кавказ, получил разрешение и отправился на юг.

Увы, здесь я оказался в руках неумелых лекарей или просто негодяев. Болезнь моя усугубилась. Я был доведён до отчаяния и совершил страшный грех – покушался на свою жизнь, чем окончательно подтвердил для всех своё безумие. Слава Богу, беда миновала.

После этого приступа меня насильно повезли в Петербург. Там друзья окружили меня заботой, не оставляли одного. Я постепенно приходил в более спокойное состояние, стал размышлять о своей судьбе. Семейного счастья я, видно, не заслужил: моя избранница, к которой я когда-то испытывал сильное чувство, не ответила мне взаимностью. И до сих пор память сердца хранит её милый образ.

Батюшков задумался. На какое-то мгновение лицо его, доселе мрачное, озарила лёгкая улыбка.

– А ведь её опекуны были готовы отдать её за меня, и она не посмела бы их послушаться. Но я видел, что ответного чувства нет, и отступился. И, пожалуй, это был один из немногих моих поступков, за который мне не стыдно. Ну, а в карьере своей я тоже оказался неудачником: в армии дослужился только до штабс-капитана, в штатской службе – до надворного советника.

Вот такие печальные мысли меня одолевали: к службе я больше не пригоден, интересы друзей теперь мне чужды, к поэзии я стал равнодушен и утратил способность сочинять. Как жить дальше? Душа просила какой-то пищи. Постепенно я понял, что меня призывает к себе Господь, что только Ему одному я могу посвятить своё служение в этой житейской пустыне. Созрело решение: я написал письмо Государю с просьбой освободить меня от службы, чтобы я мог удалиться в Кирилло-Белозерский или Соловецкий монастырь.

И начался новый кошмар: получив моё письмо, царь вызвал Жуковского и попросил разъяснить, что со мной происходит. И мой друг сообщил Государю, что я душевно болен и меня следует отправить в лучшую психиатрическую клинику. Тот дал поручение Нессельроде, и в результате я оказался в немецком курортном городке Зонненштейн и провёл там четыре года в заточении под видом лечения. Я был окружён протестантами или вообще атеистами и не имел возможности бывать в православной церкви, но всё-таки молился, и молитва меня поддерживала все эти годы. Я углём начертил на стене образ нашего Спасителя, просил у него прощения и милости, просил о желанной свободе на родине. Все окружающие относились ко мне, как к неполноценному безумному человеку.

Наконец, в 1828 году меня отправили в Россию и приставили ко мне немецкого врача Дитриха. Ехали мы очень долго: Теплиц, Прага, Галиция. Помню, как обрадовался я, когда на русской границе услышал родную речь и увидел наших, таких родных мне солдат. Я подошёл к одному из них и попросил кусок чёрного хлеба. Я знал, что у русского солдата всегда есть в запасе чёрный хлеб. Он дал мне ломоть, я перекрестил его и тут же съел.

К.Н. Батюшков. 1830 г.

С акварели П.Ф. Соколова. Третьяковская Галерея.

В Москву мы прибыли 4 августа, ехали ровно месяц. Там меня поселили в небольшом домике, который сняла для меня моя благодетельница Муравьёва. Врач Дитрих хорошо ко мне относился, но очень сковывал мою свободу. Это меня очень раздражало и не способствовало моему здоровью. А тут на меня навалилась тяжёлая болезнь – воспаление лёгких. Все думали, что я умираю, я совсем ослаб, лежал в забытьи, были лишь редкие проблески сознания. Потом мне говорили, что друзья приходили прощаться со мной, но этого я не помню. Запомнилось, как приходил священник, певчие, служили всенощную. Меня соборовали, причастили. Смутно помню, как наклонялась надо мной Муравьёва, потом княгиня Вяземская. Подходил Александр Пушкин – я его узнал по густым чёрным бакам. Он сел у моей кровати и о чём-то говорил с его обычной живостью, но я его слов не слышал. Мне всё слышалось дивное пение, будто ангелы поют на небесах.

Господь Бог для чего-то продлил мои дни. Когда я выздоровел, меня передали под опекунов родственников, и, таким образом, я в этом году оказался в Вологде. Мой опекун всегда на чеку, но сильно меня не стесняет. Здесь я вздохнул свободнее... Правда, иногда находят на меня какие-то приступы раздражительности – начинаю вдруг ссориться со своими домочадцами...

Батюшков завершил свой рассказ, когда уже стемнело.

– Мне давно пора возвращаться домой. Меня уже ищут.

– Я Вас провожу, – ответил учитель, и они вышли на улицу...

* * *

В эту ночь Михаил Александрович долго не мог заснуть. До сих пор он втайне симпатизировал декабристам, считал их героями и жалел их загубленную молодость. Но оказывается, это обманутые люди, подобные марионеткам! Оказывается, есть кукловоды, которым нужен революционный хаос в России! Вот кого надо было заключать в психиатрическую лечебницу!!! Не поэта, решившего уйти в монастырь, а тех, кто задумал вывести войска против Царя! К счастью, революции не произошло, благодаря твёрдости Государя Николая и верных ему людей...

Михаил Александрович встал, накинул халат, зажёл лампу. Он знал, как успокоить свой ум, возбуждённый рассказом поэта: надо записать, то, что он услышал, хотя бы очень кратко. Стал шарить в столе в поисках чистой бумаги и наткнулся на какие-то листки, исписанные аккуратным почерком. Так ведь это те самые стихи Пушкина, которые привёз старший сын, когда приезжал на каникулы! Говорил, что переписал из тех списков, что ходят по Москве. Про эти листки учитель тогда в суете забыл, а сейчас, прочитав первые строки, не мог оторваться. Одно стихотворение особенно поразило его:

*Памятник Константину Батюшкову в Вологде.
Скульптор В.М. Клыков*

Не дай мне Бог сойти с ума!
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:
Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в тёмный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез...

Да вот беда: сойди с ума
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решётку как зверька
Дразнить тебя придут...

Так ведь это же о нём, о Батюшкове!.. Конечно, Пушкин написал это под впечатлением своего визита к больному другу. Верные слова он сказал. Как точно он выразил чаяния друга быть свободным, бродить на воле, а не сидеть в заточении, как зверь.

ЭПИЛОГ

Батюшков жил в Вологде 22 года, до конца своих дней. Он пережил своих близких друзей, знаменитых стихотворцев – Жуковского, Гнедича. Ушли в мир иной и более молодые поэты – Пушкин, Лермонтов, поднявшие русскую поэзию на небывалую высоту. Батюшков тоже не был забыт любителями поэзии: о его поэтическом таланте писали критики в различных журналах и альманахах, за годы его вологодской жизни дважды издавались в столичных издательствах его собрания сочинений.

Похвалу поэт принимал равнодушно. Он давно оставил литературное творчество. Что ему мирская слава? Что она значит в глазах Господа Бога, перед Которым ему вскоре предстоит предстать?..

Летом 1855 года Константин Николаевич тяжело заболел, а 7 июля скончался от тифозной горячки, будучи 68 лет от роду. В некрологе, помещённом в газете «Вологодские губернские ведомости» от 16 июля, П. Сорокин писал:

«Гроб поэта к месту вечного покоя – в Спасо-Прилуцкий монастырь (в пяти верстах от города), провожали: преосвященный Феогност, епископ Вологодский и Устюжский, с знатнейшим духовенством, господин начальник губернии, наставники гимназии и семинарии, и все, кто знал о смерти поэта и кому дорога память о нём как о знаменитом писателе и как о согражданине. По окончании литургии и отпевания тела, совершённых в монастыре самим преосвященным, магистр протоиерей Прокошев произнёс надгробное красноречивое слово...».

Михаил Александрович тяжело переживал смерть друга. Вскоре его ждало ещё одно несчастье: погиб на Крымской войне его старший сын, офицер-артиллерист. Несчастному отцу прислали лишь письмо от генерала, наградную медаль сына и его годовое жалованье. Утешал отца лишь младший сын, который, выйдя из пансиона, приехал в Вологду и служил в канцелярии губернатора.

Учитель сильно постарел за эти годы, а последнее время часто жаловался на здоровье. Особенно сильно его донимала боль в правой ноге. Иногда колено распухало и болело так, что он не спал ночами. Ходил хромым, опираясь на трость, а чтобы добраться до гимназии и после занятий вернуться домой, приходилось брать извозчика. Доктор прописал мазь и шерстяную повязку, но это помогало слабо. Посоветовал при сильной боли принимать опий.

Как-то ночью ему привиделся покойный Николай Рынин: будто он сидит у своего окошка, укоризненно качает головой и говорит: «Миша-то меня забыл». Вспомнилось, как ровно 18 лет назад хоронили блаженного. Погода была ненастная, шёл мокрый снег, но за гробом шли толпы народа. Шествие часто останавливалось, люди протискивались ко гробу, чтобы проститься с прозорливым молитвенником и страдальцем...

В воскресенье учитель пошёл в церковь Рождества Богородицы, причастился Святых Христовых Тайн и заказал панихиду на могиле блаженного. Вместе с тремя женщинами, которые тоже пришли на панихиду, он воткнул свечи в снег у подножия креста, и стоял, опираясь руками на трость, а спиной о ствол берёзы. Шапку он снял и сунул в карман полушубка, к счастью, мороза не было. Когда седой священник запел: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Николая», – Михаила Александровича вдруг охватила такая волна жалости, что слёзы навернулись на глаза. Жалко было человека Божьего, так много пострадавшего в своей жизни. Жалко было и себя, вынужденного владеть свои дни с неутрахающей болью. Он опустился на колени и замер, опершись руками о могилу и ощущая под мокрым мартовским снегом мягкий песочек...

Все разошлись, и только тогда он поднялся и, ничего не замечая вокруг, с мокрыми от слёз глазами пошёл по кладбищенской дорожке. Вышел за ворота кладбища и двинулся по знакомой дороге, но громкий окрик и конский топот вернули его к реальности:

– Барин, куда же Вы, погодите!

Его догоняла бричка. На ней он приехал сюда и договорился с извозчиком, что тот заедет за ним к концу обедни. Извозчик остановил лошадь и удивлённо смотрел на учителя.

– Барин, Вы трость свою забыли.

– Точно, забыл, – прошептал он. – А где же боль? – Он сделал два шага, с силой ступая на больную ногу. – Нет боли, ушла...

Михаил Александрович дрожащей рукой достал кошелек, подал извозчику монеты, сказал: «Езжай, голубчик, я сам» – и пошёл назад к могиле блаженного Николая.

Извозчик смотрел вслед учителю, пока тот не скрылся за деревьями, потом перекрестился и тронул вожжи.

Берега памяти

Владимир Подлuzский

Владимир Всеволодович Подлuzский родился 5 июня 1953 года в селе Рохманово Брянской области. С отличием закончил Санкт-Петербургский государственный университет, Академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельхозинститут. Поэт и публицист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. За роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Новая Немига литературная», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и в других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии». Живёт в Сыктывкаре.

Созвездие Русского Креста

Эссе

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Раздобрело шоссе Брянск-Новозыбков. Блистающий на солнце асфальт жирно расчерчен белыми линиями. С вычурной современной геометрией и нерусским шиком. Гуще подбегают к большаку берёзовые рощи и дубравы, пахнущие сентябрьскими боровиками и сыроежками. В Москве, утверждают приехавшие на выходные земляки, за лукошко белых можно тысяч десять огрести. В железнодорожной Унече за ведёрко, не торгуясь, отвалят восемь сотен. Выходит, провинция беднее столицы раз в двенадцать. С утра иномарками полны урожайные урочища. В лес двинули многие чиновники и обслуга. Его Величество Гриб гордо восседает даже на первой странице суражской районки. Рядом с губернатором. А на второй полосе агрессивно насупились мясные австралийские и бразильские бычары, принадлежащие крупной мироедской фирме. Чужие рога и копыта пришли на смену отечественному скоту и общественному строю. Вот вам и вся постсоветская экономика. Об идеологии молчу. Её тут боятся, как чёрт ладана.

Трасса обросла заправками, стоянками, кафешками. С вывесок нахально прёт английский, пытаются «перекричать» кириллицу. Встречных машин не столь много. Исчезли украинские, болгарские, румынские, польские и прочие западные номера. Санкции. Изредка мелькнут лишь белорусские грузовики. Но доты, ошетилившиеся в девяностые у постов ГАИ пулемётами сквозь маскировочные сети, улетучились.

Мы мчим по федеральному шоссе М-13. На мой взгляд, самому главному тракту на дальней обочине России, несущемуся параллельно юго-западной границе с Украиной. Своеобразная БАМ (Брянская автомобильная магистраль). Она приведёт и в Киев, и в Минск, и в половину столиц Евросоюза. Чуть не вырвалось *в добрую*. Да какие же они все **добрые**? Вот почему тут раньше строили доты. За ближними полями-лесами клацает золотыми кашеевыми челюстями НАТО. Не зря в соседние Клинцы, откуда до Киева рукой подать, не таясь от СМИ, восторженно и нахмуренно о том написавших, перевели с Урала одну из самых боевых бригад. Из прославленного города кожевников и ткачей, посылавших от всего сердца Ильичу отрез на костюм, в Гражданскую Щорс напрямки ходил отбивать у немцев для хохлов стольный град Незалежной вместе с Лысой горой и Козьим болотом. (О Лавре и памятнике Владимиру тогда мало вспоминали). На службу из округи соединение вовсю зазывает контрактников. Слава Богу, крепких парней с пудовыми кулаками, выросших на грибах, бульбе и парном молоке, тут пока хватает.

Племянник нашего водителя Ивана Васильевича тоже записался. Работать-то особо негде. Московские строительные вахты, в годы активного чернобыльского полураспада рекрутированные из местных городков ушлыми прорабами, распались. «Белокаменная» всё больше предпочитает «чёрную» рабсилу. Осколки шабашников безуспешно пытаются конкурировать на малой родине. Тучные времена, когда и здесь, на коттеджах нуворишей, можно было за лето «зашибить» тысячу по семьсот, минули. Потому возводят хоромы недавние вахтовики больше для себя. Вколачивая гвоздями последние московские накопления в уютные теремки, отделанные самыми модными материалами. Даже ночные цветные подсветки стен устраивают. Закупают сайдинг и прочие «инги» обычно в Клинцах. Дешевле. Сами Клинцы тоже с трудом узнал после тридцати лет расставания с ними. Современные кварталы, круто взятые в оборот зодчими. Такое ощущение, что большинство их училось на Западе. Строят, а чаще перестраивают, на Брянщине много. Как правило, орудуют новые хозяева усадеб. Куда подевались тысячи старых владельцев, история умалчивает.

Захватчики во все времена тут прокатывались на Малороссию и Центральную Россию. Позади осталось Рюхово, через которое Карл вёл скандинавов на Полтаву. Путь его войска усеян тысячами могилами, называемыми в народе шведскими. А русского – бессмертной пушкинской поэмой. Через десяток километров мелькнули Лыщичи, где произошло одобренное Лениным братание русских и немцев после Брестского мира. Помирились. А потом рогатые каски явились сюда вновь с ещё большим огнём и более острым мечом. Жаль, на Западе забыли, чем блицкриг кончился. Невольно так в те дни думалось. Ведь на каждом шагу говорилось о предстоящей годовщине освобождения Брянщины от фашистов. Победу новые власти не посмели опозлать.

Ещё, кажется, брянцы берегут церковь и национальную поэзию. Курировать строительство величественного храма на холме в Клинцах поручили аж спикеру областной Думы. Председатель, как пишет пресса, мечтает нарядить собор в зелёный мрамор. А вице-губернаторы охотно встречаются с сестрой поэта Николая Мельникова – Валентиной Алексевной.

Всем миром в канун победных празднеств устраивались специальные субботники. В вечерний час «ч» по райцентрам грянули салюты. (Может, и лишние). Не могу не приветствовать открытие в День семьи в Сураже памятника Петру и Февронии.

Короче, в здешних краях то кипит, то чахнет обычный, полный противоречий, капитализм, который народ пытается приспособить под свои нужды. В конце концов, русский люд его перемелет и сделает чем-то средним между крайних измов. «Привыкаем понемногу», – через час заявит мне однополчанин Николай Самсоненко – потомственный крестьянин с дипломом сельхозтехникума, который по ночам ныне альма-матер и сторожит. Для меня он стал прообразом главного героя моего романа в стихах «Тарас и Прасковья», удостоенного премии. Вдыхаю; поздно узнал, что Коля всю службу пронёс в обложке комсомольского билета православный крестик, врученный бабушкой перед призывом. Такой штрих к портрету героя упустил. К нему, собственно, мы с женой и едем в гости. Почти полвека не виделись после срочной службы сержантами в нижегородском Мулино и Запорожье. Хочется ещё повидать Заслуженную учительницу России Татьяну Сивенок, которая отдала пару десятков уроков литературы в старших классах Замишевской школы пропаганде повести Николая Иванова «Золотисто-золотой», поэмы Николая Мельникова «Русский крест» и моего романа. Выбор произведений объясняет в РОНО и на областных совещаниях просто – писатели-земляки! И высокие брянские собрания Татьяне Александровне аплодируют.

Встретить славного педагога не удалось. Однако она сама попросила гостеприимную супругу Самсоненко с девичьей фамилией Шевченко (!) позвать меня к телефону. Обрадовала, что в тот день по случаю визита поэта в их края два часа рассказывала старшеклассникам о моём творчестве. Даже цитировала стихи из специальной папки, собранной из публикаций в «Российском писателе» и в других московских изданиях. А назавтра школярам вкратце передала наш диалог.

Дело, конечно, не во мне. К художественному слову тут всегда питали благоговейное почтение. Обустроили дом-музей брянского поэта Ильи Швеца, родившегося в соседнем Синем Колодце. Устраивают всенародные праздники в честь Ильи Андреевича, которого в своё время печатала даже «Правда».

Пока же наш путь лежит на посёлок Мамай, названный именем недоброй памяти побывавшего тут далеко не с дружественным визитом ордынского хана. Там последний крупный русский перекрёсток. Налево – Климово, самый ближний к Киеву русский городок. Направо – Новозыбков и Тростань.

Большое и богатое, с изрядной цыганской прослойкой, село. Здесь и живут Николай Иванович с Валентиной Васильевной. А ещё с тремя сыновьями, женатыми на учительницах и поселившихся неподалёку. Одна из невесток – Татьяна – филолог, профессионально объяснившая родителям мужа суть «Тараса и Прасковьи». (Многовековые отношения России и Украины).

Самую младшую внучку, восьмью для бабушки с дедушкой (пятеро мальчиков и три девочки), старший сын Александр решил назвать Прасковьей. Конечно, в честь героини романа, посвящённого отцу. Об этом нам Александр Николаевич, заскочив поздороваться, и заявил торжественно. Старшая его дочь Екатерина уже заканчивает в Москве Губкинский университет и мечтает работать в одной из лабораторий «Лукойла». Жених у Кати тоже губкинец. Злынковский земляк Николая Мельникова. Родина поэта километрах в двадцати от Тростани. За следующим перекрёстком трассы с мистическим номером М-13. Кстати, напротив Злынки посёлок Вышков со спичечной фабрикой. Чуть не на границе, где (не дай Бог) достаточно одной спички...

Кстати, вон уже блистает красным глазом мамынский ретранслятор, выкачивающий последние гроши из клиентов сотовой связи. Сябры, жалуются земляки, тоже охотно залезают в карман российского абонента. Когда тот приближается к границе. Без паспорта такой вояж лучше не устраивать. Мобильный наряд в зелёных фуражках может отправить вас до выяснения личности в кузукку.

Идеально синее небо над шоссе обильно пронзают инверсионные следы военных самолётов. Того и гляди, перед носом сядут. Идут российско-белорусские учения, изрядно напугавшие Украину и Прибалтику. Самых войск нет. Лишь на гладких от тонкой обработки супесных плантациях иностранные комбайны споро ссыпают картошку в импортные самосвалы. Она буйно родит на туках. Вдоль дороги доспевают гречиха и кукуруза. Фермерские. Людей на полях, как раньше, не видеть. Неужели и впрямь наступает эпоха роботов, запрятанных в кабины. Толпу работников, весело спешащих на обед, видел только под Суражом. Обслуга местной колонии. Вполне себе дамочки.

Дорога щедро отмечена перекрёстками. Плотность населения здесь, не смотря ни на что, одна из самых высоких в России. Места-то ангельские. Красивые и богатые. Со всё более ощутимым веянием недалёкой лесостепи и первым приближением к настоящему югу. Виноград на юго-западе Брянщины в последние годы растёт так же уверенно, как лещина. Не исключая, что напряжённость на границе повысила климатический градус. Или всё произошло наоборот. Тайная связь явно есть.

Любая дорога в России – русский крест. И не потому, что у неё много перекрёстков. Лучи каждого уходят в десятки деревень. А порой и городков. Иногда умерших полностью. Иногда наполовину. Заросших лопухами, кустарником и даже вполне оформившимися лесками с гадюками и прочей нечистью. В некоторых, как в суражской Поповке, в престольный праздник Рождества Богородицы, созвонившись, со всей страны, собираются земляки. Прямо посреди бывшего села, распугав змей и выкосив полянку, устраивают складчину, поют песни, читают стихи.

Мне рассказали, что нынешней осенью даже спели «Поставьте памятник деревне». Признаться, от сообщения мороз прошёл по коже. В те дни очень часто звучали для меня знаменитые мельниковские строки. Например, при встрече в родном унечском Рохманово, выживающем только благодаря посёлку, построенному на окраине для чернобыльцев-переселенцев. С одноклассниками Виталием и Владимиром Долгими. Подполковником и прапорщиком в отставке.

Володя после Плесеца ещё лет десять преподавал историю в Ярославле. Жаловался, что классы в исконно русском городе изрядно почернели. Побывав в предбаннике космоса и, пройдя у Волги «реабилитацию», решил спуститься на отчую землю. (Сыновей поднял: один – офицер, второй – в ресторанном бизнесе). Купил с женой Любовью – уроженкой соседней деревеньки Платково – в родном селе домик-дачу и построил баньку. В Унече приценивается к квартире. Теперь в Рохманово живут семьями три брата и две сестры. Выставляют в интернете дивные местные пейзажи и снимки осенних огородов, густо уставленных мешками с картошкой.

Виталий на несколько месяцев приезжает к маме Марии Семёновне. Помочь по дому и огороду. Сказал мне, что он, человек с тремя высшими образованиями, всерьёз стал штудировать отечественных историков. Ищет ответы на трудные русские вопросы. Кажется, тоже подумывает с супругой перебраться из Челябинска в родные края.

Мечтали о памятнике деревне и на юбилее в суражской Красной Слободе. В доме друзей семьи. В беседе с двоюродной сестрой – известной народной целительницей и большой любительницей русской поэзии. Всё указывало на то, что пора собираться в дорогу. На ту самую БАМ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я начинал понимать, что по ней передвигается, где медленно, а где побыстрее, наша сегодняшняя национальная судьба. Не по той ли причине тракт расширили?! Шоссе М–13 – настоящий Русский Крест. Вдоль него проходит нефтепровод «Дружба». Образно говоря, крест и висит на той тонкой просаленной нитке, подпитывающей нацию и, в первую очередь олигархов, зелёной валютой.

По этой брянской дороге, от калужской Оптиной Пустыни до места упокоения Николая Мельникова, его родного злынковского села Лысье, в микроавтобусе, выделенном вместе с сопровождением самим духовником Патриарха схиархимандритом Илией прошествовал добротный крест из морёного дуба. Он словно осенял сотни больших и малых деревень, среди коих и моё Рохманово, веками стоявших тут и в последние годы сильно обветшавших. Потому что нагрянули «иных времён татары и монголы». Говорил он не о смерти поэта, а о будущем русском возрождении. Ведь о том, собственно, и поэма Николая Алексеевича.

Почему же святой старец соучаствует в посмертной судьбе великого русского поэта? Именно Илия в своё время, прочитав доставленный в знаменитую обитель самиздатовский вариант поэмы «Русский крест», благословил её на издание там же, в Пустыни, десятитысячным тиражом. Очень хотел познакомиться с автором. Помог Вадим Цыганов – муж известной певицы, поэт и скульптор, один из авторов памятника Андрею Первозванному. Часто бывавший в Пустыни и знакомый с Илией. Совершенно случайно на одной из выставок он разговорился с уже известными братьями-художниками Игорем и Александром Сушенками. Посетовал, что Илия по всей стране разыскивает автора поэмы «Русский Крест». «А мы знаем его, он ведь наш земляк и друг», – обрадовали Вадима брянские родом живописцы.

Так осенью 2003 года Божьей волей Николай оказался в Оптиной Пустыни. Стал большим другом Илии, написавшим к одному из изданий поэмы тёплое и мудрое предисловие. Говорил о русских, погибающих в безверии и из руин возрождающихся. Считал, что поэму должны прочитать как можно больше людей. Позже Игорь Сушенков утверждал, что Мельников хотел в тех краях купить себе домик, снять по поэме фильм. Писал сценарий. Сам хотел сыграть главную роль Ивана Ростка. Собирающего по деревням гроши на строительство храма и подло убитого. (Всё-таки закончил ГИТИС и уже снимался в роли простого солдата в «Батальоны просят огня»).

Там же неподалёку от Пустыни, в Козельске, его на автобусной остановке в мае 2006 нашли мёртвым с широко открытыми глазами. Все, в том числе и родная сестра поэта Валентина Шаронова-Мельникова, с которой я на днях несколько раз общался по телефону, утверждают, что Николая убили. Нет, не зря даже татары, как мы знаем из истории, прозвали Козельск злым городом. В годы страшных «реформ» тут убивали иноков, и, как видим, дотянулись до поэта. Видимо, от всех нашествий по ангельским местам Руси остаются занозы, которые потом вонзаются в сердца лучших русичей. Оттого, может быть, как противоядие, возникают на полях былых битв с врагами православные Пустыни. Понимал это и Илия, который был против расследования. Сказал лишь, что всем будет своя награда. Имел в виду наказание.

Между прочим, фильм о героических псковских десантниках, который по своему сценарию в тех местах снимал перед смертью Николай Мельников, после досняли друзья и назвали «Русская жертва».

Первый сосновый крест, поставленный на его могиле, упал от сильного ветра как раз на Рождество. Хранился некоторое время в сарае у Валентины Алексеевны. Потом кум-столяр семьи Шароновых его слегка обтесал, покрыл лаком, и крест стали выносить на сцену во время одноимённого с поэмой спектакля. В постановке сестры, культурработника по образованию и регента злынковского Покровского храма. «Местами я поэму чуть-чуть подсократила. Паузы заполнила духовными песнопениями», – рассказывает Валентина Алексеевна. Кстати, она первой, оказавшись по случаю предстоящей ей операции в московской камере, где обитал брат, услышала ранним утром от автора бессмертную вещь.

В финале спектакля появляется поющий ангел. Такой же, как Николай в белых одеждах, являющийся сестре во снах. Не тот уже Колька, что любил с детства петь «Калинушку» и играть на раздобытой где-то отцом балалайке. Грустный, как от сильной головной боли, которую он часто испытывал, ещё мальцом попав на Злынковском перекрёстке всё той же брянской дороги М–13 в страшную автомобильную аварию. Недалеко от спичечной фабрики. Сидит на соседней лавочке и молча смотрит...

А ещё в финале выходят мужик и мальчишка. Мужчина выносит крест. Тот, подлинный. Мальчишка становится рядом и держит деревянный символ православия, который пока заметно выше его. Мне кажется, это и есть новая Россия, которая стремится дорасти до собственного величия.

Спектакль, как пишут местные газеты, поставлен группой энтузиастов из городков Злынки и Новозыбкова. Тут и певчие её, Валентины, храма, и из Рождественской церкви Новозыбкова, и катехизатор, поэт и краевед, Владимир Виноградский, исполняющий главную роль, и самодеятельные артисты.

«Русский крест» труппа уже поставила в Стародубе, Злынке, Новозыбкове, Клинцах, Трубчевске. Собирается показать в Брянске. Посмотреть ожившую знаменитую поэму приходят многие сотни жителей Брянщины. Началось что-то большое и значительное. Ведь не зря же кто-то из иерархов назвал «Русский крест» Русской Пасхой.

Конечно, могила Поэта без креста не осталась. Валентина Алексеевна позвонила Вадиму Цыганову, с которым познакомилась в Пасхальные дни в трапезной Пустыни, и пожаловалась на ещё один удар судьбы. По нервному молчанию невидимого собеседника было ясно, что скульптор испытал шок. Придя в себя, Вадим Борисович объяснил, что буквально накануне он обратился за советом к Илии – куда пристроить только что исполненный им крест, идентичный тому, что поставил на Ганиной Яме? Батюшка улыбнулся: «Не спеши, сын мой. Завтра тебе позвонят».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

– Почему Лысье? – решил я разузнать у Валентины Алексеевны историю их знаменитого ныне брянского села. Ведь оно претендует стать в один ряд с рязанским Константиново и архангельским Емецком. Дубовый мельниковский крест, стоящий в десятке вёрст от Кургана Дружбы на границе России, Украины и Белоруссии, будто усиливает высокой поэзией раба Божьего Николая молитвы трёх народов о единении. И о спасении.

– Первоначально называлось Лисьи Норы. Село, как плешь, поляна среди лесов. Потом длинное название стёрлось. Осталось Лысье, – объяснила сестра поэта. Может быть, вторая сестра, Наталья Алексеевна, глава сельской администрации, нашла бы более «научные» аргументы, но меня версия вполне устроила.

Пришло время сказать, что Валентина Алексеевна вдобавок ко всему староста церковного прихода. Как всё случилось? Ещё при жизни брат звал её в Пустынь, чтобы познакомить с Илией. Не пустили сильные боли. Ведь сестра поэта до сих пор передвигается на костылях. Абсолютно не против, когда об этом вспоминают: «Может, к счастью моему. А так радовалась бы мирским утехам. Сидела на своих грядках. А тут великое дело». Однако она нашла в себе силы, чтобы после похорон брата съездить в Пустынь. Там и получила благословение Илии на возрождение в родном селе храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Владыка же Брянский и Севский Феофилакт, освятив место, сказал: «Поэма его будет законченной тогда, когда будет стоять храм».

Николай не один год мечтал о строительстве. Приезжая домой, приходил на место разрушенной церкви. Фотографировал руины с остатками ликов святых, что-то записывал. Не набегавшие ли строфы новой поэмы? В последнее время Мельников задумывался о собственном иночестве. Илия даже подарил ему фигурку чёрного монаха. После смерти у Николая нашли узкую ленточку 90 псалма: «Живый в помощи Вышнего» и билет члена Союза писателей России. Кстати, Сергей Михалков и Валерий Ганичев приняли Мельникова в Союз как раз за «Памятник деревне».

Фундамент старого храма по углам стоял на валунах. В нём в памятный октябрьский день 170-летия церкви нашли медную закладную табличку с именами дарителей. Среди них значатся и Мельниковы.

Словом, отступать было некуда. На костылях, с сумой, пошла Валентина Алексеевна по миру. Ни много, ни мало, собрала два миллиона. Оказалось, тысячи людей знают о стихах и поэме её брата.

Начинали строить деревянный храм, но старец Илия благословил на каменный. Староста наняла бригаду из Западной Украины. Семь человек. Сняла для них дом недалеко от собственного. Возникли проблемы с экспертизой: «Не дай Бог, Вавилонскую башню построим». Тут и постучался ей в дом вице-губернатор Коробко, засмутился: «Вот проезжал мимо, дай, мол, загляну. Не надо ли чего». Архитектурные претензии уладили. Красные стены устремились в небеса. К зиме храм планируют накрыть. Епископ уже провёл первую службу.

На днях в гости к Валентине Алексеевне за ценным опытом приезжала Татьяна Александровна Сивенок. Вместе с духовными братьями и сёстрами. Учительница. Заведующая краеведческим музеем. Регент церковного хора. Помощник председателя приходского совета по строительству в Замишево храма Покрова Пресвятой Богородицы. Закладной крест там уже воссиял.

Дружат они достаточно давно. Как говорит В.А. Шаронова-Мельникова, Бог всё чаще посылает ей хороших людей. Лучшим из лучших дарит книги и диск Николая, записанный им за несколько дней до смертного часа.

Заслуженный учитель Т.А. Сивенок как-то возила старшеклассников на автобусах, выделенных по просьбе батюшки РОНО, в Клинцы на Епархиальный бал, посвященный поэту Алексею Константиновичу Толстому. Склеп с его могилой в Красном Рогу под Брянском прилепился всё к той же «соборной» трассе М–13. Девушки не преминули блеснуть грациозными платьями девятнадцатого века. Вплоть до белых перчаток. А ребята строгими чёрными костюмами. Юная русская красота в тех местах до сих пор потрясает воображение. Значит, быть новой любви и семьям. Коллегам запомнился открытый урок Татьяны Александровны по повестям и новеллам Николая Иванова. Учительница надеется, что Николай Фёдорович теперь пришлёт для школьной библиотеки свои книги. Ведь изучать их приходится по интернету.

Многих за пару недель я на Брянщине повстречал людей, которых капитализм не сломил и не сделал моральными уродами. Все они из созвездия Русского Креста. В родном селе говорил с церковным служкой, стесняющимся в небогатом приходе получать то, что в миру называют зарплатой. Ещё и норовящим гостей одарить яблоками и мёдом. Хотя нигде больше не работает. Живёт огородом, садом и пасекой. Ну, и святым духом. Так время подправляет поговорку, звучавшую ещё недавно несколько иронично. Чуть ни в каждом районе появились святые криницы, полные старинных легенд. Любовно ухоженные и редко остающиеся без паломников. С обязательными стихами на стендах, написанными местными авторами. Иногда школьниками. Порадовал и родной племянник, получивший почётную грамоту от районной администрации за установление Поклонного креста при въезде в Унечу.

Благородный, часто бескорыстный труд моих земляков и есть памятник деревне. Пока ещё не на Красной площади. Москва спит. А русская провинция под Брянском проснулась, помолилась и принялась украшать родную землю. Наверное, не без духовного влияния поэта-земляка Николая Мельникова. Лишь бы Кремль не опоздал и не отстал от собственного народа.

Сентябрь-октябрь. Брянск-Сыктывкар

Переводы

Миленко Ергович

Боснийский и хорватский писатель, родился в Сараево в 1966 году. Окончил философский факультет Сараевского университета. Занимался журналистикой. С 1993 живет в Загребе. Автор ряда сборников поэзии, новелл, эссе, романов, обладатель множества литературных премий

Перевод Елены Солодовниковой

Воспоминание о 50-х: дни, когда пролетарии наряжали ёлки

Рождество в Зенице

(глава из книги «Род»)

В то время, когда ударно строился социализм, казалось, что все мы думаем одинаково, и между нами нет никаких тайн, кроме некоторых недоразумений и недомолвок, способных вызвать только улыбку.

На Старый год звонит мне мама из Сараева. Говорит – у меня есть для тебя притча, рождественская. Всегда, когда случается что-то выдающееся, или ей кто-то вдруг расскажет о чем-то, или – что бывает чаще всего – она сама вспомнит что-то из собственного детства, или ещё лучше из времени, когда её самой ещё не было на свете, обязательно позвонит мне и поделится. От этого она получает огромное удовольствие, и жаль, что я не записываю эти телефонные разговоры. Кое-что из её историй потом попадает в мои книги, но большая часть остаётся между нами, только для того, чтобы не забылась напрочь.

Так вот, что она мне рассказала в Старый Новый год.

Мамин брат, мой дядя Драган, сразу после войны учился в Любляне на металлургическом факультете. Защитив диплом, он вернулся в Боснию, в Зеницу, где на австро-венгерском фундаменте создавалась югославская тяжёлая металлургия. Металлом, произведенным в Зенице, потом вооружатся белградцы и загребы, при его участии будут решаться хорватско-сербские вопросы, на базе его будет основано славное судостроение Югославии, им нашьпигуют все хрупкие мосты, перекинутые через горные реки и ущелья одной прекрасной, но в то же время проклятой страны, из этого металла, в конце концов, будет выковано оружие, которое свалит Югославию, сначала убив Вуковар, а потом целую Боснию.

Дисциплинированный город.

По партийному указу ёлку можно было наряжать после Рождества...

Дяде моему не доставало куража для такой важной работы и выполнения задач, поскольку по природе он был больше любопытный гедонист, чем альтруист и миссионер ради лучшего будущего. Т.С.Эллиот сказал, что традиции не наследуются, а приобретаются, а та, которую Драган вынес из родительского дома, не была исполнена верой в то, что когда-то может стать лучше.

Зеница в конце 40-х, начале 50-х гг. представляла собой город, в котором живо перемешались пришельцы из разных времён и царств, польские и чешские чиновники и учителя, немецкие инженеры, австрийские кузнецы и рабочие, проливавшие пот у мартенов, горстка венгров и какой-то чудом уцелевший еврей. А смешивались все эти чужаки с «домашним», выражено мусульманским, католическим и православным элементом. Большая часть этой пёстрой толпы вертелась около металлургического комбината и окрестных рудников, или работала там, или так или иначе зависела от них, поэтому город, не взирая на различия в образовании и статусе, был абсолютно пролетарским. Все здесь принадлежали к рабочему классу, это и сейчас видно по самому городу и открыткам с его достопримечательностями. Даже больше, чем по теперешнему населению. Тот пресловутый

пролетариат существовал в довольно необычном сочетании с гражданскими традициями, которые приносили и поколениями сберегали почитатели Франца Иосифа от Северного моря, Кракова, Галиции и Праги, до Вены, Граца и Любляны. Может, во всём этом партия учуяла некую опасность, а с другой стороны, может, и не надо грешить на такую культурно-идейную проницательность партийцев, но истина заключается в том, что дружба и добрососедство главенствовали в Зенице почти до наших дней, чего не было в других боснийских и югославских городах.

Все наши обычаи

На самом деле, в Зенице как-то легко отправлялись в тюрьму, благо ещё с австрийских времён до неё было рукой подать. Да вон она, и по сей день в центре города. В те послевоенные годы, о которых мы сейчас говорим, она была полна усташей и четников, должностных лиц, чиновников и приверженцев Независимой Хорватии, а чуть раньше, ещё до возвращения моего дяди Драгана из Любляны, там томилась за решёткой и мои близкие родственники по линии отца. Вот так им подфартило, что любовь к одному царству будет преследоваться в другом.

А что делать с ней, если раньше нарядишь, а нагрянет гостя из Комитета

Не только в профессиональном смысле, Зеница должна была бы стать для Драгана идеальным местом. В его происхождении слились корни отца полусловенца, полубоснийца, матери, в жилах которой текла половина швабской крови, а другая половина в равных долях представляла смесь Средиземноморья, Ориента и того, что провинциалы в маленьких странах с воодушевлением называют Средней Европой.

Поскольку отец Драгана, мой дед Франьо, был железнодорожником, дядя мой родился, жил и вырос в маленьких городках рядом с рельсами до тех пор, пока не добрался до Сараева. Его дед настоятельно требовал, чтобы в доме все говорили на немецком, а отцу хотелось, чтобы дети непременно знали словенский и помнили о корнях по линии отца, берущих начало в Кнеже под Толмином, а в сельской школе, куда его отдали, не было католического наставника, и, чтобы не отделять его от других детей, общению с Богом его обучали в мусульманском мейтефе (так он ошибочно называл мектеб). Выходило, что Бог действительно выписал ему мандат *maksuz* исключительно в Зеницу (*maksuz* – специально для чего-то, тюрк., слово широко употребляется в современном боснийском языке).

Из Сараева он привёз свою молодую жену, мою тётю Виолу, самую прекрасную женщину из моего детства, которая не утратит своей красоты ни в зрелом возрасте, ни в тяжёлые годы. Она также происходила из исполненного патриотизма, но пришлого семейства. Отец её под старость, для души, начал писать морские и боснийские пейзажи. Он был щедушный, добрый и полный человеческого тепла старец, как и все пришельцы его поколения, пленённый землями Боснии и Далмации, которыми одарила его судьба. Брат Виолы Роберт, бывший отличником сараевской средней школы, попал в концлагерь Ясеновац. Ему повезло, он сумел выжить за колючей проволокой, но это испытание наложило отпечаток на всю его оставшуюся жизнь. Я его запомнил, как совершенно аполитичного и из-за собственных взглядов чокнутого человека. Когда я вдруг подумаю о концлагерях, в первую очередь я вспоминаю именно о нём.

Рядом с Тито

Представляю, насколько сильное чувство связывало эту пару, если Виола согласилась отправиться с Драганом в Зеницу в те времена обновления и повсеместной стройки.

На самом деле между Сараево и Зеницей всего восемьдесят километров, правда, *очень длинных и далёких*, которые в то время редко кто проезжал без особой надобности. Но Драган, как и следовало от него ожидать, успешно поднимался по служебной лестнице и в пятьдесят с небольшим стал директором доменных печей. Пост этот был очень ответственным и одним из наиболее значительных во всей югославской чёрной металлургии. Не надо объяснять, что в тогдашней стране на эту должность

мог быть назначен человек, успешно выдержавший все из возможных проверок. Разумеется, Драган уже тогда был членом партии, смешно и подумать о том, что без этого вообще дали бы близко подойти к этим печам, но всё же знание профессии сыграло решающую роль. Идеология – это одно, но от идей сталь лучше не плавится. Помогает плавке металла определенно что-то совсем другое. Я заговорил об этом потому, что у Драгана в унаследованном багаже имелось такое, что в других отраслях и при разных обстоятельствах ограничило бы его карьерные возможности, особенно политические и партийные: его брат погиб, воюя на стороне неприятеля. И произошло это всего-навсего лет десять-пятнадцать назад. Во всяком случае, ему всегда надлежало придерживаться верной линии в поведении, а он сам говорил, что это нелегко удавалось, поскольку «доброкачественный гедонист» был слаб в области идеологии. Когда друг Тито навещался в Зеницу, и перед его приездом превентивно город очищали от подозрительных лиц, священников, бывших павеличевцев и хорватских народных героев, дядя сопровождал высокого гостя на комбинате. Где-то у нас дома в неприглядном хаосе реликвий из прошлой жизни ещё должна была бы храниться фотография, вырезанная из газеты, на которой Драган показывает Маршалу огнедышащее inferно доменной печи.

В самом начале его директорства, даже, может, в самый первый год, наступало Рождество, а Виоле, вероятно, захотелось нарядить ёлку перед ним, а не к Новому году, как предписывала партийная дисциплина. Вот и украсили деревце в Сочельник, а потом произошло нечто странное: товарищ Совета Ярош сообщила, что придет к ним в гости. Оба всполошились, с чего бы это, а Драган схватил ёлку и уже наряженную сунул в ванну.

Смею предположить, что сделал он это в тот момент, когда товарищ Совета уже позвонила в дверь, осознав, что может случиться, если она увидит украшенное раньше срока дерево. Санузел, к слову сказать, был в квартире совмещенный.

Сок из лепестков розы

Чедо и Совета Ярош были уже тогда и навеки остались ближайшими друзьями Драгана и Виолы из их дней, прожитых в Зенице. Чедо был чехом по происхождению, а Совета – боснийская сербиянка, когда-то комсомолка, а позже член горкома партии Зеницы.

Может, сегодня кому-то покажется странным или идеологически неправдоподобным и очень далёким от реальности, но в действительности Виола и Драган были очень привязаны к товарищу Савете. С ней они могли говорить о том, о сём, кроме того, конечно, о чём с другими не разговаривают. В наши дни с друзьями дома ведь не говорят, например, о сексе, особенно анальном, а тогда не принято было говорить о брате, который воевал по другую сторону или об украшении ёлки к Рождеству. А ради чего, собственно, да и непонятно, с кем об этом разговаривать до того, как пройдёт время, и наши жизни превратятся в притчи, в которых все «розовые и пушистые», конечно, если мы вдруг не были непослушными и вредными. А если мы таковыми всё-таки были, то нас в любом случае забудут...

Итак, то ли товарищ Совета в тот день достаточно засиделась у Рейцев, то ли товарищ Драган и товарищ Виола столько страху натерпелись тогда, что им каждая минута Саветинового визита тянула на год, всякий раз, когда она отпивала глоток сока из розовых лепестков, они покрывались ледяным потом, так как с каждым глотком она приближала себя к посещению места, куда ей совершенно не надо было бы заглядывать.

Кто сейчас знает, о чём они тогда разговаривали, об этом и забылось в тот же день, и уж, тем паче, через пятьдесят лет вряд ли кто об этом вспомнит, хотя любопытно узнать, показалось ли Савете что-то подозрительным в их поведении, ну, допустим, что и да, показалось, только она наверняка об этом давно забыла. Короче, всё, на счастье, удачно завершилось, поскольку гостя не удосужилась посетить места общего пользования и не столкнулась с идейным несоответствием моего дяди Драгана Рейца, директора доменных печей металлургического комбината в Зенице и гордости не только боснийской, но и всей югославской металлургии.

Мама позвонила мне на Старый Новый год, чтоб рассказать об этом эпизоде, о котором в семье, оказывается, частенько вспоминали, порой шепотком, чтоб, упаси Бог, не дошло бы до Ярошей, чтоб люди не рассердились, но меня притча каким-то образом обошла стороной. А в итоге получили мы хэппи-энд, так как событие в полном соответствии с правилами драматургии неожиданно получило продолжение.

Австро-венгерские украшения и конфеты

Мама моя частенько посещает доктора Шеркана Талича, с которым знакома уже много лет, а это пропуск в мир людей, в котором многое подлежит обсуждению. Так или иначе один другому что-то да расскажет. Доктор Талич, как и все семейные доктора, на плечах своих носит увесистый рюкзак подобных историй, разных человеческих судеб, удач и неудач, чудес из жизней чужих и близких. Так вот, если б ему удалось, да не был бы ещё он заложником собственного ремесла, вполне мог бы уважаемый медик стать ведущим сараевской хроники, или хотя бы репортёром некоторых сараевских районов и кварталов, где он занимается своей практикой, и откуда к нему стекаются разные пациенты.

Ну, и само собой, будучи таким особенным типом доктора, который выполняет свою работу, как священник, а дарует здоровье, как миссионер – веру, доктор Талич регулярно обходит людей в доме, в котором живёт сам.

И вот он рассказал, как на прошлое Рождество зашёл к своим соседям, пожилой паре, ему восемьдесят, ей чуть меньше, удивительно приятные люди в здравом уме и памяти. Муж

был однажды болен, но не сдался, и болезнь его отпустила. Из всех праздников больше других любит Рождество, жаль, что оно бывает только раз в году. Они с женой приносят в дом ёлку, и он украшает её игрушками, которые остались от его родителей, может быть, некоторые шары сделаны больше ста лет назад, красивее просто не бывает, сегодня таких даже для королей не выпускают. Ещё он вешает на еловые ветки конфеты в шуршащих блестящих бумажках, помните, такие продавали лет пятьдесят тому назад, в то время, когда не купить было настоящих ёлочных украшений, и жили, в основном, бедно, но детей-то надо было чем-то побаловать, хотя бы снятой с ёлки конфетой. В конце концов, ёлка у него получается самая красивая во всём Сараеве. Поскольку в любой притче должны быть названы имена, доктор Талич говорит, как зовут его соседей: господин Чедо и госпожа Совета Ярош.

Смешные наши страхи

Вот и всё, что рассказала мне мама по телефону. Совершенно рождественская история, в стиле Фрэнка Капры, который вместо того, чтобы отправиться в Голливуд, остался в Зенице и Сараево. В наши дни госпожа Совета точно не станет сердиться, если узнает, что Рейцы от неё в ванне прятали аморально-аполитичную рождественскую ёлку. Такое было тогда время и обычаи. Не очень здорово – гордиться своей семьёй и всей роднёй в целом, от этого один шаг до гордости за свою нацию, а этот недуг тяжёлый и неизлечимый, но я всё же немножко горжусь тем, что об этом эпизоде в семье говорилось с юмором и самоиронией, исключительно, как шутка в свой адрес и напоминание о тепер уже смешных страхах и трусостях, и никогда иначе.

Когда в 1998 г мой дядя Драган, которого я всегда звал *барба* Драган, лежал в Зенице в больнице, он захотел меня повидать ещё раз. Была зима, я ехал из Загреба на автобусе, вся Босния была в тумане, в снегу и в грязи, Зеница пропиталась тяжёлым угольным дымом, металлургический комбинат не работал. Больница была похожа на все другие больницы на свете, тут нечего описывать. Инсульт перекошил правую сторону его лица, и он сразу же задал мне вопрос, шутки ради: «Ну как, похож я теперь на Туджмана?» Нет, дорогой, ты для меня никогда **им** не станешь.

Русский мир без границ

Минские берега

Валентина Поликанина

Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей Беларуси, Союза российских писателей и Международной федерации русскоязычных писателей. Автор тринадцати книг стихов и прозы. Лауреат республиканских и международных литературных премий: первой премии Белорусского союза журналистов «За лучший женский образ в современной журналистике», специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература», первой премии Союза писателей Беларуси «Золотой Купидон», российской литературной премии им. А.П. Чехова, Международного литературного конкурса «Литературная Вена» и VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (Золотой диплом). Указом Президента Российской Федерации награждена медалью А.С. Пушкина.

Из цикла стихов «Моя Беларусь»

1

СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Точны слова и смыслы безупречны,
Когда их чтят без усталы и сна.
Молитва – дар иного красноречья,
Когда душой владеет тишина.

Под звёздным небом – светлая дорога.
И мысли устремляются горé.
Всю жизнь твою и всю твою убогость
Преображает ночь в монастыре.

Глядишь в слезах, печали утоляя,
На свой мирской и суетливый след –
И прошлую беспечность оставляешь,
И заново рождаешься на свет.

2

Я еду в последней маршрутке
На свет, что горит впереди.
По рыжим полям Новогрудка
Осенние скачут дожди.

Всевышним обещана встреча
На древней земле и святой.
Я выпью спасительный вечер,
Как самый целебный настой.

Дерзну я – столетий на стыке –
Просить, чтобы век не скосил.
И будет молитва Владыки
Мостком к укреплению сил.

Пойду, осмелевшая, к людям:
Прозревшей душой говорить.
И сердце отважное будет –
Ещё безысходней – любить.

ЖИРОВИЧСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Здесь белый снег ещё белее станет
И сердце достучится до стихов.
Жировичи – как остров в океане,
Спасение от гибельных грехов.

Здесь гаснут страсти, утихают споры,
И вновь душа свет чистый узнаёт.
Земным крестом Успенского собора
Возвышено Отечество моё.

Здесь день и ночь, как вдох и выдох, слиты.
Очисти, Боже, нас: всю грязь сними!
Пусть крепнет неустанная молитва,
Пусть чудо совершается с людьми!

Пусть веры искупительной хватает
 На то, чтоб жизнь продолжилась в веках.
 Как сына, Богородица святая,
 Держи наш мир увечный на руках.

Из цикла «Стихи о России»

1

Я скучаю по России,
 Белой-белой, синей-синей,
 Словно храм, мне ставшей домом,
 Словно небушко, бездонной;
 Полной света и покоя
 По-над Волгой и Окою;
 С деревянной резьбою,
 С расписной её судьбою;
 Той, что верить не устанет;
 Зацелованной устами,
 Как вода, что нету слаще;
 Непродажной, непропащей,
 Не распластанной над бездной,
 Сострадательно-болезной;
 Той, по-радонежски торной,
 По-саровски чудотворной,
 Куполами позлащённой,
 Покаянной и крещённой,
 Сильной в трудную годину,
 Неделимой и единой;
 Не измеренной шагами,
 Не истоптанной врагами,
 Уходящей от полона,
 Мощной духом, непреклонной;
 В бой со злом ведущей сердце,
 Породившей страстотерпцев;
 Душу ввысь привыкшей кликать –
 По Святой Руси, великой.

2

Камни древнего острога,
 Моря шальные следы –
 И монашеская строгость
 Всей природы у воды;
 Путь окольный, ветер вольный,
 Время веры и потерь,
 Деревянной колокольни
 Покосившаяся дверь;
 Продолжение разговора:
 Слово к слову, не спеша;
 Ясный-ясный взгляд помора
 И наивная душа;
 Крик гусей перед грозой,
 Пониманье: жизнь чиста,

Свет в избушке бабы Зои –
 И святая простота;
 Хлеб в печи и в чае клевер,
 Правда в книгах именных –
 Это старый русский Север,
 Самый дальний из родных.

В ДЕТСКОМ ПРИЮТЕ

Года три мальчонке Гоше.
 Жизнь его – спасённая.
 Ест орешки из пригоршни,
 Няней принесённые.
 К ней щекою жмется робко.
 Та же снисходительно
 Шепчет: «Ты ж, моя сиротка,
 При живых родителях...
 Одинока по судьбе я,
 Ты – из той же братии.
 Только вот любить и смею,
 Но нельзя забрать тебя.
 Я от мыслей поседела,
 В церкви пол облазала...
 Что с тобою мне поделать,
 Боль голубоглазая?..»

СЛОВО

Ласковое словушко похоже
 Тайной на соловушку – поёт!
 Страницей, каличкой переходим
 Брошенное слово – не умрёт.

Встретила земля его святая.
 Так оно и ходит налегке.
 Сказочное... ныне обитает
 Где-нибудь на Волге и Оке.

Вынесло молчанье и огласку –
 Сильное: попробуй-ка, скажи –
 Словушко племён славян древлянских,
 Ёмкое и вечное, как жизнь.

Связано оно с преданьем старым.
 Все стерпело: муки, клеть и плеть.
 Жгли его ливонцы и татары,
 Так и не сумели одолеть.

Скóпленное сильною державой,
 Пушкиным воспетое в стихах,
 Слово не сгибалось, не дрожало
 И не унаследовало страх.

Сладкими и горькими устами
Сказанное... Может наградить.
Только бы поэты не устали
В слове этом радость находить.

* * *

Молва и слухи оседают в быте,
Моль проедает жёсткое сукно.
Таинственна на свете цепь событий,
Которую постигнуть не дано.

Иная ссора, кажется, без цели.
Но у всего – невидимая связь.
Прознать бы Чёрной речке о дуэли,
Она бы Белой стала отродясь.

Предвидели б детей на дне колодца,
Колодец бы не вырыли в глуши.
Прозрел бы, что повеситься придётся,
Иуда не польстился б на гроши.

Плоды злодейств не могут кануть в Лету,
Хоть вытерт след гостиничных мадер...
Но если б знал, что там убьют Поэта,
То зодчий бы не строил «Англетер».

СНЁБЕРКА

Сколько деревушек старятся устало!
Мы теряем корни – нам и невдомёк.
На земле смоленской Снёберка сияла,
Как в окне знакомом добрый огонёк.

Здесь когда-то шуткой славились вечерки.
Так гармошки пели, что сойти с ума!
Укатали сивку все крутые горки:
Выцвела деревня, сгорбились дома.

Где блины в сметане, что томились в печке,
Где знакомый, здешний запах молока?
Выросли овраги, пересохла речка,
На разруху птицы смотрят свысока.

Помню: тихий садик, лавочка с корзинкой,
Люди дорогие, хоть и строгий вид.
Вместе с облаками смотрят с фотоснимка
Бабушка Анютка, дедушка Демид.

Сколько ни беседуй с памятью – всё мало.
Детство золотое – радостный досуг.
До сих пор храню я чудо-покрывало:
Тонкую работу бабушкиных рук.

Тканые узоры всё смелей алеют...
Лета середина, птичий тарарам.
В дедовские кресла без гвоздя и клея
До сих пор садится солнце по утрам.

КОЛОДЕЦ

«Долгожданная Божья водица,
цариценька, здравствуй!
Будем жить и молиться,
твою чистоту не губя...»
Всем гуртом, всей общиной,
мужицким просоленным братством –
Так копали колодец,
как будто искали себя:
Деловито, неспешно,
с мозолистым цепким степенством,
С родовым, захребетным,
смекалистым, хитрым чутьём,
С оборотистой хваткой,
с тяжёлым упорством смоленским,
Со сплочённостью предков,
умевших стоять на своём,
С приговором, душевным словом
да хвастливой оглаской,
Чтоб от жажды и зноя
бессильем уже не страдать –
И земля поддалась, как жена,
на нехитрую ласку:
Так хотела она
чудо-воду
землянам отдать.

* * *

Чудо чудное, домик-кудесник...
Да, живуча ещё старина!
Здесь у каждого брёвнышка – песня,
А наличник – корона окна.

Дом с узором, где птицы смеются,
Может долго ещё прослужить.
Он, родившийся до революций,
Был поставлен, чтоб всё пережить.

Но, увы, он сегодня не в моде...
Не могу я скрывать эту грусть:
Что уходит, уходит, уходит
Деревянная старая Русь.

Крепкий дом доказательством веским
Преступает столетнюю грань.
В нём, раздвинув в окне занавески,
По-старушечьи смотрит герань.

* * *

Где царство стояло, теперь пепелище.
Мы так же, как вы, не находим и ищем...

Но нету, увы, нам счастливой подковы
На Буйничском поле и на Куликовом.

Мы так же, как вы, друг на друга пеняем,
Сначала «ура!», а потом обвиняем.

В астрал, словно в зеркало, дружно глядимся:
Мы разные – разные! – тем и гордимся.

Но есть у славянства единство – во взоре:
Единство разлуки, печали и горя,

Войны, пятилеток, долгов, неустоек,
Разрушенных храмов, томительных строек,

Дырявого сита, пустого корыта,
Чумных перестроек и шишек набитых,

Забытых историй «где тонко – там рвется»
И дерзкой надежды: авось обойдется?

* * *

О, этот груз сомнений и тоски –
Волны накат на безмятежный полдень...
Вникаю в сущность тайн и бед морских,
И я – волна, и я сомнеюсь полностью.
И я не смею радость ощутить,
Отдаться ей сполна, со всей отвагой:
Тень строчки, перепутанной, как нить,
Уже легла печалью на бумагу.
И тяжело предчувствие грозы,
И жду стихов, где явь проступит в лицах,
Где чьих-то душ слабеющий призыв
На сотню сожалений раздробится.

* * *

Монах-отшельник в день осенний
В скиту укрыться не спешит,
Прозя у Господа спасенья
Всем, кто без усталости грешит.
Невыразимая молитва
В лесной глуши, среди дождей...
Дар высших слёз, с душою слитый,
Вдали от мира и людей.
Святого Духа величанье,
Небес неслышимый ответ.
И говорящее молчанье,
Непреходящее, как свет.

Пражские берега

Людмила Свирская

Родилась в Алма-Ате (Казахстан). После окончания школы переехала в Барнаул (Алтайский край), где училась (в 1990–1995 годах) в Алтайском государственном университете, на факультете филологии и журналистики. Автор семи поэтических сборников: «Дамское седло» (1995), «Без четверти век» (1998), «Пражские стихи» (2001), «Конец весны – начало лета» (2003), «Между снегом и дождем» (2005), «Когда-то Обь, а ныне – Влтава» (2008), «Опоздавший Дон-Кихот» (2015) – последние пять вышли в Чехии. Публикации во множестве альманахов и журналов: Призер фестиваля «Эмигрантская лира» – 2009. Финалист конкурсов «Интерреальность», «Русский стиль», «Славянская Лира»

* * *

* * *

Назначь мне свидание в Праге,
Фантазию вспомни мою,
Чтоб в каждом то вздохе, то шаге
Мне слышалось слово «люблю»,
Чтоб были навеки мы оба
Друг другу и Праге верны...
Назначь мне свиданье – попробуй! –
На краешке Малой Страны.

Бывает так: в ладони целый мир,
Триумф надежды и любви премьеры...
Изнашивайте молодость до дыр,
Чтоб не пылилась в хламе шифоньера!

Назначь мне свидание в Праге,
Чтоб вечер был ясен и тих,
Чтоб старые сказки и саги
Проснулись для нас для двоих,
В бокале вино золотое
Чтоб выпить хотя бы на треть
И, чтобы над Вечностью стоя,
Друг другу в глаза посмотреть.

И день, и ночь – на все сто пятьдесят!
Успеть, найти, понять, узнать, влюбиться...
А зрелость, старость – важные – висят,
Чтоб с вешалок на плечи опуститься...

Устроим счастья бесконечный пир
И будем спорить, петь и целоваться!

...Изнашивайте молодость до дыр,
Чтоб с ней не страшно было расставаться.

КОЛОКОЛА

Когда печаль, божественно-светла,
Глухой тоской становится упрямо,
Иду я с сыном «на колокола»
К подножию стареющего храма.

И на краю испытанной весны,
Под небом – ослепительно-бессонным,
Впадаю в продолжение тишины,
Паря над Прагой колокольным звоном.

Мы оба замираем, не дыша:
От изумленья – сын, а я – от боли...
Во все колокола звонит душа,
Надеясь, что услышат... поневоле.

МАЛИНОВЫЙ СВИТЕР

Теперь мне по ночам так горько спится:
Потрескивает сердце, как свеча...
Молитвы шепчут тоненькие спицы,
Серебряными клювами стуча.

Нет бабушки давно. Но кто-то вяжет
Мне свитер, повторяя: «раз» и «два»...
И тянется малиновая пряжа
Со дна души, которая – права...

К чему e-mail и номер телефона,
Коль здесь любовь, в моих руках уже...
И музыка малинового звона
Не затихает в дремлющей душе.

* * *

С каждым годом весна –
Все родней, ошутимей, понятней.
И все чаще зима –
Как мотив в заколдованном сне...
Выпускаю стихи
Я из старой своей голубятни,
Хоть и знаю, что им
Никогда не вернуться ко мне.

Выпускаю стихи -
Навсегда прирученные мною:
Как клевали с руки!
Как ласкались, садясь на плечо!
Что возьмешь с них? Увы...
Даже птицы в ковчеге у Ноя
Тосковали и бились,
И к небу рвались горячо.

Ошутимей тепло.
Осязаемей с выдохом каждым.
Ошутимей любовь –
Многоточием. Не запятой.
Что же будет со мной,
Коль весна не наступит однажды,
И, продрогнув, приду
Я к своей голубятне пустой?

* * *

У меня здесь – ни дома, ни храма, ни отчества.
Видно, я в своих прошлых грехах недокаялась.
Но навеки с тобою – мое одиночество,
И навеки со мною – твоя неприкаянность.

Наши души причудливо вогнуто-выпуклы,
Так пришлись друг ко другу, что даже не верится...
Я б из этой любви обязательно выплыла,
Зацепившись серьгой за прохожее деревце...

Но зачем без тебя эта жизнь сухопутная?
Чтоб прослыть симметричною, равностороннею?
Ртом хватаю я счастье свое...беспробудное,
Что на донышке сердца навек похоронено...

* * *

Мужчин не соблазняла, не курила,
Пила – на праздник рюмочку вина...
Я безупречна, как конспект зубрили,
И, значит, неминуемо скучна.

Я в двадцать три ноль-ноль – уже ни звука:
В судьбе порядок. Сердце под замком.
Чуть-чуть сутула, сильно близорука,
С двумя детьми и тощим кошельком.

Жизнь, в общем, состоялась. Получилась.
Все как у всех: работа и семья...
В какую щель ты все же просочилась,
Любовь неугомонная моя?

Откуда налетела ураганом?
Мир тих был и безветрен до сих пор...
Как будто я всю жизнь играла гаммы –
А тут вдруг – Баха. Фугу ре-минор.

* * *

Боишься, что с судьбой уже не справимся?
Твердишь, что я все время не права?..
Давай с тобой в Венецию отправимся,
Пока у нас любовь еще жива.

Каналы упоительно-печальные,
Как жест прощанья, грустный взмах весла...
Потерянная туфелька хрустальная
Еще одной гондолой уплыла...

Вдали Сан-Марко – площадь голубиная...
Как в детстве, птицам хлеба крошки,
И слово подзабытое – «любимая» –
Метнется, словно голубь, из души.

Чтоб руки без объятий не истаяли,
Цепляясь за любовь едва-едва,
Бросай дела! Поехали в Италию,
Пока еще Венеция жива

* * *

Я просто дочка и сестра.
Меня там холят и лелеют
И так отчаянно жалеют
За все: за ливень до утра,
За недопитое вино
И кучу фантиков конфетных:
Мол, в ваших даях заповедных
Ни съесть, ни выпить – все равно.

Да, горше пирога с тоской
Заморских сладостей замазка...
И огурцов сибирских сказка
Хрустит на сердце день-деньской!

Я просто дочка и сестра:
Меня там холят и лелеют.
И кудри облаков белеют
В пылу рассветного костра...

(Я улетала в шесть утра...)

СЕРАЯ ШЕЙКА

На юг улетела крикливая стая моя,
А мне с перебитым крылом зимовать одиноко.
Все уже, страшней и тоскливей в пруду полынья,
И старый охотник случайно увидит в бинокль,
Как я, чтоб не дать ей замерзнуть, туда и сюда
Ныряю без устали, словно в игрушечной луже...

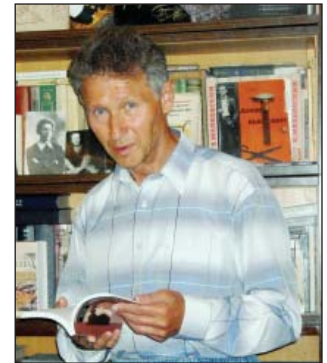
Лиса каждый день прибегает на берег пруда
И чутко топорщит свои треугольные уши.
Всю зиму мне кажется, будто судьба – не моя,
А я проживаю чужую в угоду кому-то...
Все Уже, страшней и тоскливей в пруду полынья...
Глядишь – и затянется намертво через минуту.

Критика

Григорий Блехман

Поэт, прозаик, публицист, литературовед, лауреат международной и всероссийских литературных премий, член Союза писателей России

О книге Валентины КОРОСТЕЛЁВОЙ «СТРОКИ И СУДЬБЫ»

Двадцатый век с самого начала дал России такое обилие поэтических дарований, что сейчас складывается впечатление, будто он *по инерции* стал веком русской поэзии. По яркости поэтических имён и направленности поэзии или поисков в ней можно в прошлом столетии условно выделить три этапа: поэзия Серебряного века, Великой Отечественной войны и поэзия, берущая начало в 60-х, когда в нашей стране наблюдался явный поэтический бум.

Некоторым из поэтов было суждено прожить несколько из этих этапов, что, естественно, в какой-то мере отражалось и на творческой тематике их произведений.

Валентина Коростелёва – сама прекрасный поэт, многих из тех, о ком в этой книге написала, знала лично. И это сочетание – собственной поэтической одарённости и личного знакомства с немалым числом героев своих очерков – даёт её книге особую ауру «размышлений изнутри».

Именно поэтому книга, состоящая из 28 отдельных очерков – развёрнутых и небольших, а также, эссе – о поэтах от Александра Блока до Евгения Евтушенко включительно, читается как единое целое, окрашенное тончайшими нюансами поэтических дарований, черт характеров и особенностей времён, в какие жили каждый из её знаменитых или просто известных ныне лишь узкому кругу читателей персонажей.

Причём, если при жизни некоторые из них не считались поэтами первого ряда, будучи затмеваемыми более громкими именами их собратьев по перу, то по истечении времени – единственного объективного и беспристрастного нашего судьи – отчётливо видно, что их вклад в поэзию не менее значим, чем вклад тех, чьи имена гремели при жизни.

И в том, что Валентина Абрамовна сумела это показать, огромная её заслуга для нашего литературоведения и просто для любителей истинной поэзии.

Очень важно, на мой взгляд, отметить и то обстоятельство, что при всём разнообразии поэтических дарований, судеб в литературе, направлений в искусстве, предпочитаемых тем или иным поэтом, все, о ком пишет здесь Валентина Коростелёва, внутренне объединены между собой тем, о чём Александр Блок написал, когда почувствовал это в себе:

...Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не моё, а наше,
И с миром утвердилась связь...

Поэтому при всех творческих особенностях каждого из 28 представленных здесь поэтов, для меня самым значимым и интересным было ощутить, как у каждого из них «с миром утвердилась связь», так как именно в такие моменты и рождаются самые значимые строчки, которые остаются потомкам.

Конечно, у каждого из нас есть пристрастие к тому или иному поэту. Кто-то тебе ближе по мироощущению и стилю, кто-то не так сильно трогает. Для меня, например, здесь есть поэты, чьё творчество подвержено заметным перепадам, объясняемым особенностями личности и направлениями её развития. Наверное, ярчайшей из таких противоречивых фигур является в моём восприятии Евгений Евтушенко, чьи личностные, а, следовательно, и творческие перепады впечатляют своими амплитудами.

Но всё равно, каждый из них внёс заметную лепту в русскую поэзию 20-го века, и Валентина Абрамовна убедительно это показывает.

Нередко случается так, что прочитав талантливый очерк о чьём-либо творчестве, открываешь в ещё недавно не близком тебе поэте струнки, которые заставляют иначе на него взглянуть, перечитать то, что читал давно, или прочитать то, что в своё время по причине твоего ранее поверхностного восприятия того или иного поэта, не читал.

И в этом ещё одна заслуга Валентины Коростелёвой. Её очерки и эссе написаны так, что равнодушным ни к кому из этих 28 поэтов не остаёшься. Может, повторю, это происходит потому, что Валентина Абрамовна сама поэт глубинный, прекрасно знающий русскую и мировую литературу, влюблённый в слово и трепетно к нему относящийся. Отсюда и влюблённость в талант другого, а также умение подать его щедро читателю.

Я мог бы здесь остановиться на творчестве каждого из поэтов, о ком автор пишет. Но вряд ли это требуется. Во-первых, потому, что так ярко, как Валентина Коростелёва, сказать не сумею. Во-вторых, у каждого читателя своё восприятие прочитанного. И, в-третьих, потому, что многие из этих материалов были опубликованы на страницах таких изданий, как «Литературная газета», «Литературная Россия», «Культура», журналов «Наш современник», «Виноград», «Российский колокол», «Венский литератор», «Новый ренессанс» (Германия)..., а также на самом читаемом литературном сайте «Российский писатель». И везде они получали высокие оценки профессиональных литераторов (коллег по литературному цеху) и читателей, умеющих оценить истинную литературу.

Вот почему немалое число этих публикаций отмечены дипломами и знаками отличия на разных представительных всероссийских и международных литературных конкурсах, где Валентина Коростелёва неоднократно получала высокое звание Лауреата.

Поэтому мне остаётся лишь поблагодарить Валентину Абрамовну за её многолетний, талантливый и благородный труд во имя русской литературы, окрашенный любовью автора к своим героям и заботой о будущем великой культуры России.

И пожелать читателю достать эту книгу и остаться наедине с прекрасными очерками и эссе о знаковых людях в поэзии 20-го века.

Убеждён, что никто не пожалеет.

Бережок

Альбина Королёва

Родилась в городе Череповце 6 февраля 1963 года. Печаталась в журналах: «Наш современник» (2002 год), «Невский альманах» (2012, 2013, 2016 гг.). Автор книги стихов «Душа и характер», книги «Малая родина». Победитель и лауреат различных городских, районных и областных литературных конкурсов. Награждена медалью «Николай Рубцов» (2016 г.) Член Вологодского Союза писателей-краеведов, секретарь череповецкого отделения Союза. Член редколлегии краеведческого альманаха «Люди и дела».

Зеркало

Рассказ

Одна маленькая девочка никогда в жизни не видела зеркал. Её мама думала, что девочка увидит себя в зеркале и испугается. Станет заикаться. Зеркало купили только тогда, когда девочке исполнилось пять лет. Было раннее утро. Малышка проснулась и пошла в спальню родителей. Она увидела зеркало и заглянула в него. Там была незнакомая девочка.

– Ты кто?

Отражение молчало.

– Ты кто? И зачем пришла к нам? Ой... а у тебя такие же волосы, как и у меня, и такие же бантики на волосах голубенькие. Ой... у тебя и пижама такая же, как у меня.

Девочка погрозила пальцем незнакомке, та погрозила ей в ответ.

– Ты чего мне грозишь? Я тебя не боюсь. Я у себя дома. Я тут главная.

Малышка подняла подбородок вверх. Незнакомая девочка тоже так же сделала.

– Ты почему меня передразниваешь? Я вот тебе покажу-у-у.

Незнакомка тоже погрозила пальчиком.

– Ма-ма-а-а, – закричала девочка.

Мама пекла блины на кухне. Услышав крик дочки, она прибежала в спальню.

– Что случилось, доченька?

– Посмотри туда, – девочка показала на зеркало, – видишь, чужая девочка к нам пришла.

– Какая же чужая? Это же ты.

– Как я? Я – здесь, а там другая девочка. Она одета как я. Она повторюша, передразнивает меня.

– Да там ты, то есть твоё отражение. Это же зеркало. Оно отражает всех, кто в него смотрится.

Сейчас отражает тебя.

– Как это ОТРАЖАЕТ?

– Вот придёт вечером папа, он тебе всё объяснит. Он у нас очень умный. А пока пойдём, переоденемся в твоё любимое красное платье. Ты увидишь, что в зеркале тоже ты, а не чужая девочка.

– Хорошо, пойдём. Она не успеет так быстро переодеться.

Мама с дочерью взяли из шкафа красное платье и подошли к зеркалу.

– Мама, она тоже в таком же платье с белым воротничком и чёрными пуговками. Когда она успеет сшить такое же? Ой... она и маму с собой привела. Ой, ...её мама похожа на тебя...

– Милая моя, это же наше отражение в зеркале: твоё и моё. Видишь? Давай помашем себе ручкой.

– Мама, и они нам ручкой машут.

Мама поняла, что ей не удаётся переубедить ребёнка и отправилась на кухню печь блины. Папа объяснит лучше.

Вечером пришёл отец и рассказал дочери о зеркалах, о том, что на стекло можно ровным слоем налить олово, серебро, золото или чёрную краску, и получится зеркало. Папа рассказал историю изготовления зеркал во Франции, сказал, что там их даже украшали драгоценными камнями.

– Доченька, ты всё поняла? Не будешь теперь бояться незнакомки?

– Не буду.

– Ну, тогда иди к себе и ложись спать.

Папа вышел на кухню, а девочка подошла к зеркалу.

– Ты тут сиди спокойно, пока я буду спать. Завтра увидимся.

Берега милосердия

Лидия Довыденко

Берег надежды

МИР СТАНОВИТСЯ ДОБРЕЕ

Свет глаз, свет улыбок, когда ребёнок начинает выздоравливать после тяжёлой болезни, когда появляется после бурь среди океана тревоги, боли – спасительный берег Надежды на исцеление, на самостоятельное движение, на то, чтобы жизнь обрела краски или звуки, на то, чтобы из одиночества ты вырвался в коллектив, чтобы смочь что-то сделать своими руками, открыть в себе способность к творчеству.

К спасительному берегу хрупких больных детишек ведут и учат быть сильными взрослые люди, много взрослых, кому по силам быть добрыми и великодушными.

И вот уже в результате собранных общими усилиями средств Сою Кондратьеву ждут в США для проведения второго этапа уникального лечения, а Лёня Васильев обрёл взгляд на мир через видеоувеличитель, Дима Тюнин услышал голос мамы, богатство звуков земли.

Фонд «Берег надежды» выбрал себе девизом такие слова: «Даже капля помощи может быть решающей в спасении чьей-то жизни!»

И звучат слова благодарности работникам фонда, всем равнодушным людям, которые помогли конкретному ребёнку, как, например, от семьи Бех: «Хотим выразить Вам благодарность за помощь в перелёте к месту лечения и обратно в связи с операцией нашего сына Акима Беха. Спасибо большое за ваше участие в судьбе нашего малыша. Сейчас, после трёх перенесённых им операций, ему значительно лучше, и у нас закончился этот трудный год, в течение которого нам приходилось несколько раз летать в Москву на операцию с Акимом. Благодарим ВСЕХ, кто принимал в этом участие своими пожертвованиями. Пусть Бог благословит вас и воздаст вам по вашим нуждам!»

Какое же удовлетворение возникает, когда видишь счастливые лица и ребёнка, и родителей. Мир вокруг становимся добрее.

ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Желание делать добрые дела есть в сердце у каждого из нас. Надо только остановиться в суете жизни, осмотреться и протянуть руку помощи нуждающимся детям. Например, придя на благотворительный концерт в Дом искусств, где под руководством Елены Щедриной выходят на сцену танцевальные коллективы, музыканты, вокалисты. И как много калининградцев отзываются на призыв, приходят на концерт, зная, что, купив билет, тем самым они спасают чью-то маленькую жизнь. Вот отзыв одной из мам: «От всего сердца благодарна коллективу Елены Щедриной, благодарна родителям, которые воспитали таких чудесных деток, где детки помогают деткам!!!! Отдельное спасибо вам, девочки, и всем тем, кто сегодня выступал в благотворительном концерте. Моя доченька сможет ходить, радоваться жизни благодаря всем вам! Спасибо! Храни Вас Бог!»

На праздники «Берега надежды» приходят семьи, которые со слезами на глазах благодарят за сделанную операцию, без которой их ребёнка на этом празднике не было бы. Очень-очень трудно – просить. Но бывает не до гордости, когда последняя надежда – «Берег надежды». Многие не могли представить себе, с какой отзывчивостью, душевностью к ним отнесутся в фонде. И комок трудно сдерживаемых чувств подкатывает к горлу, когда не только быстро помогают с оплатой операции, но отчаявшиеся родители обретают колоссальную моральную поддержку, надежду, силы, уверенность, что всё будет хорошо.

С теплотой всегда будет помнить девочка, отличница, играющая на флейте, что ей помогло множество незнакомых людей, а теперь она живёт здоровой, полноценной, насыщенной жизнью.

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ФОНДА

Татьяна Анатольевна Влахович рассказывает: «С 2011 года мы оказываем помощь детям там, где государство не может помочь. Это не подмена государственных функций, это помощь, не прописанная законодательством РФ: оплата расходных материалов для проведения операций; оплата лекарств; оплата проезда к месту лечения; оплата проживания родителей рядом с местом лечения ребёнка. Финансирование лечения за рубежом мы производим только в случае, если российские специалисты не могут оказать необходимую помощь.

Благотворительный фонд Калининградской области «Берег надежды» зарегистрирован 27 января 2010 года. Фонд, с одной стороны, оказывает помощь тяжелобольным детям, проживающим в Калининградской области в оплате лечения, а, во-вторых, реализует проект «Цветы жизни» для детей с ограниченными возможностями.

Наш фонд сотрудничает с компаниями, организациями, частными лицами, волонтерами, – со всеми, кто неравнодушен и хочет помочь организационно, финансово или любой другой поддержкой. С каждым мы взаимодействуем индивидуально и выбираем оптимальную форму сотрудничества.

Это могут быть пожертвования на лечение того или иного ребёнка, размещение ящиков для сбора средств в офисе, размещение выставки-продажи художественных и фото-работ, спонсорская помощь в реализации наших проектов, мероприятий, организационная, волонтерская помощь и многое другое.

Обратиться к нам очень просто: достаточно позвонить, и Вы получите всю интересующую Вас информацию».

Евгения Иванкова руководит вторым направлением работы фонда, проектом «Цветы жизни». В семье на индивидуальные занятия часто не хватает средств, а больные детки так нуждаются в общении с другими детьми и взрослыми. Возникла идея – организовать бесплатные кружки, курсы, чтобы научить ребят что-то делать своими руками. В проект также входит организация экскурсий по городу, по области, на предприятия. Для детей это что-то невероятное – поездки на шоколадную фабрику, в художественную галерею, в зоопарк, в ООО «Залесский фермер», «Натурово».

Проект «Цветы жизни» оказался очень востребованным, принят и детьми, и взрослыми с огромной благодарностью.

Полученные знания, навыки, опыт очень помогают ребятам, их общему развитию, адаптации в обществе, формируют мечты о будущем.

«Педагоги – наша гордость, – рассказывает Евгения. – Они ведут занятия с нашими ребятами по искусству валяния из шерсти и делают удивительные вещи. Мы проводим занятия по изобразительному искусству, лего-конструированию. У нас есть компьютерные курсы. Популярны занятия флористикой. Это та деятельность, в которой можно успешно реализоваться. Мы стараемся, чтобы работы были не поделками, а чтобы были качественными и конкурентоспособными. Есть театральный кружок и фотодело. Наши дети успешно конкурируют с обычными детьми.

Мы ищем интересные формы для сбора средств. Елена Щедрина, её музыкальные концерты – невероятно значимая форма вовлечения всех наших детей и взрослых в благотворительные акции. Мы вместе ещё много сможем сделать полезного.

Ещё одна форма работы по сбору средств – благотворительные аукционы. Приходят отзывчивые люди. Например, космонавт Алексей Архипович Леонов подарил фонду картину, которую купили на аукционе.

БЛАГОТВОРИТЕЛИ И ПОПЕЧИТЕЛИ

То, что у фонда появился свой офис на улице сержанта Колоскова, говорит о том, что в мире есть добро, и оно длится, как чудо. Работали буквально на коленях, а теперь – за столом. Есть помещение для занятий с детьми в удобное время после обеда. Чудо совершил Валерий Макаров – депутат горсовета, директор компании «Строй-Инвест».

Стены офиса украшены работами Саргиса Гогоряна – члена Союза художников России. Он подарил 17 пейзажей.

Попечителем «Берега надежды» является Константин Цзю. Известный российский и австралийский боксёр обучал детей различным приёмам и принёс немало радости общением с ними.

2 декабря Калининградская филармония подготовила концерт, чтобы собрать средства для Никиты Плетнёва, слепого талантливом молодом музыканта, чтобы приобрести для него дисплей Брейля, и он сможет участвовать в международных музыкальных конкурсах.

Елена Павловна Радзвильюк пришла в фонд случайно, и осталась здесь. Уже 5 лет она работает директором фонда. Это всеобъемлющая личность. Она слышит людей, понимает чужую боль, умеет родителей успокоить, и у неё трезвая голова при огромной административной нагрузке. Ведь каждое мероприятие должно быть продумано, сюжетно выстроено с чётким определением задач. Все взрослые в фонде учились всему на ходу и поняли, что реально что-то получается, когда идёшь не рывками, а системно, когда есть чёткий расклад и команда.

Есть интересные волонтеры, которые ведут отдельную воспитательную работу. Например, Нина Тарасенко – она надёжна и безотказна. И что самое важное – ей самой это нужно.

Часто приходят молодые ребята из БФУ имени Канта, их интересует социальная жизнь. Старшеклассники приходят, предлагают фото и видео.

«ДОБРО НАЧИНАЕТСЯ С ТЕБЯ!»

Особое слово нужно сказать о компании «МегаФон», организовавшей медиатур «Добро начинается с тебя!», предложившей конкурс для журналистов на лучший материал на социальную тему, постоянно поддерживающей благотворительный фонд.

28 ноября в комплексе «Резиденция королей» состоялся Отчётный вечер благотворительного проекта «Цветы жизни». В его программе и беспроигрышная благотворительная лотерея, и ярмарка изделий, изготовленных детьми, и фотозона, и уникальный шариковый бар, и выставка работ детей-участников проекта «Цветы жизни». Очень зрелищная театральная постановка «Бумажный город» и концерт Студии эстрадно-сценического мастерства Елены Щедриной. В празднике приняли участие более ста подопечных «Берега надежды». Участники проекта «Цветы жизни» продемонстрировали свои достижения, которых они добились за этот год в различных творческих направлениях.

Новый партнер фонда «Берег надежды» – гуманное сообщество @instamam_kld. Сотрудничество началось с проекта «Добрая пятница», в котором появилась информация о Соне Кондратьевой, @instamam_kld – проект разумного материнства, психологии, развития и воспитания малышей. Участники его помогли организовать фотозону на большом празднике проекта «Цветы жизни».

Хорошо складывается взаимодействие с организацией «Данкешоп», предоставляющей материалы, из которых на занятиях девочки делают сумки, кошельки, коврики для собак. Недавно началась работа совместно с появившимся новым направлением в Калининграде – лечение деток контактом с собаками – канистерапия.

ВМЕСТЕ МЫ МОЖЕМ ПОМОЧЬ

Не перечислить всех больших и малых добрых дел «Берега надежды». На городских праздниках, на мероприятиях каждый вносит что-то своё, помогая друг другу, рассчитывая друг на друга в заботе о подопечных, проявляя индивидуальный подход в социализации, помогая выйти за круг повседневности. Родители больных деток понимают, что должны быть сверхродителями. Они приходят на праздники и видят, что дети счастливы, когда их выводят в новый для них мир. Родители остаются с фондом, когда уже получили помощь. Благодаря неравнодушию людей, удаётся собрать миллионы рублей. Признательные родители отвечают: «Низкий вам поклон, наши дорогие ангелы-хранители, сердечная материнская благодарность! Мы всегда о вас помним и стараемся вам помогать! Пусть ваша доброта возвращается к вам с теплом и благодарностью спасённых сердечек!»

Очень приятно, когда человек откликается, звонит и предлагает помощь, материальную и нематериальную. Многие люди уже поняли и точно знают, что вместе, соединив воедино свои усилия с другими, мы можем помочь тем, кто нуждается в нас!

Присоединяйтесь!

Дорогие друзья! Помочь детям фонда «Берег надежды» можно наличными средствами, а также переводом через компьютер или мобильный телефон.

С сайта www.bereg-nadejdy.ru в разделе Помочь сейчас для каждого ребёнка можно совершить онлайн платёж.

Вы можете отправить СМС на короткий номер 7715 со словом плюс и суммой пожертвования.

Перечислить деньги фонду «Берег надежды» можно в любом банке:

ИНН 3906188822 / КПП 390601001;

р/с 40703810720010000037

к/с 30101810100000000634

БИК 042748634 в отделении 8626 Сбербанка России, Калининград.

Если вы хотите, чтобы деньги были направлены на конкретного ребёнка, то в назначении платежа необходимо указать, для кого именно переводятся средства.

Нас читают, о нас думают

Сергей Пылёв, член Союза писателей России, Воронеж – «Это сегодня явно Эверест духа»:

Замечательная и по философии жизненной, и по краскам проза нового номера 5(23)-2017. А какие имена поэтов, какие высокие ноты в их стихосимфониях! А внутренние «берега» номера! Глазунов! Гейза Дьони! Владимир Казмин! Не перечислить сейчас всех. Какой горный взгляд, какая эпичность в, казалось бы, обыденности жизни... С какой радостью плаваешь от одного Берега к другому – и везде тебя встречает глубокое волнующее содержание, одним словом, достойная пища «уму и сердцу». Русский мир есть для самого взыскательного читателя заветный раздел, – лакомый кусочек высших категорий для любознательного и любящего народ свой интеллигента. Журнал «Берега» для медленного чтения. Это сегодня явно Эверест духа. Вам дано было выйти на уровень журнала XXI века, остальные еще в XX-ом. Их держит на ржавом якорю нелепая уверенность, что лучшая литература пишется в Москве и для Москвы. Забывая про Распутина, Астафьева, Носова, Гончарова, Троепольского, Ромахова, Прасолова и т.д. Ваше обращение к Берегам российских и не только регионов плодотворно и перспективно.

Павел Кренёв, секретарь Правления Союза писателей России, Москва: «С прекрасной работой!»

Листаю журнал Берега» 5–17, читаю... У вас в самом деле очень серьезное издание, это совсем не региональный, это, безусловно, общероссийский журнал с прекрасной подборкой прозы, поэзии и публицистики. Остается только поздравить с такой прекрасной работой и вашего Главного редактора и весь ваш творческий коллектив.

Благодарю Вас за публикацию! Благодарю всех ваших сотрудников! Напечататься в «Берегах» – для меня большая честь. С глубоким уважением, Павел Кренев.

Александр Лобанов, член Союза писателей России, Сыктывкар: Невероятно горжусь собой за то, что моё имя – на страницах журнала «Берега», самого, пожалуй, популярного и толкового издания на современном этапе.

Владимир Кольцов-Навроцкий, председатель литературного объединения поэтов и прозаиков, пишущих на русском языке в Литве ЛОГОС, Вильнюс:

Уважаемая Лидия Владимировна! Литературное объединение ЛОГОС искренне поздравляет Вас и коллектив единомышленников, который Вы возглавляете, с заслуженной высокой литературной наградой – Золотой медалью во всероссийском конкурсе СМИ «Патриот России».

Радуемся вместе с Вами, что Ваш труд по достоинству оценён.

Желаем журналу БЕРЕГА и в дальнейшем быть флагманом патриотических сил россиян и русского «рассеянья».

Нам, рассеянным по бескрайним берегам России, отраднее, что у главного редактора ведущего издания есть четкая духовная позиция, понятная всем и ставшая связующей составляющей между русскоязычными литераторами зарубежья.

Благодарим, гордимся и дорожим тем, что поэты и прозаики «вильнюсских берегов» обрели в издании, возглавляемом Вами, надежную творческую поддержку.

Небесной помощи всем Вашим строчкам и редакторским инициативам!

Григорий Блехман, член Союза писателей России, Москва: Мне с самого первого выпуска «Берегов» понравилось, как Вы отструктурировали журнал. Вот эта идея безбрежности «берегов русской литературы», внутри которой находится та логическая её многогранность, позволяет Вам объединять уже признанных мастеров литературы и ещё только начинающих свой путь в ней молодых дарований, которым Вы постоянно даёте путёвку в литературную жизнь: их начинает узнавать широкий круг читателей наших «Берегов», что, конечно же, молодым необходимо для внутреннего стимула их роста.

Отдельно выделю Ваш, написанный сердцем, очерк «Мой светлый, горячий Донбасс».

Для меня это – одна из важнейших тем сегодня.

Георгий Лебедев, член Союза писателей России, Санкт-Петербург: ...радуюсь повести Игоря Фадеева и тронут миниатюрами Ады Бабич. Какой молодец Игорь Фадеев! Хочется сказать ему спасибо за безупречную прозу, которая становится дорога читательскому сердцу. Ада Бабич открывает окошки в свое детство – и там оказывается много интересного.

Украшает и возвышает номер Ваш донбасский очерк, уже известный читателям «Росписателя».

Диана Кан поделилась интересными историческими подробностями, личными размышлениями и процитировала двух поэтов, но тему только наметила, словно предлагая дискуссию начать... Замечательно, что Вы открываете новые имена – значит, «Берегам» не грозит превращение в закрытый клуб авторов, какими стали большинство литературных журналов.

Восхищаюсь тем, что Вы продолжаете делать в журнальном деле и в русской словесности.

Арон Гаал, поэт, писатель, переводчик, Венгрия:

Спасибо большое журналу «Берега». Как всегда и сейчас очень понравился. Мне было особенно интересно почитать эссе, что Вы написали про Донбасс. Когда ещё день за днём была там война, я получил несколько писем от авторов, которые там пишут стихи, прозу. Что Вы написали, не только верно, но и очень важно!

Григорий Еременко, писатель, публицист, Москва: С некоторых пор я перестал читать статьи о Донбассе – по-серьёзному болело сердце. Вашу прочёл на одном дыхании. Но самое первое, что хочется сказать: Вы, Лидия Владимировна, – тот самый негниблемый народ, благодаря которому стоит белый свет. Почему так думаю? Очень просто: за какой такой надобностью поехали Вы на Донбасс? Чего не хватало Вам в Вашей спокойной жизни? И нахожу я на этот вопрос единственный ответ: из духовной потребности сделать хоть что-нибудь для людей, которые в огромной, несусветной беде. И те капельки янтаря, которые Вы оставили в луганском фонтане – это, наверное, слёзы об истерзанной земле и её людях. «Моя хата с краю» – подлотватый принцип жизни. Вот его Вы и перечеркнули жирным крестом своей поездкой. С уважением и низким поклоном!

Владимир Вахрамеев, писатель, публицист, член МАПП: Спасибо огромное! Первый номер журнала «Берега» 2017 года получился прелестным и по наполнению разнообразными публикациями, и по оформлению, и по мастерству авторов, представляющих многие российские и зарубежные регионы. Более коротко, всё эти мнения об издании можно выразить лишь одним словом – интеллигентность!

Елена Родченкова, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, Санкт-Петербург: Вы продолжаете удивлять мир. Удивление – первая реакция на истинный талант, в том числе редакторский.

Валентина Беляева, член Союза писателей России, Воронеж: Невозможно не преклоняться перед Вашей неутомимой мятущейся душой. Открытие в журнале рубрики, посвящённой Новороссии, можно и нужно отнести к одним из самых значительных событий в литературной жизни как России, так и многострадальных, непризнанных на этом кровавом отрезке истории республик Донбасса. Для его жителей – это не только моральная поддержка, это своего рода один из символов единения искусственно разделённого народа, говорящего на одном языке, великом, как никакой другой. Журнал – великолепен! Какая поэзия! Аврутин – как отдельное явление, но и остальные авторы на высоте. И уже несомненно, что журнал взял на себя особую и нелёгкую миссию с её мучительной любовью к этому кусочку истерзанной земли под таким щемяще красивым именем – НОВОРОССИЯ. Пусть не покинет Вас этот томительный и неоценимый дар – способность ощущать боль...

Наши друзья

Советуем почитать:

<http://www.rospisatel.ru/>

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistitskogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

<http://cultinfo.ru> — Культура в Вологодской области

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru